

Алгоритм

A futuristic, glowing humanoid figure with a fiery core, set against a dark, starry background. The figure has a blue and green metallic appearance with a bright yellow and orange glowing core in its chest. The figure's eyes are glowing red. The background is dark with many small white stars and some larger, fainter stars.

Макс Реев

Сможет ли наркозависимый экстрасенс удержать мир на краю? Или уронит его в бездну с хохотом?

Год 2047, многомиллионный Полис-6 задыхается в дыму промышленных отходов, гражданских волнений и химических снов. Ряд глобальных корпораций держит власть железной рукой и разрабатывает всё новые методы контроля человеческих масс. Подавление личности, индивидуальных способностей и потребностей — конечная цель и условие выживания мегаполиса, мыслят они!

Сжигая нервные ткани и погибая от передозировок, группа людей, именуемых «сенсеры», развивает сверхспособности и борется за выживание города. Возможно, зря.

Часть 1 Обратный отсчет. Глава 1 Рваное небо

Шаг, другой, третий — широкие ступени тянутся вверх, лестничные площадки остаются позади. Семь... восемь... девять... конец пролета — переполнение, в начало. Я всегда считаю. Болезнь? Способ мышления? Образ действия. Шесть этажей, сто восемь шагов восемнадцать вдохов. Каждое утро счет сходится. Значит, всё в порядке, хрупкий бетонный коробок остался на месте, и есть надежда, что мир не полетит к чертям в следующую ночь.

Впереди грубый металлический узор, декоративная решетка, за ней — технический этаж и выход на крышу. Останавливаюсь на секунду, проверяю карманы старой ветровки. Маленький изогнутый ключ — мой пропуск наверх. Несколько аккуратных движений, и замок поддается.

Темнота и затхлость, пыль и мелкий мусор. Технический этаж больше похож на древний склеп, чем на шапку современного комплекса. Вдоль стен тянутся тонкие змеи кабелей и проводов, в углу собирается целый жмут шнуров и полиэтиленовых каналов разной толщины и оплетки. Даже я не берусь сказать, что здесь лежит, и куда идет. Антенны, интернет-линии, оптоволокно — огромная информационная артерия, кислородная трубка для многих, живущих здесь. Интересно, что будет, если её рассечь?

Несколько осторожных шагов, и руки касаются холодных перил. Короткая гнутая лестница тянется к узкой дверце. За ней — целый мир. Я замираю на секунду перед тем, как толкнуть ее. Страшно. Каждый раз. Я понимаю, это ненормально, но ничего не могу сделать. Легкое усилие, тихий скрип, и порыв пыльного ветра бьет в лицо. После душного полумрака мутное утреннее небо кажется чистым бумажным листом. Почти на четвереньках выползаю на пустую крышу, отряхиваю тертые джинсы. Рассвет уже близко, бледные лучи скользят о плиты соседних высоток, грязные тучи медленно ползут по небу, обещая пасмурный день. Вдали сквозь сиреневый смог виднеются черные иглы небоскребов и вышки связи. Спят железобетонные тела промышленных корпусов, схваченные паутиной навесного монорельса. Это Полис-6 — крупнейший город на севере страны, средоточие научно-технических ресурсов и производственных мощностей, дом девяноста процентов населения префектуры.

Порыв ветра чуть распахивает куртку. Левая рука вздрагивает, пальцы касаются изуродованной кожи на ладони. Она не чувствует ни тепла ни холода. Плата за анонимность. Принудительное клеймление ввели семнадцать лет назад. Черные татуировки по типу штрих-кода и подкожные чипы стали обязательными для граждан. Кто бы знал, чего мне стоило выжечь метку.

Достаю старенький КПК, провожу ногтем по тонкому пластику — маленький дисплей на ладони оживает. На заставке — горы: одинокие снежные вершины, русло замерзшего ручья. В моем кармане живут крошечные Альпы. Открываю электронный ежедневник. Четвертое апреля, понедельник — тысяча триста шестьдесят второй, если быть точным. Достаю стилус, перехожу в «заметки». Я всегда хотел вести дневник. Только писать не умею. Как подумаю, что нужно набросать что-то о себе, становится страшно. Тянет на паранойю? Ну и пусть. Стою посреди крыши, смотрю вниз, а на экране терпеливо мигает курсор.

На часах 4:27, у меня есть пятнадцать-семнадцать минут до того, как в соседнем комплексе загорится первое окно. На четверть часа я остаюсь единственным обитателем Жилого кольца. Представляю, что исчезли люди, замерли дороги, затих гул магнитных

составов. Стою на краю бетонного парапета, вдыхаю холодный воздух. Под ногами — пустая улица, над головой — серое небо. Так просто. Начинаю верить, что никогда больше не зажужжит коммуникатор, никто не спросит о ненавистной работе. Можно остаться здесь, или уйти, не планируя поминутно каждый шаг, не вспоминая о сотне неотложных дел.

Становится обидно. Почему у меня так редко бывает то самое «просто»? Откуда этот бесконечный дурдом в голове? Цифры и символы, страхи и сомнения, больные фантазии и формальная логика. Почему мне уютно только здесь, утром, на пустой продуваемой крыше?!

Земля дрогнула. Плита под ногами накренилась. Небо пошло мутными разводами, начало менять цвет, словно пытаюсь поместиться в цветовую палитру старой компьютерной игры. Я даже не успел испугаться, просто упал на четвереньки, пытаюсь отползти от края. Грязные серые тучи ожили. Тонкие туманные ручьи потянулись в одну точку, и надо мной стала собираться плотное грозное облако. Небо поплыло серо-зелеными полосами и пятнами, словно доживающий последние мгновения монитор. Кое-где проступили черные точки битых пикселей.

Я дополз до бетонного перекрытия, уперся спиной в парапет. Живая хмарь над головой продолжала сгущаться, меняя цвет с мутного-серого на чёрный. Среди расплывчатых форм стали проступать четкие контуры и грани. Безумная грозная туча постепенно складывалась в человеческое лицо. Узкие скулы, острый подбородок и темные провалы глазниц — надо мной обретал плоть неведомый бог. «Бежать! Немедленно бежать!», — билось внутри. Но духу хватило лишь сильнее вжаться в тесный угол между плитами. Чудовищный лик чуть приоткрыл пасть, обратил на меня невидящий взор.

Крыша дрогнула еще раз. В десяти шагах от меня тонкая телевизионная антенна ожила и потянулась вверх. Алюминиевое полотно оцетинилось кусками проволоки, опорная штанга продолжала вытягиваться, обрастая новыми крючьями.

Когда призрак заметил опасность, было уже поздно. Жуткий проволочный ёж вспорол черную скулу, со скрежетом свернулся в тугий клубок и полетел вниз. Туманное лицо исказила гримаса боли, в месте удара появилась жуткая рваная дыра — темный провал, случайная брешь в оболочке мира.

Тишину взорвал тяжелый громовой раскат. От уродливой дыры вверх по небу побежала ветвистая трещина, вскрывая небосвод, как тонкую скорлупу. В черноте разрыва неслись мириады светящихся символов — бесконечный поток букв, цифр и знаков — словно кто-то смешал системы счисления, алфавиты всех языков и накрыл мир чудовищным информационным куполом.

Новый громовой удар вернул меня к реальности. Многоэтажный комплекс дрогнул до основания. Я поднялся на ноги, чтобы заглянуть за парапет — мир качнулся навстречу. «Это конец», — раздалось в голове. Маленькая площадь внизу несколько раз повернулась вокруг себя. Головокружение стало невыносимым, ватные ноги согнулись сами собой. Я упал на спину и закрыл глаза. «Считай до ста, просто считай до ста...», — говорил добрый доктор. Самое время внять советам психолога.

После сорока земля перестала дрожать. Еще немного, и грохот тоже стих. Я подождал минуту для верности и открыл глаза. Над головой — обычное серое небо. Всё вокруг на своих местах, не рушиться и не падает. Вместо железного монстра рядом грустит старая телевизионная антенна. Встаю на ноги, нервно отряхиваюсь — ещё не отпустило. Вот и запись в дневник. Подбираю с земли наладонник, и вскоре на маленьком дисплее появляется «4:29 Новый приступ. Четыре месяца. Рваное небо».

Стены провели меня вглубь тесной квартиры. Опираясь на шероховатую поверхность, я добрался до ванной. Ладонь легла на выключатель, но свет не зажегся — лампа перегорела месяц назад. Пришлось оставить дверь открытой. Пригоршня холодной воды немного прояснила сознание. Внутренности сжимались от спазмов, шрам под запястьем жег и пульсировал, но с этим я разберусь по-другому. Скрипнула дверца зеркального шкафчика, в ладонь легла рукоять инъектора. После операции я не смог бросить морфин. Хрустнул взведенный механизм, из пластика показались три коротких иглы. Каждая секунда ожидания невыносима. Я резко закатал рукав, острое жало ударило в предплечье, палец надавил спуск. По телу покатила блаженная волна эйфории, голова прояснилась, окружающий мир вернул четкость — двойная доза хватает быстро. Инъектор щелкнул, показалась обойма с пустой ампулой. В шкафу нашлась последняя упаковка — мои запасы подходят к концу.

Дверца со скрипом вернулась на место, с зеркальной поверхности на меня уставился двойник: бледное лицо, острые черты, прядь черных волос на глазах. В контраст с узкими зрачками и серой радужкой пролегли темные круги. Нужно что-то менять, долго я так не протяну. Сотый раз обещая себе нормальный образ жизни, я вышел на кухню.

Сухой треск электрической зажигалки жутко раздражает. С третьего раза плита поддалась, и на конфорке ожил голубоватый газовый цветок. Смешно сказать, на работе я программирую промышленную робототехнику, а сейчас не могу нагреть чайник. Сказочное утро. Нужно успокоиться, просто прийти в себя. Чашка крепкого кофе, что-нибудь съестное, и я снова в порядке.

Пока чайник шипел на огне, я успел собрать себе завтрак, если можно назвать этим гордым словом банку консервов и плитку сухого рациона. Не самое здоровое начало дня, но мой бедный организм привык ко всему: дешевый кофе, шикарное меню из мороженых полуфабрикатов, жуткая работа и четыре часа рваного сна в сутки. Интересно, как зовут птицу с такими проблемами в жизни?

Вскипела вода. Мягкий пакетик упал в чашку, маленькая ложка фальшиво зазвенела о внутренности. Девять раз вместо обычных трех. Черт, да неужели мне так плохо? Если даже руки... нет, работать над Древом сегодня нельзя. Одна ошибка может отбросить на много дней назад. Здесь нужна предельная концентрация.

На кухне почти вся мебель осталась на своих местах. По всей квартире я старался освободить стены для работы, но сюда пока не добрался. Здесь заканчивается одна из ветвей низкого приоритета — вдоль холодильника по стене тянется сложная сеть блоков, диаграмм и графов, что-то о профорientации. Чудовищная блок-схема начинается у потолка и упирается последним комментарием в плинтус. Хороший маркер и вытертые обои — максимум наглядности. Ни один монитор, ни одна презентация не способна дать такую степень визуализации.

Мое Древо — комбинированный алгоритм, чудовищных размеров древовидная структура, в которую я пытаюсь уложить свою жизнь. Вернее, последовательность действий, событий и случайностей — многообразие личностного выбора и невероятное количество возможных исходов. Моя маленькая квартира схвачена густой паутиной графов и структурных схем. Год назад я начал работу на потолке спальни. Но уже через месяц схема сползла на стены, покрывая все пригодные для письма поверхности.

За стеной что-то упало, послышался детский плач — соседи чутко следят за тем, чтобы я не терял связи с реальностью. Остывший чай, невымытая посуда, мутные разводы на стене...

стоп! Разводы? Стройная вязь формул и символов ожила. Ровные линии потянулись в стороны, вся ветвь дрогнула, словно отражение в воде. Всё смешается, я не восстановлю порядок! Словно услышав мои мысли, схема на мгновение замерла, затем все записи потянулись к центру. Несколько секунд, и на стене осталась одна жирная чернильная клякса. Блестящая струйка лениво сползла вниз, капля вытянулась и упала в чашку.

Тут меня проняло. Краем сознания я понимал, это очередная галлюцинация. Несколько глубоких вдохов, и все вернулось на места. Но в голове стучало лишь: «Древо! Я не смогу закончить!». Моя главная работа. Мой смысл и последняя надежда. Прав был доктор, когда назначал тяжелые препараты. Длительный курс терапии, чудо-таблетки, выворачивающие сознание — единственный путь, короткая отсрочка.

Пусть так. Нужно время? Оно у меня будет. Минуту спустя я уже выворачивал нутро старого шкафа. Зимние комбинезоны и пыльная обувь, сломанный зонт и пара мятых костюмов — последний оплот хаоса в маленькой квартире. Только бы найти. Пятое октября, холодный день... линялые джинсы, тертый металл... ага, вот! В заднем кармане нашлась пара мелких жетонов и знакомый клочок бумаги. Можно идти.

Когда я вышел из подъезда, утро только начиналось. Вереница грязно-серых облаков по небу, прохладный ветер с запахом гари — химкомбинат открывает очистные сооружения на ночь. Воздух придет в норму лишь через пару часов.

Солнце еще прячется за крышами высоток, чистый утренний свет теряется в лабиринте стекла и бетона. Спальный сектор понемногу оживает, сонные люди тянутся к транспортным развязкам и станциям подземки. Никому нет дела до худощавого парня, что бредет в сторону проспекта. Мятая ветровка, джинсы, битые сапоги — еще один серый мышь спешит в Полис на работу.

Семь минут, восемьсот шагов, и за спиной остались ворота сектора. В обе стороны от них тянется Периметр — система барьеров, заграждений и постов экологической безопасности. Центр полиса окружен семикилометровой зоной отчуждения. Плановые выбросы, кислотные и щелочные осадки сильно усложняют жизнь у стен промышленного монстра. Населенные кварталы начинаются только за Периметром. Местные экологи следят за воздухом, магнитными полями и радиационным фоном.

Покинутые два десятилетия назад, вдалеке виднеются старые многоэтажки. Пустые районы, пыльные пустыри, разбитый асфальт — после эвакуации заселение санитарной зоны запрещено. Сквозь отчужденное кольцо тянутся лишь несколько грузовых магистралей. Настоящая жизнь начинается глубже. Под землей к промышленному центру тянется целая сеть туннелей метрополитена. Еще немного, и тертая брусчатка выведет меня к одной из станций.

По дороге попадается всё больше прохожих, вдалеке уже слышен искаженный динамиком голос. Наземная часть станции — нагромождение бетонных плит, ступеней и гранитной облицовки. У входа толчея, сюда тянутся люди третьего и пятого секторов. Несколько шагов, и я растворяюсь в толпе. Все спешат вниз, в темный провал подземного зала.

Массивный козырек, бледные полосы ламп, турникеты, чья конструкция не менялась лет сорок — обычная станция, но почему-то здесь спокойно. Балки и колонны, опоры и консоли — сила и надежность. Люблю метро.

Позади осталась будка пропускника. Дальше короткий коридор и спуск. Я уже повернул к эскалатору, когда среди шума услышал:

— Юра, стой! Помоги, я застряла...

Юра? Да, меня так зовут. Наверное, надо обернуться. В толпе за турникетом кто-то машет рукой. В полумраке не разобрать. Тонкая фигурка в тертом плаще, короткие светлые волосы, обрезанные перчатки — Сонька! Проталкиваюсь обратно, передаю магнитную карту, девушка проскальзывает через ограждения.

— Юр, спасибо, я карту забыла!

— Пойдем, чудище... — беру за руку, чтоб не потерять в толпе, и вместе пробираемся к эскалатору. Первый зал сменяется тесным коридором. Очередной поворот, низкая арка, мы останавливаемся лишь на ступенях механической лестницы. Секунда, и уже плывем по высокому тоннелю вглубь земли.

— Теперь можно отпустить, — улыбнулась Соня. Я вдруг понял, что ещё держу её за руку.

— Да... извини, задумался. Всё забываю, зачем тебе перчатки?

— Ты каждый раз спрашиваешь.

— А ты каждый раз отвечаешь...

— Отвечаю что? — вопросительно протянула Соня.

— Что...

— Ну! — Я получил легкий удар в плечо. — Мне нравится!

— Я так и сказал. — Это похоже на игру. Железный ответ, куда мне со своей логикой?

Полотно эскалатора тянется вниз, тусклые лампы плывут мимо. Сеть метро начинается глубоко под землей, спуск занимает минут семь. Люди вокруг листают ридеры и планшеты, поправляют наушники, что-то считают — делают всё, чтобы не смотреть по сторонам. Им кажется, они теряют время, стоя здесь. «Никто не думает, много ли смысла в том, чем они занимаются пятнадцать часов в сутки...» — шепнули рядом.

— Сонь?

— Ау?

— Ты что-то сказала? — Стало не по себе.

— Нет...

Я осмотрелся. Рядом только заспанный охранник в камуфляже, чуть дальше — растрепанный парень с книгой. Никого достаточно близко. Наверное, у меня сделалось странное лицо, Сонька улыбнулась:

— Ты чего?

Мне бы её настроение.

— Да так... слушай, ты же на фармацевта училась?

— Угу, — кивнула девушка. — Бурно, весело, но недолго.

— Скажи, тяжелые нейролептики... их можно принимать самостоятельно?

— Кажется, нет. — Соня наморщила лобик. — Постановка на учет, полное обследование, строгие дозировки и график.

— Значит, будет интересно.

— Юр, ты чего? Это ж не седативные...

— Шучу, — быстро ретировался я.

Сонька немного помолчала, неуверенно улыбнулась:

— Шутки у тебя...

Через минуту мы спустились вниз. Мерный рокот эскалатора сменился отдаленным гулом электрички. Запахло креозотом и паленой сталью. Высокий подземный зал

расходится в два широких коридора к разным станциям. Я редко встречаю Соню, сегодня нам по пути.

Несмотря на ранний час, в подземке людно. Из Полиса тянется вечерняя смена. У выхода на платформу мы с трудом пробираемся сквозь толпу — только что отошел очередной состав. Ещё немного, и впереди открывается мощеная гладь платформы. Поезда нет, можно не спешить. Проходя мимо угловой колонны, привычно проверяю карманы. Под ней сидит знакомый бродяга. Бросаю пару мелких жетонов в грязную сумку, делаю несколько шагов и останавливаюсь. Что-то не так. Сонька торопит:

— Ну что там?

— Он всегда что-то бормочет вслед... — ответил я.

— Кто?

Два шага назад, опускаюсь на колено. Обычный бродяга: мятая куртка, жирные волосы, кепка на глаза. Спит, наверное. Проверяю запястье. Какой там пульс, он уже остыл! А ведь столько людей вокруг. Рядом в стене терминал службы безопасности. Нажимаю «Вызов по месту», пусть разбираются. Из туннеля послышался нарастающий гул. Несколько секунд, и рядом замелькали огни состава. Я быстро втащил растерянную Соньку в вагон, спрятал в угол у окна. Если мы дождемся оперативников, то к вечеру может оказаться, что я — жестокий рецидивист, серийный убийца и немножко каннибал. Наши силовики умеют убеждать.

Наконец хлопнули двери, и поезд тронулся. Соня, наконец, очнулась. Тихо спросила:

— Он умер?

Я кивнул. Проняло её. Все равно, молодец — даже голос не повысила. Нас никто и не вспомнит.

— Там же много людей... а что, если я? Никто же не заметит... — Перехвалил. Лицо серьезное, а глаза мокрые. Беру за плечи, легонько сжимаю:

— Я замечу.

Пару секунд она внимательно смотрит, потом тихо прячет лицо у меня на груди. Приехали. Сонька — маленький боец, сгусток движения и оптимизма — раскисла за минуту. А утешает её кто? Потенциальный псих, социальный изгой, которого держит в сознании только одержимость собрать всё происходящее в один стройный алгоритм. Придется переписывать ветвь взаимоотношений.

Электричка летит вперед. Стук колес и гул рассекаемого воздуха сливаются в одну партию с монотонным голосом селектора. Одной рукой держусь за поручень, другой обнимаю притихшую девушку. Вокруг много людей, но им все равно. Они спят. А я стою у окна и считаю мелькающие огни.

Все хорошее заканчивается. После очередной остановки я немного пошевелил Соню:

— Пора вставать.

— Мм... — засопели мне в куртку. — Блок энергетиков, мне еще далеко.

— Зато мне пора.

Соня зашевелилась, глянула по сторонам:

— Как? Киберпром... тебе же в центр.

— Нет, не на работу, — выдохнул я.

— А куда?

— Надо... пусти. — Лучше ей не знать.

Железный пруд — небольшая пилонная станция в черте Полиса. Городской водоем

осушили сорок лет назад, но старое название прижилось. Теперь здесь корпуса металлургического комбината и пара лабораторий. Когда я вышел из вагона, на платформе почти никого не было. Несколько извилистых тоннелей, темный переход, и я вышел к подъемнику. Для маленькой станции не стали строить полноценный эскалатор. Наверх пришлось ползти в тесной стальной коробке грузового лифта.

На выходе из станции жуткий сквозняк — над сложной вентиляцией здесь не заморачивались. Пряча глаза от легкого утреннего света, я поднялся по ступеням. Полезно помнить, что у мира есть небо, пусть даже хмурое и в дыму. Рядом начинается узкий мощеный проспект. По обе стороны — многоэтажные цеха, стены бетонных монстров. Над головой — стальная нить монорельса, внутри каркаса летит пассажирская кабинка.

Я знаю эти места. Три квартала по заводской линии, сотня метров к транспортному шлюзу и шесть минут вдоль железнодорожной насыпи. Скоро впереди показался серый купол лаборатории. Внутри — отдел фармацевтической компании, а подвальный бокс приспособлен под торговую точку.

Перед массивной железной дверью я остановился, проверил карманы. Страшно, но выбора нет. Мятый листик в руку, лицо попроще и вперед. Дверь поддавалась неожиданно легко, за ней знакомый зал: белая плитка, стеклянные стены витрин, стройные ряды упаковок с препаратами. В дальнем углу — маленькое окно. Когда я подошел, из служебного коридорчика вынырнул консультант: белый халат, пластиковый значок, натянутая улыбка. Отделенный от меня витриной, он походил на манекен.

— Добрый день, что вас интересует?

— Один препарат... когда-то у вас уже брал.

Стараясь выглядеть уверенно, я осмотрелся. Постер мышечного стимулятора, батарея незнакомых бутылочек, стеклянный шкаф, мокрые разводы. Откуда здесь вода? Маленькая капля застыла на стекле. Я протянул руку, коснулся ее. От пальца по витрине поплыли круги. Прозрачная поверхность дрогнула, как живая. Меня прошиб холодный пот. Я с трудом перевел взгляд. Консультант озабоченно уставился на меня.

— Репс... респиридон, — выдал я, наконец.

— Препараты группы Д только по назначению.

— Рецепт есть. — Я хотел непринужденно махнуть листиком — получилось резко и нервно.

— Разрешите взглянуть.

Проклиная свои актерские навыки, я протянул мятый лист. Консультант внимательно его изучил и вернул:

— Он просрочен.

— Не может быть...

— Октябрь прошлого года, — пожал плечами парень.

— Должно быть, я взял старый. — Пора уходить. Я попятился к выходу.

— Я могу проверить по базе, — заморгал экран терминала. — Кто ваш лечащий врач?

— Я зайду в другой раз...

Спасительная дверь, несколько битых ступеней и я выбираюсь наружу. Два шага в сторону, рука находит шершавую поверхность стены. Нормальной твердой стены!

Самое время паниковать. Достать препарат я не смогу — уверен, шустрый консультант уже дал оповещение по внутренней сети. Пойти к любимому доктору? Плохо я от него ушел, вместе с базой данных. Закроет на принудительное лечение в диспансер — до конца дней

буду воровать обмылки и разрисовывать стены в палате непонятными каракулями.

Времени мало. Я не успеваю закончить Древо. Через шесть-восемь дней начну спать на стене, путать левые руки и наливать полстакана в воду. Решения, одно безумнее другого, понеслись в голове — всё не то. Разве только успеть...

Я достал наладонник, быстро нашел плановые записи. На дисплее появился список: «Катастрофа», «Фанатизм», «Творческий поиск», «Страх», «Клиническая смерть», «Безумие», «Смысл». Для каждого пункта — сроки, места, примечания. Осталось лишь послать к черту многомесячные планы, собрать материал и проработать все за неделю. Безумие? Теперь это мой флаг.

Я подтянул шнуровку на сапогах и почти бегом направился к станции. Хруст гравия, пыльный ветер, грубый техногенный пейзаж — главное не останавливаться, и страх отпустит. Перебирая в уме людей, события и места, я очнулся уже на платформе подземки. Придется опустить планку, пренебречь объективностью и объемными выборками данных. Теперь только конкретные люди, проблемы, факты, иначе, не успею.

Когда в туннеле загудел поезд, я уже знал, с чего начну. Рядом замелькали окна, тяжело ухнули колодки. Когда открылись двери, я нырнул в вагон и устроился у противоположной двери — топографическая база и архив на другом конце Полиса. Нужно достать планировку пригорода.

Легкий толчок, и опорные колонны поплыли мимо. Состав ещё набирает скорость, а я уже скребу по дисплею КПК, намечая маршрут по электронной карте. Вокруг толпятся люди, но им все рано. У каждого свои проблемы, заботы. Даже в пустой темной комнате не чувствуешь себя таким незаметным, как здесь.

Мы уже проехали развязку и несколько станций, когда поезд стал сбрасывать скорость. Странно — до следующей остановки еще минуты две. Я спрятал наладонник, осмотрелся. Вдруг, вагон резко встал, засвистели рельсы, людей бросило вперед — сработал пневматический тормоз. Меня потянуло по салону, но я схватился за поручень и устоял. Через несколько секунд сквозь ропот толпы и помехи послышался голос диспетчера: «Блок семь, техногенная авария... завод «Актинид», выброс кислотных паров... остановлена первая ветвь метрополитена, просьба сохранять спокойствие». Станции вдоль путей заблокированы. Это серьезные меры, значит, на поверхность нельзя. Сонька... надеюсь, она укрылась. Так, это здесь при чем? Я должен считать потерянные часы, искать обходной путь.

Стены вагона задрожали, по обшивке и стеклам, словно по воде, пробежала легкая рябь. Над общей суматохой появился новый звук. Тихий гул уверенно расходился по туннелю. Я уже начал сомневаться в себе, но голоса в вагоне вдруг стали затихать, люди прислушались. Непонятное эхо стало нарастать и вскоре превратилось в тяжелый рев. Меня вдруг прошибло — поезд! Составы ходят с интервалом в сорок секунд, проблемы со связью в метро — не новость. За нами летит следующая электричка.

Из последнего вагона послышались крики. Я вцепился в поручень, заорал: «Держись!». Через секунду раздался жуткий удар. Скрежет металла, крики и звон стекла слились воедино. Тяжелый вагон подбросило, как игрушку. Поручень вырвался из рук, что-то твердое ударило по ребрам, и я упал. Накатила темнота, приступ боли и тошноты прошелся по телу. Звуки умерли, мир сузился до полосы грязного пола в стеклянной крошке.

Сквозь боль и темноту в сознании проступали обрывки фразы: «Слишком просто... слишком просто, остаться здесь... ты не закончил». Никто, кроме меня, не допишет Древо. Преодолевая боль, я поднялся на четвереньки и пополз. Разбитое окно рядом. Много стекла,

руку в сторону... теперь что-то липкое и теплое... кто-то лежит у двери. Царапая ладони, я вцепился в край оконного проема и подтянулся. Немного выше, перевалиться вперед, и я падаю. Новый удар напрочь сбил дыхание. Я перевернулся на спину, хватая воздух.

Темноту подземного тоннеля прорезала полоса света. Блестящая белая трещина зазмеилась по железобетонному своду. С легким хрустом многотонные плиты стали расходиться. В разломе показалось знакомое пространство: непроглядная тьма и бесконечный поток бледных символов. Слишком много для одного дня. Последний вдох, и сознание погасло.

Глава 2 Ржавый бог

Пустота. Серое Ничто без звуков, красок и направлений. «Сумерки сознания», — скажет поэт. Не чувствую тела. В уголке памяти копошатся боль и страх, плавают эхо сирен и хруст стекла. Не помню себя.

Мир вокруг начинает обретать реальность. Бесконечное серое? Небо. Легкое усилие, и впереди появляется тонкая полоса горизонта. Слишком зыбкая и далекая, словно над водой. Пусть будет море — холодное, тихое. Внизу сгущаются краски, проявляется берег. Крупный черный песок, ровный дикий пляж. Никаких следов, мусора, палаток. Здесь никогда не было людей.

У воды земляная насыпь. Пытаюсь рассмотреть, тянусь взглядом и сознанием. Замок. Огромный песочный дворец. Стены и башни, мосты и арки, острые шпили невероятной высоты и сложности. Вокруг замка ров с водой: надежный и глубокий вблизи, но смешной и мелкий для бесконечной морской глади. Красота и величие исчезнут с первым приливом, но пока море спокойно, высокие стены стоят.

При всей суровости и черноте, замок жив. Я вижу множество маленьких искр и огней. Разные цветом и формой, они двигаются внутри, мерцают и пульсируют, загораются и гаснут. Несмотря на призрачную слабость, искры кажутся надежнее песчаных сводов. Но пока море спокойно, хрупкие башни попирают небо, а огни продолжают танец.

Боль. Спасительный лом в теле, возвращающий чувства и отрезвляющий сознание. Я почти благодарен ему. Беспорядочный шум вокруг проясняется. Вой сирены сквозь рокот бульдозера. Короткие очереди отбойного молотка. Я с трудом открываю глаза. Уголок серого задымленного неба, край строительной площадки, множество людей и техники. В воздухе висит грузовой Винт, огромные лопасти молотят воздух. Мгновенье, и многотонная плита взмывает вверх. Слышен грохот осыпающегося свода. Над бетонным парапетом в стене высечено «станция Энергетик».

Картинка перед глазами качнулась, тело отозвалось болью, я понял, меня несут. Над головой проплыла стрела шагающего крана.

— Давай запаковывай. Док? — Надо мной склонилось лицо в дыхательной маске и очках. Перчатка коснулась шеи.

— Брось мешок! Живой он. Несите в полевой.

Носилки поплыли дальше, и вскоре пара спасателей переложила меня на брезент у палатки госпиталя. Вокруг прямо под открытым небом лежат десятки пострадавших. Одни стонут, баюкая изувеченные руки-ноги, другие молчат, самые тяжелые затихли без сознания. Аварии в подземке не бывают простыми. Рядом худощавый старик с перемотанной головой забормотал молитву — серьезный проступок и ошибка, верить во что-либо.

В дальнем конце лагеря работают две бригады медиков, гудит дефибриллятор, бегают санитары. Их слишком мало для такой катастрофы. Почти все в дыхательных масках и респираторах. Зачем? Пыльный ветер принес ответ вместе с острым запахом серного газа. Выброс не успели локализовать. В небе над станцией и между крышами высотных корпусов повисли желто-зеленые облака. И без прогноза я помню ночную температуру и влажность. Когда пойдет дождь, здесь начнется ад.

Над общим шумом раздался крик, затем скрежет металла и сухой каменный грохот. Я с

трудом повернул голову. В облаке пыли у разобранного спуска на станцию лежит гусеничный кран, придавленный плитой перекрытия. Гнутая стрела торчит из-под обвала, как поломанная рука гиганта. Спасатели пытались расширить вход и завалили одну из опор.

Здесь нельзя оставаться. Если медики доберутся до меня, госпитализации не избежать. Потом окажется, что меня нет в здравоохранительной системе полиса, равно как и в других реестрах и базах. А через неделю, когда я перестану различать верх и низ, меня отправят в лечебницу — воровать обмылки, спать на стене и пускать пузыри от утренних «витаминок». Нет, в последние дни я должен много успеть. Значит, выбор невелик.

Преодолевая боль и тошноту, я поднялся на четвереньки и пополз. Рядом с госпиталем грузовой Винт бросил огромную плиту, сорванную с наземной части станции. Край лег над небольшой земляной насыпью, образовав низкий козырек. Там можно дожидаться темноты. Пустячное расстояние в сорок шагов теперь оказалось реальным испытанием. Пока я полз к укрытию, отбитые ребра сковывали болью каждое движение, новый вдох, казалось, вот-вот разорвет грудь. Шипя от боли, я забился под плиту, подрыл землю и выглянул наружу.

На площадке что-то изменилось. Спасатели всё также суетились у провала подземки, но никто больше не спускался вниз, не таскал носилки. Винт качнулся в воздухе, сбросил пустую люльку и, заложив вираж, улетел. Оцифрованный голос что-то прошипел по громкой связи, люди забегали ещё быстрее. Медики свернули госпиталь в две минуты и сели по машинам. Землекопы и спасатели, бросая технику, загрузились в гусеничные проходцы. За пять минут спасательная площадка опустела.

Царапая руки, я выполз из укрытия и сел спиной к плите. Брошенная техника, горы земли и битого асфальта, бетонный остов на месте станции. Кроме меня, на площадке остались полтора десятка тяжелораненых, в основном без сознания. Что здесь вообще происходит, если медики не успевают забрать пострадавших?

Вдалеке завывала сирена. Тяжелый низкий гул нарастает и обрывается, повторяясь каждые семь секунд. На слух по частоте — экологи. Я попытался встать, земля под ногами качнулась. Опираясь на руку, я все же принял вертикальное положение. Несколько глубоких вдохов, и земля перестала двигаться. Вместо этого сорокаэтажная башня заводоуправления вдалеке накренилась на манер Пизанской. На мгновение показалось, что все корпуса и высотки сектора ничего не весят, словно гигантские картонные коробки, разбросанные ветром, все связанные нитями кабелей и трубками пневмопочты.

Спустя секунду, видение прошло, уступив место реальному кошмару. Из-за высоких крыш в небо ударил огромный столб фиолетового дыма. Тяжелое эхо пронесло по сектору рокот далекого взрыва. Я понял, это не галлюцинация — на такое не способен даже мой психоз. Между тем, чудовищный дымный гриб раскинулся над границей секторов и, скрывая небо, пополз дальше. Выброс такой силы не сравнить с плановым. Должно быть, половина химкомбината взлетела на воздух.

Облако химикатов осядет на район через пять-семь минут. Остаться на улице — получить тяжелое отравление и умереть. Здания в Полисе оборудуют системами фильтров-вытяжек, персонал укрывается внутри и герметизирует выходы. Но стучаться в стальные двери ближайшей лаборатории без пропуска нет смысла. Переждать в метро не выйдет — вход на станцию разворочен, внизу два разбитый состава, а внутренние укрытия заблокированы.

Придерживая саднящее ребро, я побрел прочь с площадки. Каждый шаг давался с трудом, слабость и головокружение не отпускали не на секунду. Скоро площадь сменилась

знакомым лабиринтом бетонных стен, сотами оргстекла и пластика. В этом секторе есть выход коллекторной системы. Я проверил нагрудный карман, старенький КПК должен помнить карту района. Но его удача закончилась — пластиковый дисплей расщелилась ветвистая трещина.

Быстро темнело, плотное фиолетовое облако накрывало сектор. Я шел по пустым улицам, сворачивал наугад и скоро совсем потерялся в городском лабиринте. На землю упали первые «снежинки» — легкие темно-синие хлопья, продукт химической реакции. Одна из них села на рукав ветровки, ткань тихо зашипела и начала тлеть. Я накинул капюшон и засунул руки в карманы. Времени почти не осталось.

Есть! Проходя мимо очередного переулочка, я заметил водоотвод. Через сотню шагов нашлась неглубокая сточная канава. Она ведет к коллектору. Теперь дело в скорости. Стало ещё темней, ядовитые хлопья посыпались как снег. Сквозь прерывистое дыхание я слышал, как шипит и разлагается одежда, чувствовал тепло на плече. Нужно бежать, но каждый шаг обжигает болью, я могу лишь брести вперед под чудовищным снегопадом.

Я одолел почти два квартала, когда облако стало опускаться. В воздухе появился острый запах аммиака. Обогнув стеклянный купол лаборатории, я увидел мост — часть широкой грузовой эстакады. Под ним, между опорами должен быть сток.

Последняя сотня шагов стала жутким испытанием. Ядовитый воздух обжигает легкие, воспаленные глаза с трудом разбирают дорогу, химожог расползается по плечу. Когда я ввалился в темный тоннель коллектора, ноги подкосились. Я упал, ладони погрузились в холодную вязкую грязь. Жгучий снег остался позади, но дышать стало невыносимо. Нужно уходить дальше в тоннель. Собрав последние силы, я поднялся и побрел, но через десять шагов руки наткнулись на решетку. Широкие стальные прутья перегораживали дорогу. Я вцепился в один, попытался сдвинуть, сухой кашель сдавил грудь, и я сполз на колени в жидкую грязь.

Рядом раздался металлический скрежет, тяжелый удар. Полоса света прорезала темноту, слева в стене открылась массивная дверь, в проеме появился нелепый грузный силуэт.

— Совсем охренел?! — Густой бас сквозь респиратор прозвучал грозно.

Не дожидаясь ответа, пришелец зашлепал ко мне, сильные руки схватили за шкуру и поволокли в комнату. За спиной лязгнула дверь, мы оказались в коротком коридоре перед герметичным шлюзом. По углам скрипнули ребристые переборки, зашумела вытяжка — дышать стало чуть легче. В потолке заработал распылитель, синий пепел на куртке зашипел, стал пениться. Я вдохнул чуть свободнее, попытался стать на ноги. Мой спутник даже не заметил. Когда закончилась обработка, он повернул вентиль на двери, втоптал меня внутрь небольшой комнаты и положил на низкий железный стол.

Пока неожиданный спасатель возился с запором, я умудрился сесть и немного осмотреться. Комната в пятнадцать квадратов, несколько столов с батареями колб и пробирок, стеклянные шкафы, пара микроскопов, таблицы и графики на стенах. В дальнем углу стенд со старым комплектом химзащиты: гермошлем, темно-зеленый прорезиненный покров, баллоны и раструбы дыхательного цикла. Сам спасатель даже со спины выглядел внушительно. При обычном росте, шириной плеч он мог поспорить с любым из былинных богатырей. Необъятная черная накидка расходилась на животе и больше походила на плащ-палатку. Когда он повернулся, я разглядел внушительную черную бороду и бакенбарды, переходящие в нечесаную шевелюру. Над дыхательной маской, на переносице красовались

аккуратные профессорские очки.

— Впфувупф... — нервно сорвал респиратор. — Тьфу! Ну что, очухался?

— Кажется, да... — просипел я. Связки ещё не пришли в норму.

— Угу, слышу. Подышал свежим воздухом?

Я виновато кивнул. Собеседник чуть приосанился, поправил очки:

— Я Аркадий Игоревич, можно просто — Борода.

— Юра... — Я ещё не пришел в себя, осмотрелся. — А где мы?

— Это, — гордо начал Борода, — станция «Сток-3» системы контроля промышленных сбросов. А я — оператор.

Аркадий принялся стягивать комбинезон, затем копаться в шкафу и через минуту облачился в широкий белый халат. На груди даже появился маленький бейдж «Кандидат технических... НИИ ЭКО... Аркадий Ботхин». Я, тем временем, сквозь головную бол вспоминал старые статьи:

— Система КПС... её ведь расформировали лет десять назад.

Борода погрустнел. Вдруг куда-то испарился бодрый научный сотрудник, стали заметней пустота и затхлость маленькой станции, слой пыли на столах, подгоревшие лампы на потолке.

— Расформировали, — тихо буркнул оператор. — И посты растащили, да не все.

— А ты?

— Живу я здесь, — вздохнул Борода. — Кому нужен эколог внутри Периметра? И вообще, хватит мне на лоб загибать! Или ты сам себя полечишь?

Заняться собой и впрямь следовало. Ожог на плече спекся с тканью. Борода долго отмачивал рану каким-то раствором, обрезал и отрывал плавленые обрывки. Когда куртку все же сняли, горе-лекарь увидел ссадины и синюшную гематому в полживота. Тут я выслушал много нового в отношении моего образа жизни и способов передвижения. К повязке на плече добавился самодельный корсет на ребра. Шрам у запястья дюжий оператор одобрил — он сам не был меченым, потому и жил здесь.

— Вот как ты умудрился всё в один день? Тебе на обследование надо.

— Мне нельзя в больницу.

— Как нельзя? — Удивился Борода. — Ты себя видел, бессмертный прыщ?

— У меня есть неделя... — тихо начал я.

— А потом что?

— А потом всё. — Я был серьезен, как никогда.

Борода внимательно посмотрел на меня и ничего больше спрашивать не стал. Сильный руки затянули пластиковую стяжку на спине, корсет стал на место. Я прошелся немного по комнате, шаги больше не отдавали болью.

— Аркадий, спасибо тебе, — вздохнул я. — Но мне нужно идти.

— Куда? Химкой весь Полис накрыло. — Для убедительности кандидат наук развел руками.

Я помню. Казалось, сквозь метры земли и бетона я чувствую ядовитое дыхание, вижу хлопья кислотных осадков. По плитам потолка пробежала легкая рябь. Картинка перед глазами слегка помутилась. На секунду перекрытие потеряло материальность, стало прозрачным, и я увидел кусок фиолетового неба сквозь толщу бетона. Ещё мгновение, и всё вернулось на места. Я тряхнул головой. Наверное, воображение разыгралось.

— Я должен попасть в соседний сектор к НИИ. Там своя канализация. Думаю, под

землей можно.

— А толку? — Буркнул Борода. — Яйцеголовые закрылись наглухо, рвануло-то рядом. Сидят на фильтры молятся да щели затыкают.

— У меня там знакомый. Он Белое братство разбирал... — я осекся. — Секта такая. Нужно расспросить его.

— Угу, братство. Два подвала в Пустоши и маркировка музея на всех святынях. — Грузный оператор задумчиво погладил бороду. — Если хочешь настоящих психов, искать надо здесь...

Наверное, лицо у меня сделалось непростое. Борода глянул на меня чуть с опаской, немного помолчал, потом тихо спросил:

— Серьезно?

Я кивнул.

— Ну ты и... Ладно, собирайся.

Сборы растянулись на четверть часа. Борода облачился в широченную плащ-палатку, на плече появилась увесистая сумка с непонятным барахлом. Куртка пришла в негодность, и мне достался черный прорезиненный плащ бывшего лаборанта. Тертые джинсы и сапоги пережили день лучше и были признаны годными. Для меня нашелся старый респиратор и банка газировки.

На станции обнаружилось второе помещение — маленький бокс с навесной кроватью и столом. Я ожидал увидеть разбросанные вещи или горы запчастей, но в комнатке оказалось чисто. Через неё мы вышли во второй переходник и дальше в темный тоннель.

Под ногами захлюпала грязь. Ядовитый воздух сдавил грудь.

— Надевай маску, — буркнул Борода. Старый подсохший фильтр не внушал доверия, но дышать стало легче. Дюжий оператор пошел вперед, освещая дорогу фонарем.

Городской коллектор больше походил на рисованное подземелье из древней видеоигры: темнота и сырость, реки нечистот, зарешеченные стоки в стенах. Следующий час потерялся в лабиринте узких коридоров и сточных труб. Борода за все время не сказал ни слова, лишь иногда касался стен или замирал, прислушиваясь к чему-то. Как он находил дорогу, для меня осталось загадкой.

Наш переход закончился неожиданно. Свернув в очередной проход, мы уперлись в дверь, обычную стальную с кодовым замком. Все равно, что идти по взлетной полосе и найти горшок с геранью.

— Её здесь не было. — Проводник был озадачен. По углам нашлось немного бетонной крошки, на стене свежие выбоины — дверь врезали недавно.

— Обойти можно?

— Не знаю, — протянул Борода. — Это старая часть, под Радиотехом, тут все по-другому.

Я подошел ближе, присмотрелся. Замок оказался древним: пять разрядов, цифровая индикация на контроллере. Мне доводилось программировать такие. У Бороды нашлось что-то похожее на отвертку. Я приставил инструмент к щели под дисплеем и ударил — на панели появилась трещина. Следующий удар расколол микросхему логики, дисплей мигнул, на нем осталось два разряда. Пара цифр и несколько тертых кнопок — меньше сотни комбинаций. Пять минут, немного удачи, и дверь поддалась.

Перед нами открылся полутемный коридор. Тусклый фонарь на потолке немного разгонял тьму, освещая часть стены с замысловатым рисунком. Черной краской под

трафарет на бетоне красовалась маленькая панорама полиса — башни и небоскребы, корпуса и шпили, над ней — огромное лицо, расплывчатый лик божества, пустые глазницы, перекошенный рот.

— Теперь тихо, — сказал Борода. — Если кого встретим, говорить буду я. Может, помнят еще.

Дорога стала чище, воздух изменился, и я снял маску. Мы прошли несколько развилок, но так никого и не встретили. У очередного перекрестка проводник остановился:

— Где ж они все? Мы рядом, только не помню, куда дальше.

Я прислушался. Далекий низкий гул отразился эхом от бетонных стен. Одна из плит чуть исказилась, словно завибрировала. Борода всё так же смотрел по сторонам, вспоминая дорогу. Я коснулся руками гладкой поверхности. Далекий звук повторился. Стало казаться, что за стеной что-то меняется. Какое-то возмущение, не свойственное месту и пространству. Плита пошла мелкой рябью, затем стала прежней, и ощущение исчезло. Новый приступ? Нет, я спокоен, как и во время видений перед выбросом. До меня стало доходить. Сквозь прогрессирующий психоз я начал видеть больше, коснулся новой оболочки пространства. Только, что теперь делать?

— Идем. — Я свернул в ближний коридор.

— Э, ты куда? — Прогудел в маску Борода, но все же зашлепал следом.

— Нужно проверить. Здесь должен быть...

Я не закончил. Тоннель оборвался, и мы вышли в огромный полутемный зал. В центре зияла пропасть старого отстойника. Над ней на ветхом помосте громоздилась невероятная гора мусора. В полумраке я разглядел мятые корпуса машин, ежи антенн, куски старых труб и прочего металлолома. На вершине, сплетенное из кабелей и арматуры, стояло знакомое лицо-маска. Наверное, это и есть источник возмущений. Воздух в зале вздрагивал от тяжелого гула — никакой мистики, просто низкий звук на пределе слуха. Иногда темноту прорезали вспышки света, на вершине мусорной пирамиды мелькала пара проблесковых маячков.

Зал плохо освещен, когда глаза привыкли, я рассмотрел десятки фигур в серых накидках вокруг пирамиды. Одни раскачивались в такт нарастающему гулу, другие стояли на коленях или припадали к земле у подножия. Борода зашевелился рядом:

— Всё на конец света надеются. Каждый выброс так.

— Что это... там?

— Это их мусорный бог, — прошептал Борода. — Не помню, как его там зовут.

Я присмотрелся. Пара динамиков, маячки, несколько закрытых блоков наверху. По телу пробежала дрожь. Нелепая антенна наверху — излучатель. Такое оборудование не могло случайно оказаться в горе металлолома. Эта установка работает. Я почувствовал её сквозь толщу земли и бетона. Ощущение сродни разлому в метро. Мои видения связаны. В сознании прокатилась лавина вопросов. Что здесь происходит? Кто этим занимается? Как это связано со мной? Нужно разобраться, пока я окончательно не сошел с ума.

— Борода... — голос подводил, — это не техносекта. Тут сложнее.

В коридоре за нами послышались шаги. Мы вжались в нишу стены и замерли. Из-за угла вынырнула тощая фигура в сером плаще с капюшоном. Пришелец нес толстую книгу и был погружен в чтение. Он даже не смотрел в нашу сторону, но проходя мимо, запнулся об огромный сапог проводника и упал. Борода вышел из тени и что-то примирительно забубнил в респиратор. Но гость сильно испугался, не поднимаясь на ноги, что-то звонко заверещал и

стал отползать. Мощная рука сгребла несчастного за шиворот, Борода сдернул маску и со словами «Не смей орать на научного сотрудника» вlepил ему пощечину. Нокаутированный сектант повис на руке.

Я выглянул в зал. Серые братья стояли на местах, никто даже не повернулся на звук. Борода посадил пленника к стене. Под ветхим капюшоном оказалось худое острое лицо, впалые глаза, спутанные седые волосы. Я посветил фонариком — Сеченов! Побледневший и высохший от подземной жизни передо мной сидел престарелый академик старого ГИИ.

— Ну и чего с ним теперь? — Буркнул Борода.

— Это Сеченов — профессор, — объяснил я. — Нужно с ним поговорить.

В сумке нашлась фляга с водой. После легких водных процедур академик пришел в себя, завертел головой. Глядя в безумные глаза, я засомневался, что разговор сложится.

— Профессор, успокойтесь, — начал медленно. — Это Юрий, программист. Мы работали над искусственным нейроном, помните?

Взгляд профессора прояснился, он сел ровнее и даже поправил несуществующие очки.

— Молодые люди, — прорезался академический тон. — Потрудитесь объяснить, что здесь происходит? Вы срываете мою работу.

— Ну, мы здесь мимо проходили... — растерялся я. — Стойте. Какую работу? Вы здесь один?

— Увы, — вздохнул Сеченов. — Подобные исследования никому не нужны. Финансирования едва хватило на реквизит: дождевой плащ и справочник по собаководству. — Он кивнул на увесистый том.

— Так вы не один из этих? — Осторожно спросил Борода. — Вы уж извините...

— Нет, не один. — Профессор поморщился, коснувшись лица. — Я изучаю организацию изнутри, уже есть неплохие результаты...

— Что за установка там наверху? — оборвал я.

— Где? Не знаю, — старик замялся. — Мне не давали инструкций...

Из тоннеля донеслись невнятные шорохи, чей-то вскрик, звуки борьбы. В двадцати шагах по узкой развилке трое братьев протащили кого-то. Пленник сопротивлялся, в суматохе я рассмотрел только край темного плаща и высокий шнурованный сапог. Спустя пару секунд компания скрылась за поворотом. Повинуясь странному чувству, я осторожно подошел к перекрестку и осмотрелся. Братья ушли, но на полу что-то осталось. Я прошел чуть дальше и поднял перчатку, маленькую для моей руки, с обрезанными кончиками пальцев. Внутри похолодело.

— Кто это был? — Не узнавая свой голос, выдохнул я.

— Новая сестра, наверное... — профессор замялся. — Я слышал, её подобрали у северного входа.

— Короткие светлые волосы, жетон ЭКО на груди?

Сеченов кивнул.

— Что значит «новая сестра»? — Не выдержал Борода.

— Иногда сюда приводят людей. Поначалу бывает сложно, но потом с ними работаю я...

— Ах ты ж... — дюжий проводник подавился ругательством, — академик!

— Исключительно в научных целях, — стал оправдываться Сеченов. — Изменение внушаемости в групповой динамике...

Дальше я не слушал. В голове копошились обрывки мыслей и фраз, проигрывались

десятки вариантов — зрел страшный план. Я осторожно отполз, выглянул в зал, прикидывая расстояние, считая шаги и секунды. Сеченов продолжал читать лекцию, когда я вернулся. Мой спутник оказался тактичным слушателем, даже перехватил академика в левую руку для удобства.

— Снимай, — выдохнул я.

Академик уставился на меня.

— Ваш плащ, профессор, — начиная терять терпение, — он мне нужен.

— Ты чего удумал? За подругой этой идти? — Удивился Борода.

— Я обещал.

Сеченов нехотя стянул свое одеяние. Свободная накидка легла поверх моей одежды.

— Когда станет шумно, двигай к двери и жди, — сказал я, надвигая капюшон пониже.

На очередную серую фигуру, вплывшую в зал, никто не обратил внимания. Я медленно брел между безучастными людьми. Обрывки слов, шепот и бессвязное бормотание наполнили воздух. Ближе к пирамиде я почувствовал дрожь — тяжелый гул пронизал тело. В голове немного помутилось.

До пирамиды ещё шагов двадцать, а меня уже трясло, как в лихорадке. Хотелось припасть к земле, рядом с серыми братьями. К счастью, лезть наверх не нужно. Я обошел гору металлолома и стал рассматривать землю за ней. Пара служителей, оторвались от земли, и уставились на меня. Один попытался встать, но вялая попытка не удалась. Кто знает, сколько они здесь, и что сейчас плавает в пустых глазах?

А вот и питание — среди грязи и мусора на полу лежала тугая змея силового кабеля. Меня накрыло секундное затмение — внутри жилы мелькнула тугая нить света. Что с ней делать? Дрожащими руками я поднял кабель и потянул — ничего. За спиной зашевелились люди. Я дернул ещё, но ничего не вышло. Человек пять позади, потянулись ко мне, глухие шаги раздались совсем близко. Начиная паниковать, я вцепился в кабель и, загребая сапогами, рванул на себя.

Наверху сухо затрещало, темноту разорвала серия вспышек. С вершины пирамиды покатился массивный черный ящик. Гул оборвался. Гора металлолома зашевелилась. Тяжело кувыркаясь и набирая скорость, ящик пролетел вниз и ударил в край помоста. Раздался хруст, собранная из мусора платформа накренилась, и пирамида ухнула в темную пропасть отстойника.

По залу прокатился гулкой стон. Самые истовые служители с криками бросились за своим идолом. Остальные хватались за головы, падали на землю, катались в пыли. Я не стал терять времени и побежал к узкому проходу у стены. Следующие минуты слились в калейдоскоп темных коридоров, тусклых светильников и пыльных углов. По пути я не встретил ни одного серого брата, словно они исчезли.

В конце очередного коридора обнаружился маленький грязный тупичок. В углу, привязанная к ржавым трубам, лежала Соня — без сознания. Я бросился к ней, стал развязывать, прикидывая, как далеко смогу унести её на руках. Когда последний узел спал, я получил жесткий удар в лицо. Без сознания, как же! Почти минуту я пытался успокоить обезумевшую подругу, пару раз получил по ребрам. Наконец, сорвал капюшон, сгрел Соньку и выдохнул в ушко:

— Дура, это я!

Соппротивление прекратилось. Пару секунд она недоверчиво смотрела, затем тонкие руки вцепились в меня и долго не отпускали. Ей досталось: плащ порван в нескольких

местах, волосы растрепаны, костяшки на руках сбиты. Над тонкой скулой появился багрово-красный ожог.

Из подземелий серого братства мы выбрались без приключений, братья безумствовали вокруг разрушенной установки, им не было дела до пары беглецов. Сеченов исчез. Борода долго орал, объясняя, какой я псих, и что теперь начнется, но всё же вывел нас до коллектора на окраине полиса.

С трудом передвигая ноги, мы выбрались в холодную ночь. Техногенный монстр дремал, укрывшись дымкой ядовитых газов и выхлопов. Плевать, что не видно звезд. Им нет дела до нас. Темные силуэты высоток, шпиль телекоммуникаций, редкие огни сирен — тоже красиво. Над соседним сектором сгущается мрак, мутный воздух вздрагивает, как вода, расходится тяжелыми волнами. Уверен, тусклую иллюминацию над Северной фабрикой не видит никто. В небе назревает очередной надрыв. Это не больная фантазия. Вернее, не только она. Я видел следы работы неизвестного оборудования, возмущения некой информационной оболочки. Как? Почему? Что делать? Больше вопросов, чем ответов. Но если я не разберусь, раньше или позже очередной приступ раздавит меня.

Глава 3 Пробуждение

Четыре угла, унылые стены и низкий потолок — тесная комната похожа на больничный бокс. Внутри полумрак. Вместо окна на стене помигивает неоновая трубка. Треть площади занимает узкая койка. От медицинского оборудования к ней тянутся тонкие плети кабелей и проводов. Тощая фигура на простыне сплетена электронной сетью, покрыта пластинками контактов и прищепками датчиков. В сморщенную кожу на черепе вцепился электронный жучок томографа. Только острое, иссеченное морщинами лицо осталось нетронутым. Массивная коробка терминала контролирует все мыслимые жизненные показатели. Рядом мерно шуршит поршень аппарата искусственного дыхания.

В тумане плавают имя. Тьма... мрак... Марк! Терминал тревожно пискнул, на дисплее забегали цифры. Человек на кровати прогнулся, словно схваченный судорогой. Веки широко распахнулись, безумный взгляд уперся в потолок. Легкие вспомнили о работе, сквозь маску послышался хриплый вдох. Через мгновение тело расслабилось, осело, но в глубоких темно-синих глазах осталась искра. Постепенно из глубины поднимались последние воспоминания: вой сирены, безумное лицо оператора, горящее от перегрузки оборудование. Несмотря на слабость и головную боль, Марк помнил себя. Имя, возраст, тему докторской. Понемногу возвращалась последняя ночь, проблемы с проведением испытаний. Ещё он помнил, что не может быть жив.

Собравшись с силами, доктор Маркус Кронекер попытался сесть. С тихим скрипом пластиковая петля затянулась на шее. Слабое тело вновь опустилось. Какого черта? Кого они решили привязать? На то, чтобы справиться с ошейником ушло несколько минут. Петля оказалась обычной, но дрожащие руки слушались плохо. Вскоре стяжка лопнула, и обрывок ремешка полетел в сторону. Потом за ним отправились два десятка прищепок и пластин, покрывавших кожу. Сложнее вышло с катетером на предплечье. Игла сидела глубоко, но Марк недаром заканчивал медицинский. Дрожащие пальцы уверенно достали жало и залепили кровящую рану остатками пластыря.

Пружины койки тихо застонали, босые ноги опустились на холодную плитку. Первые шаги дались тяжело, но доктор не жалел больного тела и всё же добрался до вешалки в стене. Среди разного тряпья на крючке нашлась одежда. Короткая пижама упала на пол, привычный белый халат лег на плечи.

На стене что-то мелькнуло. Мужчина замер на секунду, но вскоре рассмотрел в полумраке над умывальником зеркало. Из мутного окошка смотрело чужое лицо. В свои сорок Марк выглядел стариком. На щеках и под глазами собрались морщины. Кожа казалась сухой и тонкой. Только острые скулы и волевой подбородок напоминали гордый немецкий профиль. Правую бровь рассекал шрам. Марк попытался вспомнить, где его получил, но память спасовала. Поражало другое. Бритую голову покрывала тонкая сеть линий и штришков — карта вскрытия. На лбу виднелся пробный надрез и короткий шов. Марк отшатнулся. Какого черта? Ведь он руководитель проекта. Для хирургических опытов есть тысячи простых людей, не имеющих представления о торсионных полях и пси-резонансе. Доктор Кронекер никогда не задумывался об этичности экспериментов над людьми. Выбора нет, на последних стадиях разработки подопытные крысы не помогут. Но попасть под нож самому? Зачем? Нельзя вскрывать череп ведущему специалисту!

Руки судорожно пробежались по карманам — ничего. Нужно срочно узнать время. К

очередному совещанию должен быть готов отчет об аварии. Важно правильно подать информацию об ущербе и потерях, иначе совет директоров проголосует «против», а в кресло управляющего сядет мерзавец Круст. В халате ничего не нашлось. Тогда Марк бросился к терминалу. Длинные пальцы забегали по панели, в углу монитора показался календарь. 4 Апр. 2047. Короткая строчка выбила дыхание, сердце на мгновение замерло. Четыре месяца. Кронекер готов был усомниться в школьной арифметике. Он думал, что провел сутки в беспомощности, оказалось — месяцы в коме. Ноги стали подкашиваться, рука едва успела найти перила, доктор опустился на кровать. В голове закопошился ворох страхов и воспоминаний.

За это время могло произойти всё, что угодно. Нет сомнений, Круст уже во всю вертит советом. Но хватило ли ему ума закончить исследования? Ведь с аварией на лаборатории Б-1 работа наверняка остановилась. Потеряно множество оборудования, данные многомесячных опытов. Проект «Маяк» и вовсе должен быть заморожен. Или нет? Этот одержимый социопат вполне может наплевать на безопасность и продолжить. Последствия страшно даже представить. На лбу проступил холодный пот. Марк глубоко вдохнул, пытаясь успокоиться. Нужно брать ситуацию под контроль. Срочно.

Скрипнула кровать, босые ноги зашлепали по полу. Маленькая дверь оказалась не заперта. За ней открылся пустой коридор: кое-как покрашенные стены, вереница бледных трубок под потолком и никакой мебели. Сходство с больницей усиливала вытертая клетчатая плитка под ногами. Марк знал, это не санаторий. Больше похоже на сборный пункт для подопытных. Самые мрачные опасения подтверждались. За палатой не наблюдали — вероятность выйти из глубокой комы исчезающе мала. Мимо потянулись одинаковые двери. Судя по плотности, за ними теснились такие же боксы. Первая камера показалась за поворотом возле выхода на лестницу. Пластиковый шарик медленно поворачивался из стороны в сторону, чтобы охватить весь коридор. Наверняка никто не смотрел сейчас в монитор на посту, но Марк решил не искушать судьбу, осторожно выглянул из-за угла. Когда крохотный глазок отвернулся, белый халат бесшумно мелькнул в проеме на лестничную площадку.

Широкая железная лестница тянется вверх. Спуска в подвал нет, между секциями вместо окна висит светильник — уровень находится под землей. Два пролета остались за спиной, впереди показалась металлическая дверь. Настоящая стальная броня с механическими запорами. Взломать такую можно разве-что силами ударной строительной бригады. Но Кронекер не стал простукивать обшивку, разбираться в механике, искать слабые узлы. Всё вышло куда сложнее. Тонкие руки одернули халат. На ходу застегивая пуговицы, доктор выбрался на последнюю ступень, и... костяшки пальцев постучали в сантиметровую сталь. Трижды — коротко, аристократично.

На вежливый призыв никто не ответил. Пришлось забарабанить настойчивее. Расчет оказался верным. Выберись за рамки здравого и ты недосыгаем. По ту сторону что-то упало, зашуршало битым стеклом. Через несколько секунд за дверью послышались осторожные шаги. Смотровых отверстий и глазков в двери не было, её не планировали калиткой в квартиру. Марк кожей чувствовал замешательство сонного охранника, потревоженного среди ночной смены. Тяжело бедному, инструкций на такой случай нет — придётся думать головой. Наконец, с той стороны послышалось неуверенное «Кто там?».

— Профессор Петер Теласкус, — Марк старался говорить раздраженно.

— Кто?

— Вы паачему запираете ночную смену?! — Прибалтийский акцент давался нелегко.

— Э-эм... так ведь... — смятение за дверью нарастало.

— Немеедленно выпустите меня! — Протянул Марк.

После короткой паузы защелкали железные запоры. Скрипнули мощные петли, тяжелая створка отползла наружу. В дверном проеме показалась невысокая фигура, одетая в серый камуфляж. На заспанном лице виднелись лиловые следы — дежурный напялил мятую кепку, на которой спал. Пользуясь замешательством, Марк перешагнул порог. Охранник посторонился. На лице читались нехитрые мысли — он панически соображал, где допустил ошибку и чем это грозит. Кронекер уже собирался начать разнос за придуманную оплошность, но вдруг заметил над головой мощную лампу. Тесная комнатка оказалась отлично освещена. Несмотря на сонливость, дежурный быстро оценил разрисованный череп и мятый халат, из-под которого торчали босые ступни. В пустом мозгу что-то сработало, сильные руки сгребли доктора за грудь и прижали к стене. У Марка перехватило дыхание. Ноги зашаркали в поисках опоры, лёгкие едва осилили новый вдох.

— Что вы себе позволяете? — Голос сошел на хрип.

— Позволяем... — Охранник потянулся к рации на столе. — Разбегались тут, крысы подопытные.

Марк дернулся в сторону, за что получил удар в бок. К горлу подкатила тошнота, ослабевшее тело не выдерживало нагрузок. Но Кронекер не сломался. Растворяя боль и страх, внутри закипала злость. Никто не смеет так поступать с ним! Тонкая рука скользнула вниз, коснулась ячейки на армейском поясе. Дежурный отвлекся, чтобы достать, наконец, рацию. В этот момент пальцы наощупь взвели батарею шокера и нажали кнопку. Мощный разряд прошёл тело, оба мужчины повалились на пол.

Преодолевая судороги, Марк поднялся на четвереньки. Ему досталось меньше, хотя левая рука отнялась. Напрягая непослушное тело, доктор дополз до противника, негнущиеся пальцы рванули чехол на поясе. Черный цилиндр лег в ладонь, и скоро батарея окончательно разрядилась в тело охранника. Тот коротко вздрогнул и затих.

Гнев рассеялся мгновенно. Вместе с ним истаяли последние силы. Подволакивая ноги, доктор отполз в угол и привалился к стене. В голове туман, тело сковала невыносимая слабость. Кронекер знал это состояние. Стоит сейчас на секунду забыться, и всё закончится. Если он и очнется, то в ремнях на операционном столе, под свист костяной пилы. Спасительный страх взялся за дело — чувства стали возвращаться. Колени уперлись в холодный пол, Марк попытался встать, опираясь на руку. Левое предплечье пронзила жуткая боль, тело завалилось на бок. Шипя сквозь зубы, доктор оперся на локоть и повернулся к свету.

В двух местах кожа на руке оказалась защита. Грубые стежки на сгибе разошлись, в разрыве показалось стальное сочленение. В голове что-то вспыхнуло, проявилось последнее воспоминание — падение многотонной установки, летящая вниз антенна. Внутри похолодело, Кронекер имел отношение к хирургии — вмешательство слишком серьезное, значит лучевой кости тоже нет. Но запястье осталось родное: пальцы двигались нормально, фаланги гнулись как раньше. Сквозь тонкую кожу у основания просматривались сухожилия связанные с полимерными нитями.

Внутри снова шевельнулся гнев. Полуживого вытащили из лаборатории, но не добились, а закрыли здесь. Зачем? Работа всей жизни — сложнейший проект — в руках недалекого социопата! Потратились на операцию, собрали по частям. Воскресли, чтобы поиграть?

Самоуверенные мерзавцы!

Жгучая злость заставила встать. Подавляя боль и инстинкт самосохранения, Марк сделал несколько шагов. Это тело ещё послужит ему. Животный порыв, жечь, крушить и убивать, уступил напору холодного рассудка. Нужно многое успеть, но первая задача — выбраться отсюда. В стене напротив нашлась неприметная дверь. За ней наверняка замаскированный выход во внешний мир. Но сначала нужно проверить свой статус.

Марк направился к рабочему столу. Гладкую поверхность покрывала сенсорная клавиатура, чуть в стороне лежала плитка системного блока. Нехитрый скринсейвер скрывал широкоформатную панель — специализированные мониторы удобно разбивать на сектора под видеонаблюдение. Высокое кресло тихо скрипнуло и придвинулось к столу, сухая ладонь коснулась клавиатуры. Кронекер ожидал запароленного доступа, распознавания по сетчатке, но заставка сменилась виртуальным проигрывателем. На мониторе застыл кадр порно-ролика. Доктор с презрением покосился на парализованного стража. Ничего не скажешь, достойное применение передовым технологиям.

Пальцы легли на прозрачное поле, по экрану забегало пятилапое насекомое, замелькали каталоги и документы. Скоро среди вороха ненужной информации нашлись списки поступивших «пациентов». В декабрьском отчете оказалось девять имен. Марк нашел себя под искаженной фамилией, быстро пролистнул медицинские показатели и карту переломов. В графе статуса значилось «Стёрт». Кронекер почувствовал слабость, откинулся в кресле. Внутри нарастал тихий ужас. Короткая запись означала, что доктора Маркуса Кронекера больше нет. Данные вытерты из всех реестров, баз и систем. Свидетельство о рождении, карта гражданина, научные работы и патенты — всё учтено и уничтожено. Раньше такая чистка была возможна только на государственном уровне, а теперь доступна и управлениям крупных городов. А структура корпорации Лик всегда пользовалась особым статусом внутри Полис-6.

Стереть человека несложно. Марк касался механизмов чистки, даже сам разрабатывал рабочие модели. Начало — физическое устранение — во все времена не проблема. Дальше по нарастающей. Формально-информационная часть хранится в электронном виде и вытирается без проблем — уничтожаются носители, форматируются сетевые сервера. Социальное извлечение чуть сложнее. Но коллеги по работе обычные люди. Привычный страх и незначительные санкции приводят к тому, что в коллективе скоро забывают даже имя пропавшего сотрудника. Дальше следует психоэмоциональное растворение. На этом этапе раньше возникали сложности, но крепкие родственные связи остались в прошлом. А для самых беспокойных друзей существуют «индивидуальные методы адаптации».

Сухая формулировка оставила жуткий привкус. Внутри что-то шевельнулось. Марк повел плечом, словно сбрасывая наваждение. Беспокойство нарастало. Методы адаптации... Катрин! Высокое кресло полетело на пол. Кронекер рванулся к двери, пальцы схватили ручку, но в последний момент разум возобладал. После четырех месяцев в забвении две минуты ничего не решат. Если он появится на улице в таком виде, то бдительные граждане не преминут сообщить в службу контроля.

В углу нашелся личный шкафчик. Марк вывернул содержимое на пол. Среди вороха одежды нашелся серый камуфляжный комбинезон и армейские ботинки. Такую форму носят все: от сотрудников силовых структур до простых охранников — ни у кого не возникнет вопросов. Шершавое полотенце и пригоршня воды из грязного умывальника стерли роспись с черепа. Напоследок Кронекер пнул бесчувственное тело на полу. Возникло чувство, что

немотивированная жестокость скоро войдет в привычку. Но руки уже отперли замок, скрипнула дверь, и рассуждать стало некогда.

В комнату ворвался прохладный ночной воздух. Марк шагнул в темноту, глаза привыкли быстро. Он стоял у неприметного кирпичного строения на окраине старой фабрики. На фоне неба проступали силуэты заводских строений, косые газовые трубы, остова заброшенных корпусов — удобное место для сборного пункта, пустое и безлюдное. Знать бы только, где это. Марк прошелся по территории. Старый асфальт под ногами то и дело сменялся мелким мусором и цементной крошкой. В сотне метров от заводууправления показался бетонный забор. Кронекер заметил упавшую секцию и скоро вышел за территорию. Дальше дорогу подсказал слух. Сквозь шорох шагов в ночной тишине послышался далекий гул.

Через несколько минут Марк выбрался к путям — сквозь пустошь ходили составы на магнитной подушке. После получасового путешествия вдоль дороги впереди показались огни станции. Ослабевшее за месяцы тело с дорогой справлялось плохо. С трудом передвигая ноги, Кронекер забрался по ступеням высокого перрона. Площадка оказалась пустой. Рельефная плита под фонарем гласила «Сек3/7 ПОЛИС-6». Внутри потеплело, сердце забилося ровнее — станция находится в черте города.

В нагрудном кармане нашлась расчетная карта дежурного. Массивный терминал у входа коротко пискнул, из прорези показался кусочек прозрачного пластика — разовый билет. Следующая четверть часа прошли в беспокойном ожидании. Марк расположился на скамье. От бездействия в голову лезли дурные мысли. Бывший исследователь по привычке пытался составить хоть какой-то план, но скоро понял, что засыпает. Навалилась слабость. Когда подошел поезд, Кронекер почти потерял связь с реальностью. В чувства привел тяжелый гул магнитного состава и свист тормозной пневматики.

Почти бессознательно Марк вошел в распахнутые двери, занял место у окна. После минутной стоянки поезд тронулся, перегрузка вдавила в сиденье. Пустой перрон пролетел мимо. После короткого, но стремительного разгона состав пошел ровнее. В окне замелькали опоры полотна и огни указателей. Вдалеке поплыли башни линии электропередач. Стальная игла летела сквозь брошенные территории на севере от Полиса.

За десятилетия тотальная урбанизация привела к тому, что девяносто процентов населения огромной страны сосредоточилось в двенадцати чудовищных городах. Девять выросли в центральной части. Еще три — пограничные посты, центры оборонной промышленности, врастающие в плоть земли сотнями ракетных шахт и бункеров. Полис-13 — город призрак, полвека назад разрушенный ядерным ударом.

Шестой город системы окружали сотни километров бесплодной земли. Кроме природных катаклизмов, огромные площади носили следы развития техногенного мира. Невероятные размерами добывающие карьеры, гигантские терриконы и брошенные шахтные выработки сделали большую часть территорий непригодными для заселения. На безводном востоке формировалась пустыня — тень от жуткой озоновой дыры. Только воздушное сообщение, редкая сеть грузовых магистралей и железные дороги связывают разбросанные мегаполисы.

Поезд на магнитной подвеске идет ровно. В удобном кресле бешеная скорость почти не чувствуется. По ночному времени большая часть пассажиров спит. На узком экране мелькнула карта. Марк прикинул расстояние — впереди ещё полчаса вынужденного бездействия, самой страшной пытки. В голову лезет всякая чушь.

В сотый раз, прикидывая время аварии, бюрократические задержки и оперативность

спецслужб, Кронекер становился всё мрачнее. Катрин независимая женщина. Несмотря на их отношения, у неё наверняка были другие мужчины. Но молодая и вспыльчивая, она не стерпит внезапного исчезновения, не тот характер. Как скоро и шумно начнет искать — другой вопрос. Но в том, что будет, Марк не сомневался. Чем это грозит, боялся даже думать, но внутри теплилась надежда, глупая и нелогичная — чувство, которое он всегда себе запрещал.

Картинка перед глазами потеряла резкость, поплыла. Свет моргнул раз, другой, хотя тусклые лампы вагона работали ровно. Больное сознание пыталось сохранить контроль. На первые часы после комы выпало слишком много, Марк погрузился в беспмятство. Но вместо блаженной темноты внутри вспыхнули обрывки прошлого.

В плотном тумане проступают контуры футуристической башни. Поднимается из земли срезанный конус основания, упираются в фундамент исполинские лепестки опор. Словно на ускоренной записи, старая телевизионная вышка в центре города обрастает строительной сеткой и навесными лесами. Железобетонная мачта, схваченная стальными тросами, тянется вверх на сотни метров, обрастает кольцами площадок. По бокам из стен вырастают железные ребра и балконы, затянутые силовыми кабелями и волноводными трактами. До земли свисают ещё не уложенные линии электропередач — на питание установки работает мощная подстанция. На высоте пятисот метров вместо острого шпиля разворачивается огромная антенна — жуткий наборной монстр из трех параболических локаторов.

Кронекер стоит на площади у подножия. За полгода на объекте так и не привык. Огромная башня подавляла, заставляла чувствовать себя пустым и ничтожным. Казалось, она высится над целым миром. Каждый раз, проходя у основания опор, Марк чувствовал нависающую над городом тяжесть. Внутри давно поселился мерзкий страх. В отличие от строителей, он знал, зачем реконструируют башню.

Оцепенение понемногу спадало. Внимание отметило обычный строительный шум: грохот отбойника, ругань подрядчиков. Глаза проследили поворот башенного крана. Маркус вспомнил о работе, перехватил удобнее электронный планшет с планировкой. Работы по укладке силовых линий подходили к концу, бригада монтеров ползала по парапету на цокольном уровне. Кронекер добрался до ствола подъемника и надавил «Спуск». Пульт ответил противным писком, грузовая клеть уже ползла вниз. Через несколько минут сквозь гул двигателя послышался скрип цепей и невнятный говор. Когда кабина опустилась, Марк рассмотрел пассажиров. Отряд Управления Внутренней Безопасности. Решетка распахнулась, и камуфлированные бойцы выволокли из клетки двоих рабочих. Одного, как тряпичную куклу несли под руки, другой перебирал ногами самостоятельно. Из-за разбитого лица и рваной спецовки Кронекер не сразу узнал молодого лаборанта. Нарушителей протащили мимо. Вдалеке, на выезде из площадки уже стоял чёрный фургон Управления. Парень вдруг зашаркал пятками о землю и обернулся, безумный взгляд уперся в Марка.

— Кронекер, вы знали! Остановите это безумие, пока... — глухой удар оборвал фразу, лаборант повис на руках стражей порядка.

Планшет выпал из рук. Марк решительно шагнул за бойцами УВБ. Сейчас он разберется! Эти мордовороты арестовали самого толкового прибориста в штате, бритоголовый сержант ответит за самоуправство. На плечо легла чья-то рука. Марк обернулся, за спиной оказался обычный охранник: глуповато-грозное лицо, темно-синяя униформа, на рукаве нашивка корпорации — панорама Полиса и пустой глаз без зрачка. Наверное, кто-то из дежурных, потом разберемся. Кронекер раздраженно повел плечом и

пустился за отрядом.

— Что происходит? — Марк набросился на сержанта. — По какому праву?!

Не сбавляя шаг, сержант чуть повернулся на звук. Бритая голова, широкие скулы, искривленная переносица — стандартный вояка внутренних войск. Только глаза пустые, бессмысленные.

— Производственный саботаж. Работаем по инструкции. — Голос ровный, бесцветный. Губы едва шевелятся.

— Какие инструкции?! Вы в курсе, чей это проект? — рванул бойца за плечо.

Левое запястье обожгло огнем. Кронекер зашипел, резко закатал рукав — кожа на месте метки покраснела, внутри спекалась кровь. Сержант потерял к доктору интерес, и зашагал дальше. А у Марка в голове взорвался ад. Он панически соображал, что происходит, вспоминал всё об электронном маркере. Боль пронизывала предплечье, волна жара покатила выше по венам и артериям. Марк осмотрелся, люди вокруг продолжали работу. Значит, это не сбой и не случайная наводка.

Взгляд остановился на группе людей у подножия башни. В стороне от подъемника стояло пять человек. Их внешний вид никак не вязался с окружающим: стального цвета комбинезоны вместо спецовок, ни одной строительной каски. У каждого на поясе продолговатая кобура. Кронекер понял, четверо в сером — охрана. Опасения вызывал тот, кто скрывался за широкими спинами. Боль немного ослабила хватку. Уловив извращенную логику, Марк побрел к группе — температура стала спадать, горячая волна остановилась. С каждым шагом кожа остывала, но в груди холодело от страха. «Индивидуальное подавление». Если Круст получил доступ к этому рычагу...

Сверху раздался глухой скрежет, застонали стальные опоры. Марк поднял глаза и оцепенел — на высоте сотни метров лопалась утягивающая сетка, тяжелая консоль отделялась от стены. На фоне хмурого неба замер жуткий ансамбль из оборванных лесов и бетонного крошева. Спустя мгновение обломки полетели вниз. Рядом кто-то закричал, серая охрана сбилась в кучу, закрывая человека в плаще. Кронекер не успел даже упасть. Земля тяжело ухнула от удара, в стороны брызнула каменная шрапнель. Острая боль хлестнула по лицу, волна осколков отбросила Марка, свет погас.

В сознание ворвался мощный гул — состав тормозил жестко. Тело бросило вперед, не пристёгнутый Кронекер ткнулся носом в соседнее сиденье. Еще не полностью очнувшись, резко осмотрелся. Ладони ощупали лицо — все цело, только правая бровь разделена надвое, но шрам давно стянулся. Теперь ясно, откуда он. Легкие жадно втянули воздух. Страх отступал быстро, как после ночного кошмара. Еще несколько секунд доктор просидел в кресле, приходя в себя, затем направился к выходу из вагона.

Ночь ещё не отступила. Редкие фонари освещали пустой перрон, разгоняли тьму возле путей и вокруг здания вокзала. Первая станция пригорода мало отличалась от ночного полустанка на глухой шахтерской базе. Кронекер зашагал по ровной плитке. На остановке сошло человек двадцать — все помятые, заспанные, с тяжелыми сумками. Для простых людей путешествия по «магнитке» стало продолжением переездов на старых железных дорогах. Даже кипятки из холодных бойлеров и бессмертные плацкартные полки перекочевали в век развитых технологий.

Из здания поста вышли трое патрульных — ночной наряд. Крепкие ребята заметно скучают. Один явно не проспался: лицо чуть опухло, ремень болтается, мятый берет скомкан под лямкой на плече. Среди сошедших началось волнение, зашуршала одежда, голоса

опустились до шепота. Марк остановился, руки машинально проверили содержимое карманов — совсем забыл о порядках на окраинных секторах. Патруль не усердствовал. По случайности Кронекер мог попасть под проверку документов или досмотр, но троица прошла мимо. Вдали от центра ребята расслабились и обнаглели. Один ещё пытался сохранять видимость работы, всматривался в лица, кого-то ткнул дубинкой. Остальные разглядывали нехитрую поклажу пассажиров, оценивали одежду.

Грузная женщина в дутой куртке неловко повернулась, одернула рукав, в подкладке тихо звякнуло. Старший наряда среагировал, как натасканная собака. Через пару секунд нервная уже лежала лицом в землю, а наряд потрошил сумки и одежду. Сонный сержант оказался самым шустрым. В руках мелькнуло лезвие, из распоротой куртки посыпались плоские жестяные баночки. Дефицитные продукты или тяжелые наркотики — какая разница? Патрульные нашли жертву, на некоторое время они заняты. Пассажиры поспешили прочь. За полминуты на перроне остались только стражи порядка и их добыча.

Увлеченный общим движением, Марк остановился уже за воротами вокзала. Внутри копошились противоречивые чувства. С одной стороны брезгливость и презрение, с другой — страх и разочарование. Ведь когда он начинал проект, то мечтал избавить мир от этой грязи, навести единый порядок. Передовые исследования, современные пси-технологии... ведь они должны выправить человеческую натуру. Пусть даже насильно!

— Едешь куда? — хрипловатый голос вернул в реальность. — Садись, подброшу.

Нагловатый водитель появился кстати. Низкий, но плотно сбитый, с красными глазами и двухдневной щетиной, он являл собой все прелести запрещенной профессии. Под грязноватой курткой угадывались контуры оружия, но Кронекер не обратил внимания. Это нормально. Ограбления наемных водил — обычное дело, вот и страхуются.

— Карту возьмешь? — Из денежных средств оставалась только ворованная карта.

— Пустая? — Водитель покрутил в куле кусочек пластика.

— Не знаю, — честно ответил Марк.

— Ладно, поехали, — они поняли друг друга, кредитка исчезла в кармане.

Поездка по ночному Кольцу пролетела незаметно. Плоский шестиколесный монстр на водороде летел по улицам с бешеной скоростью. В тонированном окне мелькали фонари и мигающие вывески сомнительных заведений. Водила полностью оправдывал звание. Безумные глаза пытались смотреть во все стороны сразу, обрезанные перчатки выворачивали руль в последний момент, а педаль утопала в полу даже на крутых поворотах. Разбросанный по заднему сиденью Марк не раз раскаялся в выборе транспорта. На очередном вираже хлипкий поручень оторвался, доктор нашел спиной противоположную дверь. Рука отозвалась болью, под рукавом проступило что-то липкое — механический сустав прочен, но слабые швы...

Тормоза скрипнули последний раз, ржавая дверь взлетела вверх, Кронекер на полусогнутых вывалился наружу. Не дожидаясь благодарностей, водила вдавил газ, и стальная комета скрылась за поворотом. Марк поднялся на ноги, здоровая рука отряхнула мятый комбинезон. Рядом показался знакомый подъезд.

Сорокаэтажный жилой комплекс спит, в затемненных окнах не видно огней. Стекланные стены в металлическом корсете тянутся ввысь, сливаются с ночным небом. На входной двери тускло горит терминал. Будить соседей, чтоб впустили бесполезно, а кодовая комбинация, наверное, сменилась. Старую Марк забыл, многие мелкие воспоминания не вернулись. К счастью, моторная память оказалась крепче обычной — пальцы прошли по

затертым кнопкам, щелкнул магнит, и дверь открылась.

Пока лифт полз на этаж, Кронекер пытался придумать хоть какой-то план. Рассудок подсказывал исходить из худшего. Страх и глупая надежда не позволяли даже думать о таком. За спиной хлопнули створки, в темноте коридора показалась железная дверь, мигнул кодовый замок. Войти нормально не получится — электронный ключ со всеми вещами пропал в хранилищах центра. Марк проверил пару сложных аварийных комбинаций, замок презрительно пискнул. Тогда ладонь пошарила под корпусом, пальцы наткнулись на выемку, снизу вытянулась крошечная антенна микрофона. «Маркус Кронекер, раз-два-три», — голос показался чужим, но замок признал хозяина. Мигнул зеленый огонек, щелкнули запоры.

Внутри царил темнота, стены молча приветствовали хозяина. На секунду показалось, что он вернулся после командировки. Сейчас бросит в угол сумку, обнимет Кэт, и всё будет, как раньше. А этот кошмар забудется через пару минут за чашкой крепкого кофе. Желание оказалось сильным, Марк шагнул в тесный коридорчик, под ботинком что-то хрустнуло. Рука потянулась к выключателю, над головой зажглась продолговатая трубка. На полу лежали осколки зеркала. Мебель в коридоре стояла на местах, но всюду валялись какие-то обломки, старая одежда и бумаги. Неужели чистка по месту так задержалась?

Справа загорелся свет. Шлёпая босыми ногами, из спальни вышла Катрин. Легкий халатик на стройной фигуре, платиновые волосы собраны в нелепый хвостик, сонные глаза смотрят испуганно.

— Вы... кто? — Голос казался знакомым, но бесцветные интонации выдавали.

— Кэт, это я. — Надежда таяла с каждой секундой, но Кронекер не хотел верить.

— Кто, я? — никакой враждебности, только пустое любопытство.

— Маркус, твой... — не смог подобрать слова, чтобы назвать их отношения. — Ты не узнаешь меня?

Катрин наморщила лобик, покачала головой. Под ногами хрустнул ещё один осколок, Марк взял девушку за плечи, легонько встряхнул. На заспанном лице мелькнуло недоумение, тонкие руки неуверенно толкнули в грудь. Катрин отстранилась, но едва не потеряла равновесие. В поисках опоры левая рука нелепо зашарила в воздухе. Сделав пару неловких шагов, девушка привалилась к стене.

Кронекер оцепенел. Нарушение координации — побочный эффект «коррекции личности». Другой бы не заметил, но доктор видел такое раньше. Внутри что-то оборвалось. Катрин больше нет. Перед ним полуживая оболочка с минимальным набором умений. Из спальни послышался шорох, в проеме показался мужчина. Невысокий, темноволосый, с таким же заспанным лицом.

— Кто вы?

Безобидный вопрос стал последней каплей. Кронекер бросился вперед, сбил соперника с ног, тонкие пальцы вцепились в шею. Мышцы подчинялись плохо, но тупая ярость заставляла Кронекера бороться. Только мужчина не сопротивлялся, хотя выглядел тяжелее и наверняка был силен. На лице застыло безучастное выражение, руки неуверенно пытались оттолкнуть противника. Марк остановился, пальцы разжались. Ну конечно! Идея Сомова — селить пустышек группами, чтобы хоть как-то выживали.

Навалилась слабость, комната поплыла. Марк попытался встать, но завалился на спину, холодный пол оказался последней твердыней. Внутри шевельнулась тоска. Его вычеркнули из жизни, стерли и разрушили всё, чем дорожил. Кэт навсегда останется пустой куклой. Уютная квартирка больше не его дом. Работа всей жизни в чужих руках. Остается только

одно.

Кронекер поднялся на ноги, пошатываясь, побрел на кухню. Катрин и её новый друг забились в угол комнаты. Тихие и послушные — на них можно не обращать внимания. На кухне ничего не изменилось. Шкафы, полки и холодильник остались на местах. Их содержимое оказалось равномерно разбросано на столе и по липкому полу — пустышки ещё не научились следить за порядком. Марк опустил на колено, рука нырнула под дверцу холодильника. Из под нее показался кожаный пенал. Квартиру обыскивали плохо, набор сохранился.

Щелкнула застежка, в тусклом свете блеснула хирургическая сталь. Кронекер вытянул скальпель, пару тонких шприцов и пошел в ванную. Пригоршня холодной воды привела в чувства, вернула уверенность. Марк мрачно улыбнулся зеркалу и закатал правый рукав. Тонкая игла ударила вену, двойная доза болеутоляющего попала в кровь. Механическая рука подчинялась плохо, но мелкая моторика сохранилась. Марк глубоко вдохнул, и острое лезвие полоснуло по запястью.

Глава 4 Дети подземелий

Скрипнул каблук, щелкнула застежка на рукаве. Я последний раз проверил снаряжение, затянул шнуровку на сапогах. Плотная серая ветровка и тертые джинсы отлично подходят для долгих переходов. На спине удобно устроился тощий рюкзак. В нем провизия на сутки, фонарь и простой сканер. В нагрудный карман спрятался старый КПК с электронной картой.

Маленькая квартирка в последние дни приобрела совсем унылый вид. Разбросанные вещи, сдвинутая по углам мебель, на всём изрядный слой пыли. Можно подумать, здесь давно никто не живет. Перед выходом я заглянул в зал, ещё раз глянуть на работу. Стены и потолок скрывала чудовищная сеть графов, руническая вязь символов и формул. В углу возле окна за два дня выросла новая ветвь. Штабеля таблиц, столбики диаграмм и сотни структурных блоков поместили в себя мотивы и реакции модулей «Фанатизм» и «Катастрофа». Грубо, обобщенно, но лучшего за два дня сражений с психозом не собрать. Подобной клинописью покрыто всё в моем обиталище. Социсследование «на дому». Показать бы психиатру.

Время не ждет. Я вышел в тесную прихожую, защелкал замками. В двери стояли надежные механические запоры. Никакой электроники, сенсорных панелей, инфракрасных лучей. Я программировал такие игрушки, потому знал им цену. Хотя может, это просто паранойя. Тесный лифт, семнадцать этажей вниз, и я выбрался из жилого комплекса. Сухой пыльный ветер дохнул в лицо. Ранняя весна в Кольце не сильно отличалась погодой. Только хмурое небо и короткий холодный вечер напоминали о времени в лабиринтах стекла, стали и бетона.

Узкая мощеная дорожка потянулась между стенами высотных корпусов. На ходу я заметил, что облицовка плит местами оплыла, тонированные окна переливаются и неестественно отражают свет. Препарат, сдерживающий симптомы, достать не удалось. Придется мириться с плывущими зеркалами и живой тенью.

Людей на улице почти нет. Треть Полиса оцеплена из-за аварии на химкомбинате. Местные боятся, что облако выброса доползет до Кольца, и стараются не покидать тесных квартир-боксов. Пока я добирался до окраины сектора, мне встретился едва ли десяток прохожих.

Последний квартал граничил со старой подстанцией. Жилой массив внезапно закончился, и я вышел к высокому сеточному ограждению. За ним, в центре асфальтированной площадки высилась последняя башня линии электропередач. Вокруг нее десяток вышек поменьше, чуть дальше — кирпичное здание самой подстанции. Всё выглядит старым и заброшенным: оборванные провода, потеки ржавчины на опорах, осколки керамических изоляторов на земле. Самое место для моих новых друзей.

В одной из секций ограждения нашлась удобная дыра. Я проник внутрь и побрел к зданию трансформаторной. Подстанция уже давно не работала. После очередной аварии погоревшее оборудование не стали менять. Новый энергоблок отстроили южнее, теперь он питал сектор. Но площадку не снесли, просто отрезали от сетей и закрыли.

Под ногами захрустел битый кирпич. Я подошел к ржавым воротам. Одна створка была приоткрыта, но бродить в темноте между горевшими трансформаторами меня не тянуло. Осмотрелся — никого. Время и место встречи. Где все? Я присел на плиту у порога, стал ждать. Бледное солнце на секунду показалось между облаков, керамический осколок у ног

ответил легким бликом. Раньше я бы даже не заметил.

За стеной что-то тяжело упало и покатилося. Внутри трансформаторной кто-то тихо сматерился. Спустя пару секунд створка ворот тяжело заскрипела, в проёме появилась Дана — невысокая темноволосая девушка в длинном грязно-сером плаще.

— Ладно, обойдемся без посвящения, — улыбнулась. — Привет, Юр.

За ней из темноты появился крепкий рыжий парень в камуфляжных штанах и кожаной куртке. Не просто рыжий, а огненный, включая густые брови и кончик короткой бороды.

— Семен, — кивнул парень, с явным сожалением сматывая небольшой пыльный мешок.

— Юра, — ответил я, пожимая руку.

Дети подземелий — маленькая группа, осколок апокалиптической субкультуры, некогда смешавшей многие неформальные движения в больших городах. В последние полсотни лет Конца света так и не случилось. Но то, что пришло ему на смену не сильно отличалось от представлений старых фантастов. В мире хватало выжженных пустошей и мертвых городов. Нашлось место радиоактивным могильникам и брошенным лабораториям. Всё, что не давало спать комнатным приключенцам, теперь было рядом.

Я узнал о группе случайно. Наткнулся на раскопки старой фабрики у границы отчужденной зоны. Дети отличались от простых обитателей Кольца и Полиса. Не только странной одеждой и запрещенными вылазками в мертвые районы. Каждый из них понимал, где находится и почему. Многие разбирались в истории, признавали религиозное мировоззрение. Другие взгляды, философия, пусть даже у всех разная. Копаясь в одной канаве, каждый искал своё, но они хотя бы искали. Сегодня я пойду с ними.

День заканчивался, бледное солнце мелькнуло в облаках, обещая пару часов света. Мы расположились под вышкой, проверили снаряжение и стали ждать. Через четверть часа на ремне Даны зашипела рация:

— Лидер... Шут на связи. Приём.

— Шут, вы где? Время видели? — Дана подобралась.

Несколько секунд в рации шипел эфир, потом чуть погрузневший голос ответил:

— Видели. Стас в больнице... — снова шипение, — отравился газом. Геворг и Света застряли в Полисе. Мы идем на пропускной. Прием.

— Ещё трое, — вздохнула Дана. — Шут, а кто это «мы»? Ты и твоя совесть?

Молчание затянулось, наконец, сквозь помехи послышался громкий чих.

— Дан, солнышко, не забывай говорить волшебное слово. Со мной Север. Будем на месте через десять минут. Конец связи.

Девушка выключила рацию, удивленно глянула на Семена.

— Север вернулся...

Парень пожал плечами, поправил рюкзак:

— Ну и шут с ним, — улыбнулся. — Вести сможешь? Может лучше я?

— Нет, — Дана коснулась маленького жетона на груди — выдавленный в металле значок радиации. — Поведу, пусть смотрит.

Я решил ничего не спрашивать. Мы быстро покинули брошенную станцию и направились к выходу из сектора. Минуя удобные улочки и центральные проспекты, Дана повела нас обходными тропами для техперсонала. Скоро ворота сектора остались позади. Широкая мощеная аллея повела к станции метро. Но спускаться в подземку нам сегодня не придется. Маленькая пыльная дорожка начиналась за станцией, Дана уверенно свернула на неё.

В сотне метров показались заграждения Периметра. Посреди унылого пустыря стоят опорные столбы, высокие секции из колец и сетки. Чуть ближе у границы высится шпиль. На высокой штанге неподвижно сидит параболическая антенна. Широкие уши направлены в сторону Полиса.

Рядом приземистое здание экологического поста, похожее на военный бункер. Голые бетонные плиты, пологие серые стены и мощная железная дверь без ручек и вентиляей. Не хватает только маскировочной сетки на крыше и стальных скоб лестницы на боку. Впрочем, наверху достаточно непонятного оборудования, управляющих шкафов и антенн, так что лестница наверняка есть.

У входа нас ждали двое. Оставшаяся часть группы: худощавый паренек азиатской внешности и светловолосый мужчина атлетического телосложения. Оба одеты походно, в неприметные серые комбинезоны с множеством карманов. На плечах у каждого лямки рюкзаков. У атлета в руке мощный диодный фонарь. Еще издали паренек помахал нам рацией. Внешне он походил на корейца. Мы только подошли, а он уже радостно схватил мою руку и затарахтел:

— Новенький, да? Я Шут, будем знакомы! Ты расслабься, всё схвачено. Щас пройдем, тут весело бывает... — полилось на меня.

— Юра, — только и сказал я. Лучше не сопротивляться.

Север напротив не спешил обниматься. Кивнул мне, переглянулся с Семеном. Дана решила расставить все сразу:

— Группу веду я. Идешь с нами — слушаешь меня. Ясно?

Мужчина примирительно поднял руки. Маленькая Дана едва могла дышать ему в грудь, но он капитулировал сразу. Они с Семеном обменялись рукопожатиями, и напряжение спало. Шут оставил меня в покое и подошел к двери бункера. Загорелась панель терминала.

— Профессор, группа в сборе, запускайте нас.

— Вас понял, открываю, — весело донеслось из динамика.

Внутри зашуршало, лязгнул затвор, и тяжелая дверь плавно приоткрылась. Мы дружно втянулись в тесный коридорчик. Внутри было темно и прохладно. По узкому проходу, мимо пары спальных боксов мы вышли в главный зал. Платформы незнакомого оборудования занимали половину комнаты. Высокие столы с шеренгами стеклянных форм и пробирок составляли маленький лабиринт. Подробные таблицы и классификации загрязнителей висели по стенам одна на другой.

Профессор Вяземский оторвался от монитора в углу и направился к нам. Хрестоматийный пример деятеля науки: синий халат, аккуратная седая бородка, очки. Он широко улыбнулся и картинно развел руками:

— А вот и мои внештатные научные сотрудники!

Вяземский знал о Детях и о походах в санитарную зону, но предпочитал закрывать глаза и извлекать пользу для своей работы. Он ничего не спрашивал и задержал нас лишь на пару минут для коротких инструкций.

— Мебельный комбинат, пожарная часть и ещё пара точек. — Взял у Даны КПК, чтобы загрузить метки на карту. — Всё как обычно: магнитные поля, ионизирующее излучение и дальше по тексту.

Семен получил приборы, взвалил на плече треногу, Дана забрала наладонник, и через минуту за нами уже захлопнулась тяжелая внешняя дверь.

— Так просто? — тихо буркнул я.

Шут толкнул меня в бок, заговорщицки прошептал:

— Раньше группы водил Север, — вздохнул. — Ждали темноты, резали заграждения, бегали от постовых. Просто... Он ведь и ушел, когда они с Данкой... — он не договорил, осекся под взглядом бывшего лидера.

Под ногами шуршал гравий — дорога у поста присыпана строительным мусором. Дальше начинался унылый пустырь: сухая земля, клочки чахлой травы и кустов. До старой трассы почти километр. Новую границу полиса утвердили двадцать лет назад. Семикилометровую зону отчуждения эвакуировали меньше чем за месяц. Очистили и закрыли, как сообщалось, «из соображений экологической безопасности». Тогда же появился Периметр. За два десятка лет брошенные жилые кварталы и промышленные корпуса пришли в запустение, свой отпечаток оставили щелочные дожди и плановые выбросы. Пространство между жилым кольцом и промышленным центром Полис-6 получило формальное название «санитарная зона».

Через полчаса мы вышли на окраину спального района. Сапоги застучали о разбитый, местами треснувший асфальт. Многоэтажные панельные дома, казалось, открыли глазницы оконных рам и бытового стекла. Стало тревожно, словно за мною следят сотни пустых глаз. Очередное обострение. Хорошо, что мы не идем вглубь района. Кто знает, что привидится в лабиринте пустынных улиц и домов. Я глянул на спутников — все спокойны, шагают ровно и размеренно. Видно, им привычны местные красоты. Только Шут вертит головой, рассматривая знакомый пейзаж. Раскосые глаза чуть прикрыты, на лице застыло блаженное спокойствие.

Солнце, выглядывая в прорехи облаков, тянется к горизонту. Тусклого дневного света остался едва ли час. Мимо шеренги ржавых гаражей, мы вышли к пожарной части. Грубое двухэтажное здание из толстых плит, наверное, выглядит так же, как и двадцать лет назад. Только потеки на серых стенах и ржавые решетки на окнах помнят о времени. Четыре машинных бокса занимают первый этаж. Ворота одного из них приоткрыты. Здесь первая точка для замеров по карте Вяземского.

Пока Дана и Семен настраивали приборы, мы с Севером решили проверить станцию. Я не горел желанием обыскивать темные гаражи, но раз уж пришел, то должен знать, что каждый из группы ищет здесь. Шут оставил мне рацию и пошел в сторону района — увидел потрепанное трехэтажное здание, местную больницу. По-моему, не очень здоровый интерес.

Створка ворот тяжело закрипела и нехотя поддалась. Север шагнул внутрь первым. Воздух сразу сменился, стал неподвижным, затхлым. В боксе царил полумрак, но после слабого вечернего солнца глаза привыкли быстро. Потрепанная пожарная машина занимала почти все пространство, бампер упирался в ворота, одна из зарешеченных фар выглянула наружу первый раз за много лет. Шкафы с инструментами и старые покрышки, вековая пыль и горы мусора — в гараже не нашлось ничего интересного. То же самое на всём первом этаже.

Копаясь в ржавых запчастях, я поглядывал на Севера. Уж он-то должен проявлять интерес. Не первый раз ведь — группу водил. Должен быть фанатом этого дела. Но поиски занимали его ещё меньше, чем меня. Когда мы добрались узкой винтовой лестницы, я не выдержал:

— Север, зачем ты здесь?

— Зачем... — он немного смутился. — Мертвый пригород, закрытая зона, настоящие люди и чувства.

— Нет, — я посмотрел в глаза. — Зачем ты здесь сейчас? Ведь не в мусоре копать?

— Шёл бы ты... — Север стал серьезнее. — Ещё не в курсе?

Я мотнул головой. Мой напарник вздохнул, чуть расслабился.

— Раньше группу водил я. Мы бегали от патрулей, резали периметр, срывали маячки. —

Он сжал кулаки, усмехнулся. — Черт, нас травили, как мародеров! Это было по-настоящему.

— А теперь нет?

— А теперь, — зло пнул ящик, — вечерняя прогулка. Не успел оглянуться, она у руля, мы дружим с учеными...

Случайный сквозняк принес странный запах. Тяжелый, несвойственный месту. Винтовая лестница тянулась на второй этаж и выше, к маленькой комнате наблюдательного поста. Я прошел последний изгиб и замер. На ступенях лицом вниз лежал человек. Вернее, труп. Мятая серая куртка, спортивные штаны, грязные кроссовки. Тело ссохлось, одежда больше походила на пыльное тряпье — он лежал здесь не один месяц.

— Ахренеть, — поморщился Север. — Ещё один.

Я вопросительно уставился на него.

— Находим иногда. Мародеры, они такие...

Неудачливый искатель растянулся на ступеньках как тряпичная кукла. Правая рука вытянута вперед, в ладони зажата рукоять сломанного ножа. Дверь на пост заперта. Железная обшивка покрыта вмятинами и царапинами. В прорези замка торчит обломок лезвия.

— Чего ж он туда ломился? — Протянул Север. — И рюкзака нет. Надо глянуть на втором.

За спиной застучали ступени, мой напарник потерял интерес. Преодолевая отвращение, я склонился над телом. Всё неправильно. Ни порезов, ни пятен крови. Шея тоже в порядке. Он что, умер с голоду? Над правым запястьем нашлось тёмное пятно, спекшаяся кровь под кожей в месте, где вживляют метку. Клеймо на ладони я смотреть не стал. Внизу затарахтело, послышался тихий мат, затем глухой пинок.

— Юра, идём! Ничего здесь нет.

Когда мы выбрались из пожарной, Дана собирала рюкзак. Семен стоял с треногой, заканчивал съемку. Камера записывала местность в спектрах, отличных от видимого. Интересно, что Вяземский хотел рассмотреть здесь? Нас выслушали спокойно, никто не захотел посмотреть. Дана помрачнела, Семен лишь пожал плечами — его больше занимала измерительная техника. Пока они собирались, я взял бинокль, отошел на сотню шагов, чтобы рассмотреть наблюдательную площадку. Балкончик был завален мусором, одна из стен покрыта копотью. Между перилами торчала верхушка антенны.

Солнце коснулось горизонта. Мы двинулись к больнице. По рации Шут сказал, что встретит нас внутри. Издали местная лечебница походила на памятник временам бесплатной медицины и бюджетного финансирования. Четыре этажа облупившейся плитки, битых кирпичей и грязного стекла. У подъезда навсегда застыла машина «скорой». Не хватает только назойливых бабушек, санитары с сигаретой и горшка с геранью в окне.

Ворота приемного пункта распахнуты настежь. Мы втянулись в темный коридор, прошли между рядами столов и косилок. В таких местах можно снимать фильмы ужасов. На одной из каталок в позе лотоса сидел Шут. Как только завернулся в сапогах? Когда мы подошли, он открыл глаза и шумно втянул воздух, словно вынырнул из-под воды.

— Долго вы. Я почти заснул, — сказал спокойно, бесцветно. Всегдашняя веселость

куда-то испарилась.

— Нервы у тебя... — Семен поежился — солнце почти село, больница погружалась во тьму.

— Пойдем. — Шут стал на ноги и побрел вглубь здания.

Миновав пару подсобных помещений и регистратуру, мы поднялись на второй этаж. Надпись у входа гласила «Терапевтическое отделение». Словно у себя дома, Шут прошел по коридору, свернул у поста и остановился. Перед нами оказалась одна из общих палат. Я достал фонарик и вошел, по плитке забегал бледный луч. Хлипкая дверь лежала внутри комнаты, из дерева торчали вырванные навесы. На полу валялось истлевшее тряпье и мусор. Вдоль стен — пара одеял и грязный матрас. В углу нашлась гора консервных банок. Всё покрыто толстым слоем пыли и грибка.

— Здесь жили после эвакуации. — Дана тоже достала фонарь. — Достаточно долго.

— Что с того? — хмыкнул Север. — Стоянка мародеров или искателей, мало ли...

— Нет. Здесь были дети.

Среди мусора нашлась пара мягких игрушек, в углу — разбитый паровозик.

— А теперь гляньте сюда.

Шут повел лучом, освещая стену. По штукатурке тянулась косая линия глубоких выбоин и дыр — след автоматной очереди. Пустая оконная рама оказалась расщеплена в нескольких местах.

— Принудительная эвакуация, — выдал Семен. — Очень...

— В соседних палатах то же самое.

— Что здесь вообще творилось?! — вскинулась Дана, эхо потерялся в темных коридорах.

Когда мы выбрались из больницы, уже стемнело. Дальше дорога шла вглубь опустевшего района. Скоро я прочувствовал романтику ночных прогулок по мертвому городу. Полоска разбитого тротуара тянулась вдоль мощеного проспекта. На обочине ржавели брошенные машины. Посреди дороги попадались перевернутые фургоны, истлевший мусор и мешки — людей вывозили оперативно. По левую сторону проплывали пустые многоэтажки, вдоль дороги попадались иглы фонарей, кривые деревья, изуродованные местными осадками. Особая мертвая тишина сковала все вокруг. Я пытался напрячь недавно обретенные чувства — ничего. Здесь не было даже ветра.

Мы шли без огня, глаза быстро привыкли к темноте. Под ногами шуршал мелкий мусор, рядом скрипела рация. Шут пришел в себя и перебирал частоты, пытаясь найти что-нибудь в окружающем эфире. Динамик шипел обычными помехами, иногда начинал низко гудеть от каких-то наводок.

В таком темпе группа двигалась почти час. Я успел понять, что физподготовка меня подводит, но старался идти бодро. Мои спутники шли ровно. Видно, у них ночные вылазки были нормой. Дана иногда доставала наладонник, сверялась с картой. Раз Север пытался посоветовать обходной путь, получил короткую отповедь и затих. Сильный и суровый, презирающий безопасность, он терялся и замолкал под взглядом маленькой Данки.

Скоро мы вышли на заводскую окраину. Вдали показался силуэт бетонного корпуса, окруженный сетью строительных лесов. Деревообрабатывающий комбинат так и остался на реконструкции. Ворота на территорию оказались закрыты, но рядом нашлась «дыра в заборе» — тяжелая консоль когда-то упала с крыши и смяла стальную секцию. Как диверсанты из старых фильмов, в темноте сквозь заграждения, мы проникли внутрь. Не

заглядывая в административные здания, группа двинулась к огромному ангару в центре.

Сооружение оказалось одним из основных цехов. Внутри стояли шеренги слесарных станков, огромные пилы и пресс-машины. Все пространство рассекала узкоколейная железная дорога. На ржавых рельсах у выхода замерла широкая дрезина с трухлявыми обломками. За ней несколько грузовых контейнеров составляли удобный угол. В нем мы остановились, сбросили рюкзаки. Север закрепил фонарь на гнутой задвижке, пятно света остановилось посреди площадки. Над нами проявились очертания силовых кабелей, силуэт подвешенного крана.

— Немного передохнем, затем осмотримся здесь. — Дана опустилась на старую шину.

Никто не стал возражать, ночная прогулка утомила всех. Зашуршали сумки, Семен притащил трухлявый поддон, пошла по кругу фляга с чем-то горячительным. Это было частью ритуала: остановиться на новом месте, распить по глотку среди пустых комнат или мертвых машин. Как дети в заброшенном доме тревожат пыль и ищут клады, так Дети подземелий идут сквозь городскую пустошь за старым хламом. Только дальше и сложнее.

Как я и думал, никто не стал расслаиваться. Первым не выдержал Шут:

— Я пойду, сувенирчик присмотрю, — и скрылся между телами станков.

Мы тоже вскоре разбрелись: Семен и Дана — к будке управления, я и Север — на второй ярус к контрольному пункту. Плоская кабина висела над цехом на высоте десяти метров. Со всех сторон её окружали узкие листовые дороги и тонкие перила — подобие технического этажа, пути для электромонтеров. Хлипкая лесенка скрипела под ногами на все лады, но все же вывела меня наверх. Моему напарнику пришлось сложнее. Высокий и плечистый Север по ржавым ступеням почти полз. Чертыхнувшись на последней, атлет оторвал кусок перил и завалился вперед.

Пробираясь между лианами кабелей, мы быстро нашли дверь в кабину. Она была заперта, но слабый замок — скорее символическая преграда. Север уже примерялся, как удобнее приложиться, когда в кармане зашипела рация:

— Ребят, спуститесь к нам. Тут кое-что интересное.

Мы пересекли цех по навесным дорожкам-мостикам и спустились в противоположном конце. За окном управленческой пристройки мелькал фонарик. В двери появилась Данка, махнула нам. Неприметная будка оказалась входом в тесный подвальчик. Сгибаясь пополам, мы протиснулись внутрь. На бетонном полу фосфоресцировал толстый стержень, тьму разгонял мягкий зеленый свет. Семен копошился вокруг непонятного агрегата. Пара цистерн, батарея поршней, стрелочные приборы на пульте...

— Электростанция, — объяснил рыжий мастер. Даже в темноте казалось, что у него горят глаза. — Аварийная дизельная.

В углу гремел пустыми бочками Шут. После длительных поисков послышалось:

— Есть! — Надрываясь, он вытащил из кучи объемную канистру. Щелкнула крышка, потянуло дизельным топливом.

— То, что надо! — Семен не скрывал возбуждения. — Сейчас мы её...

Я обошел станцию. В одном месте из темных внутренностей спускалась толстая связка кабелей. Плеть тянулась в угол и ныряла в дыру под плитой. Какого черта? Что питал этот генератор? За спиной послышался скрежет, затем ровное хлюпанье — умельцы заправляли запасной бак. Дана и Север стояли в стороне, они тоже не сильно разбирались в технике. Шут оставил пустую канистру и принялся крутить какой-то вентиль, послышалось шипение воздуха. На автоматическое зажигание агрегат не ответил — пульт не ожил, батарея

разрядилась много лет назад. Тогда Семен нашел трос для ручного пуска. Они с Шутом взяли за петлю, потянули раз, другой, но добились только глухого хлюпанья. На помощь пришел Север — вцепился двумя руками и рванул так, что упал на спину с капроновым обрывком. Генератор несколько раз чихнул и заурчал ровно.

Меня словно трянуло током. На секунду в глазах потемнело, голова пошла кругом. Я почувствовал себя внутри колокола. Казалось, сам воздух дрожит и вибрирует. Зрение вернулось, мои спутники ничего не заметили, довольные разглядывали мерцающий светильник на стене. Все началось и закончилось почти одновременно — секундный всплеск. Осталось слабое, едва различимое эхо.

— Идем. — Я вышел из подвала и побрел к воротам цеха.

— Юр, ты чего? — Дана коснулась моего плеча, вся группа выбралась наверх.

— Звук, — пришлось соврать. — Слышишь? — Я боялся потерять направление.

В цеху было по-прежнему темно и тихо. Электростанция не имела к нему отношения. Мы вышли на территорию. Мои спутники оглядывались, прислушивались, но ничего не чувствовали. В сорока шагах от ворот нашлась небольшая кирпичная будка. В таких стоят понижающие трансформаторы. «Эхо» шло оттуда. Дверь открыл Север — ржавый навесной замок развалился под тяжелым сапогом.

Петли тяжело скрипнули, луч фонаря выхватил из темноты железные перила. Лестница уходила под землю. Миновав три коротких пролета, мы уперлись в дверь. В стену был вмурован мощный шлюз, в духе атомных подводных лодок — стальная броня с ровными рядами заклепок. Рядом мерцал терминал. В прорези торчала пластиковая карта. Я осторожно стер пыль с клавиатуры и, как в компьютерной игре, ткнул «Ввод». Дверь заскрипела, внутри щелкнул запор. Мы с Шутом вцепились в стальную скобу и потянули. Тяжелая створка медленно отползла в сторону. На голой стене за дверью было нанесено «Б-17». Большими белыми символами под трафарет. Вправо уходил пустой коридор. На потолке мерцали несколько зарешеченных светильников. Мои спутники замерли. Перед ними лежала мечта. Мы вошли.

Подземный комплекс, чем бы он ни был, в планировке оказался прост. От основного тоннеля в обе стороны расходились коридоры к разным блокам и помещениям. За четверть часа мы обошли почти все. Левое крыло когда-то было жилым. В тесных спальнях стояли ярусные койки. На стенах висели раскладные, как в поездах, столы. Под слоем пыли лежали личные вещи, истлевшая одежда. Правое крыло походило на исследовательский центр. Множество мертвых компьютеров и вычислительной техники, антенны и волноводные линии, горы непонятного оборудования. В одной из комнат поместился массивный генератор.

Вскоре мы добрались до сердца лаборатории. Центральный тоннель заканчивался просторной кабинкой. Почти всё пространство в ней занимала огромная панель управления с множеством кнопок, индикаторов и переключателей. Сквозь трехгранную стену из оргстекла просматривался большой темный зал. Под потолком мигали несколько неоновых трубок. В неровном свете было видно лишь верхнюю часть какой-то конструкции. Из темноты торчали металлические лопасти, широкая парабола антенны. Свисали трубки волноводов и плети кабелей.

— Должно быть освещение. — Шут начал проверять кнопки — полуживой пульт не реагировал. — Какая-нибудь аварияка...

— Стой, мы не знаем, что здесь было. — Семен заметно побаивался, заброшенный

комплекс произвел на него впечатление.

— Расслабься, за двадцать лет тут всё рассыпалось. Вот... — Шут показательно дернул рубильник на стене.

Лампы мигнули, по залу покатился тяжелый низкий гул. В голове мелькнула догадка, через секунду в сознание ворвался фонтан боли, и я прижался к стене. Группу разбросало. Север, обхватив голову, упал на колени, Шут покатился по земле, судорожно срывая левый рукав — под запястьем расплывался красный ожог. То же с Семеном. Вживленные передатчики как-то резонировали с частотой установки. Из всей группы незащитыми были только я и Дана. Она привалилась к стене, но сознания не потеряла. Ребятам сейчас было хуже.

Я потянулся и дернул рубильник вниз. Он заискрил у основания, рычаг заклинило. Установка продолжала работать.

— Надо вырубить питание! — Зорал я.

Север вдруг вскочил на ноги, лицо исказила жуткая гримаса. Сильные руки рванули Шута за куртку — маленький азиат взлетел как кукла и врезался в панель. Русский атлет не контролировал себя. Ему на глаза попала испуганная Данка, он зарычал и бросился вперед. Я успел упасть ему в ноги:

— Генератор... — я подавился остатком фразы, тяжелый удар выбил дыхание.

К счастью Дана услышала — оторвалась от стены и, спотыкаясь, побежала. Следующая минута стала самой длинной в моей жизни. Я поднимался и падал, нырял под мощные удары и катался по земле. Обезумевший Север решил разорвать меня на части. Очередной удар впечатал меня в стену. Голова шла кругом от излучения, но я все же сорвал захват и бросился в сторону. Время. Нужно дать ей время. Если он догонит Данку, в отчужденной зоне добавится сушеных трупов.

Не знаю, как долго я бился в узком проходе, считая шаги и секунды, но когда последние силы оставили меня, всё вдруг закончилось. Потух свет, а вместе с ним затихла и чудовищная установка в зале. Ноги подкосились, я опустился на пол. Судя по звуку, Север свалился рядом. Кажется, без сознания.

Через пару минут в темноте зашуршали шаги, блеснул фонарик. Данка вернулась. «Не укладывается в Древо», — устало подумал я и зашевелился, пытаюсь встать. Луч света ударил в глаза.

— Дан, здесь, — я сплюнул кровью. Пятно света опустилось ниже.

— Живой? — Её немного трясло от волнения.

— А похож?

— Не очень...

Я нашел фонарь, достал флягу и, как мог, привел себя в порядок. Обошлось разбитыми руками, парой новых ссадин и опухшей челюстью. Ребята один за другим стали приходить в себя. Никто сильно не пострадал. У всех троих — головная боль и ожоги на запястьях. Север толком не помнил, что случилось.

После короткого отдыха мы спустились и обыскали зал. Среди железных шкафов и мертвого оборудования нашелся последний обитатель лаборатории. Истлевший комбинезон скрывал усохшее тело мертвого исследователя. Тонкая рука застыла на силовом кабеле у основания установки. Рядом лежал кожаный портфель. Пожелтевшие бумаги неплохо сохранились. В нагрудном кармане нашелся кристаллик накопителя. Комплекс не зря маркировали «17» — на карте санитарной нашлось полтора десятка черных точек.

Глава 5 Бегство

Ванная комната выглядит жутко. Раковина залита кровью, из крана льется прозрачная струйка, в сток уходит розоватый коктейль. На бледном кафеле красные потеки, коврик под ногами безнадежно испорчен. Бледный как бумага Кронекер сидит на краю ванны и неумело бинтует правое предплечье. Механический сустав в левом локте сковывает движения, перевязка получается слабой, сквозь серую ткань проступает красное пятно.

Последний узел нехотя затянулся, кровотечение остановилось. Марк протянул руку к крану, плеснул в лицо холодной водой. Извлечение прошло тяжело. Резать себя покалеченной рукой под слабым наркотиком оказалось сложнее, чем он ожидал. На полу осталось много крови. Во время операции Кронекер едва не потерял сознание, но всё же довел дело до конца — в окровавленном платке лежала микросхема с десятком блестящих крючков-ножек и сантиметровым жалом антенны. Скоро служба безопасности концентратора потеряет беглеца.

Целая рука скомкала платок и бросила в унитаз. Скрипнула педаль, и маячок исчез в водовороте. Пусть теперь ищут. Самоуверенные кретины, они просчитались второй раз. Стандартные меры контроля рассчитаны на нормального человека с инстинктом самосохранения. Они крепко держат послушного гражданина — трусливого обывателя, которому есть, что терять. Другое дело с полуживым психом, стертым из жизни.

Марк поднялся на ноги. Голова пошла кругом, перед глазами проступили пятна, но бывший доктор знал цену подлым симптомам. Поздно шадить себя, война уже началась. Теперь важно выиграть время, быстро исчезнуть из старой квартиры, ведь простые оперативные методы никто не отменял.

Кронекер вернулся на кухню, сложил пенал с хирургическим набором. Камуфляжный комбинезон оказался практичным — в нагрудные карманы поместилась ещё пара мелочей, в складках на поясе потерялась банка консервов и плитка сухого рациона. Маленький тайник в стене оказался пуст — обыск провели основательно, придется обойтись без оружия.

За спиной послышались шаги. Пустышка-Кэт прошла к плите, поставила чайник, на конфорке вспыхнул голубоватый цветок. Катрин даже не смотрела на странного гостя. У бесстрастного Кронекера внутри всё сжалось. Её походка казалась тяжелой, взгляд — бессмысленным. Грубая коррекция, или попросту «промывка мозгов», уничтожает часть рефлексов, повреждает мгновенную память. От любимой осталась только пустая оболочка. Это его вина. Кто-то за это ответит!

Марк притянул девушку, обнял за плечи. Кэт неуверенно зашевелилась, в глазах мелькнул испуг — она так и не вспомнила. Глупый порыв, пустая нежность. Руки разжались, Марк вышел из кухни, тяжелые ботинки захрустели по осколкам в коридоре. Проходя мимо спальни, он заметил, как мужчина-пустышка наводит порядок в комнате, собирает с пола какие-то бумаги. Должно быть, его вытерли больше года назад, раз сумел вновь научиться читать и писать. С ним Кэт адаптируется, в секторе появится ещё одна тихая семья. Закрывая дверь, Марк почувствовал отвращение. Лучше истечь кровью в ванной, чем сохранить такую жизнь. Придется зашить в воротник верный цианид.

По темному времени суток площадка перед подъездом была пустой. Единственный фонарь освещал подходы к мусорным бакам. Ночью жизнь в спальнях сектора Кольца замирала — личный транспорт в черте Полиса запрещен, а гулять по тёмным улицам

простые граждане не рисковали. За спиной лязгнул дверной магнит, Кронекер втянул прохладный воздух и зашагал к узкой дорожке между корпусами.

Вдалеке слышался приглушенный рокот и шорох колес. Марк не успел пройти и сотни шагов, когда услышал позади скрип тормозов. У подъезда остановился темный фургон. Широкая створка отъехала, наружу выскочили трое бойцов в серо-стальной униформе. Один остался у машины, двое синхронно поправили оружие на ремнях и зашагали к двери. Кодовый замок жалобно пискнул, и парочка скрылась в подъезде.

К счастью, фонари вокруг соседнего комплекса работали через один. Кронекер укрылся за угловатым выступом здания. Оставшийся оперативник внимательно вглядывался в ночь. Марк знал, это не напускная бдительность. Стимулятор ночного зрения сильно расширяет способности, но бритоголовый боец тоже человек и охватить вниманием всю улицу не способен. Хотя окно над головой оставалось темным, беглец знал, переждать здесь не получится. Уловив момент, он согнулся пополам и вынырнул из укрытия. Дорожка вдоль стены оказалась чистой, жесткие ботинки наступали почти бесшумно. Маневр удался.

С каждым шагом нарастало беспокойство. Если за дело взялась служба безопасности корпорации, ожидать можно всего. Оцепление сектора им не под силу, но такая скорость и решительность вызывали опасения. Со времени побега прошло чуть больше часа, а оперативные группы уже работают по месту. Много шума для простого подопытного, но для бывшего заведующего лабораторией в самый раз.

За последние десятилетия корпорация «Лик» стала крупнейшей неправительственной организацией в стране. На всех уровнях проникшая в государственные структуры, она имела филиалы в девяти полисах, контролировала производственные мощности регионов, занималась разработкой передовых технологий. Существовало мнение, что Совет федерации — прикрытие совета директоров, очередной успешный проект. Но даже прагматичные политики, отбрасывая нелепые теории заговоров и крики о тотальном поглощении, признавали, что Лик имела значительный вес и вмешивалась во все сферы жизни. За годы, проведенные в исследовательских структурах, Кронекер стал доверенным лицом, частью чудовищного механизма. Важной, но вполне заменимой. Чтобы перехватить у него руководство глобальным проектом, организовали целую аварию. Единственная глупость — оставили в живых, пусть ненадолго, на правах подопытной крысы. Но Марк подозревал, что ошибку скоро исправят.

Спальный район молчал. Кронекер выбирался пустыми дворами и темными переулками. О том, чтобы выйти на центральные улицы не могло быть и речи, их перекрывают в первую очередь. Редкий ночной транспорт, магазины и аптеки тоже под контролем. К счастью, патрульно-постовая служба никогда не славилась организованностью. Сейчас ориентировки расходятся по отделениям, сонные стражи порядка отрывают задницы от насиженных мест, шнуруют сапоги.

После получасового блуждания вдоль темных корпусов и незнакомых проспектов Кронекер вышел на мощеную аллею. Здесь сохранилась сотня метров старого бульвара. По обе стороны чернели клочки земли — остатки клумб. Тусклый фонарь вдалеке освещал угловатую скульптуру. Марк осмотрелся и зашагал по фигурной плитке. Слева и справа над дорожкой нависали силуэты высотных зданий, на уровне десятого этажа горели несколько окон. В тени стеклобетонных гигантов выжили пара чахлах деревьев — редкость даже в Кольце. На какое-то время беглец потерял бдительность.

В стороне что-то мелькнуло, боковое зрение отметило лишнюю тень. Внутри

шевелился страх. Марк быстро осмотрелся в поисках укрытия, но бежать не успел. Со всех сторон слышались глухие шаги. Затравленно озираясь, Кронекер искал путь к отступлению. Окружавших оказалось не больше десяти, но действовали они слаженно, в кольцо не нашлось разрыва. Привыкшие к темноте глаза выхватывали детали одежды. Шитые под кожу, черные куртки из обрезков, тертая ткань в духе древней джинсы, высокие ботинки. Марк ожидал увидеть тёмно-синие комбинезоны патруля, но легче не стало. Посреди ночи попасть на сходку агрессивных неформалов едва ли безопаснее.

Скрипнула кожа, вперед вышел лидер — двухметровый мусорный панк в длинном прорезиненном плаще. Половина черепа выбрита, остатки волос в масле, на левой щеке причудливая дуга ветвистого шрама. Он явно признал камуфляжный костюм и армейские ботинки Марка — униформу силовиков корпорации знали везде. Глухо шелестя звеньями, из рукава потянулась толстая цепь. Холодея от страха, Марк отступил на шаг. Сзади кто-то зашипел, один из бойцов оскалится. Бить в спину или бросаться толпой они не станут, просто не дадут бежать. Право первого удара за лидером.

— Стойте... — от волнения голос хрипел. — Я не из служебной.

Говорить с ним никто не собирался. Поигрывая метровой цепью, предводитель подходил ближе. Отступив последний раз, Кронекер почувствовал чужое дыхание, кожей ощутил ненависть. Ещё секунда, и стремительный металл оборвет тяжёлую ночь. В отчаянии Кронекер рванул правый рукав. В тусклом свете показалась окровавленная повязка. Грозный неформал замер. На лице мелькнуло недоумение, но он быстро овладел собой. Указывая на запястье, спросил:

— Кто? — Голос оказался низким, тяжелым.

Кронекер непонимающе уставился на верзилу.

— Кто вскрывал? — повторил медленнее.

— Сам, — выдохнул Марк. — Я хирург.

Панк повел головой, во взгляде скользнуло уважение.

— Веер, — осторожно пожал бинтованную руку.

— Марк...

— Никаких имен, — голос не терпел возражений. — Будешь... Доктор.

Послышался рокот двигателя, в стороне от аллеи взвыли тормоза. Мрачные неформалы переменились в лицах — уже не ночные хищники, а просто испуганные люди. Раздался хлопок, на крышах мощных фургонов вспыхнули батареи прожекторов, площадку затопил яркий свет. Тишину вокруг заполнил глухой топот.

— Бегом! — взревел Веер.

Люди бросилась врассыпную. Вокруг замелькали тёмно-синие комбинезоны, загремели сапоги. Бойцы группы быстрого реагирования пытались сомкнуть цепь. В темноте слышались удары, звуки столкновения. Ослепленный и испуганный Кронекер замер, не в силах пошевелиться. Помог Веер. Крепкая рука схватила за плечо и потащила в сторону. Они не пробежали и десяти шагов, когда наперерез выскочил боец в форме. К счастью, он сам не ожидал столкновения, или не рассмотрел беглецов сквозь шлем-маску. Рука с дубинкой замахнулась, но Веер оказался быстрее. В воздухе мелькнула цепь, от мощного удара пластиковое забрало расколосось, боец полетел на землю. Переступив через тело, панк рванул дальше. Марк последовал за ним.

За пару минут дикой гонки по ночному городу Кронекер окончательно выбился из сил. Они пробежали лишь несколько кварталов, но легкие уже хрипели от нагрузки, ноги

подкашивались, во рту появился металлический привкус. Ослабленный организм за эту ночь отдал всё. Длинноногий Веер, напротив, казался неутомимым. Тяжелые сапоги и неудобный плащ его не смущали. Шумно выдыхая на бегу, он невозмутимо гремел цепью, словно не знал усталости. Марк понимал, как важно уйти из района до оцепления и держался в таком темпе ещё минуту. Но скоро боль в боку стала невыносимой, он начал отставать.

— Стой... — Ботинок застрял о выкрошенную плитку, Марк привалился в стене.

Веер сбавил шаг, оглянулся.

— Док, ты чего?

— Я не в лучшей форме. — Не отпуская стену, Марк догнал спутника.

— Вижу. — Веер присмотрелся внимательней. — Ты откуда такой свежий?

— Здесь недалеко... — Кронекер замялся, — концентратор.

Веер переменялся в лице, сгрёб Марка под воротник.

— Ты чё несешь? Оттуда не выходят!

Вдалеке завывала сирена, раскатистое эхо прокатилось по крышам домов. Веер затих, вслушиваясь в тревожный зов. Марк опомнился первым:

— Гражданская. Район закрывают.

— Не гони. Разовая стычка, слишком жирно для нас... — Веер выглядел растерянным.

— Это не за вами.

— А за кем?!

Кронекер усмехнулся. Приятно осознавать, что весь хоровод вокруг тебя. Вытертый из жизни полуживой калека с потерей крови и частичной амнезией — угроза. Жаль, ненадолго. Корпорация не забывает своих гениев. Руки рванули воротник, хрустнули застёжки, комбинезон на груди разошелся. Между ключицами показался край татуировки. Присаженную чернилами кожу пронизывали тысячи тончайших углеродных нитей. Жуткое плетение из плоти и карбида образовывало рисунок — стальное лицо-маску над полисом. Кожа вокруг казалась прозрачной, просматривалась темная сетка сосудов. Печать совета — пожизненное клеймо. Её носят лишь избранные.

Веер подобрался, рука потянулась к цепи на поясе.

— Не глупи. — Марк стал прежним, проснулась воля, остыл рассудок. — Я бежал из приемника, вырезал метку. Ориентировки на меня ушли по всем местным постам. Похоже на честного сотрудника и лояльного гражданина?

— Отторжение... — выдохнул Веер.

— Называй, как хочешь. Я тебя не видел, ты меня тоже. Бывай. — Марк повернулся, чтобы уйти.

— Стой. Куда ты? Если оцепят район, даже я не уйду.

— Нужно вернуться на станцию.

— Поезда проверяют в первую очередь... — Веер почему-то озаботился судьбой спутника. — Возьмут, как маленького.

— Мне вещи из камеры надо забрать. Потом вдоль путей, а дальше... посмотрим. — Скрипнула подошва, Марк зашагал прочь.

Ещё пару секунд мрачный панк колебался, но скоро тяжелые сапоги загремели по тротуару, и Веер догнал спутника. Кронекер не стал спрашивать. Слишком бурно проходила ночь, он опасался, что у нового друга тоже всё осталось на уровне смутных ощущений. Значит, лучше пока не разбираться. Сейчас нужна любая помощь.

Ночной воздух казался чистым. Порывы душного ветра несли знакомый запах гари,

скорее напоминание, чем ядовитый смог. Сектора у внешнего периметра находятся далеко от основных промышленных гигантов. Беглецы выбрались из жилых кварталов с их узкими улицами и электрическим светом. Впереди начинался брошенный пустырь — двухсотметровая полоса вдоль магнитной трассы. Вереница огней на опорах стала единственным источником света. Тусклые и одинокие, она казались чем-то знакомым. Марк присмотрелся к ночному небу — ничего. Свет далеких звезд не может проникнуть сквозь газовую завесу. Только бледная луна ещё пытается пробить тяжелое облако.

Лента магнитного полотна пронизывает весь район. Открытый бетонный коридор тянется сквозь жилое кольцо и закрытую санитарную зону к огромной транспортной развязке в сердце Полиса. В теории, полотно — прямой путь в любой район. На периферии его даже не контролируют силовые службы. Но выйти из города по ровной электротрассе невозможно. Ступить на гладкую поверхность, значит мгновенно обуглиться под высоким напряжением. Чудовищной мощности магнитные поля быстро выжигают любую растительность в десятке метров вдоль путей. Жители ближайших кварталов тоже чувствуют влияние жестких электромагнитных излучений. Никто в здравом уме и близко не подойдет к такой дороге. Как всегда, расчет оказался на человека нормального, с инстинктом самосохранения.

Тяжело дыша и отдуваясь, Марк забрался на невысокую насыпь, подошел к бетонному парапету. Застежки на рукавах ожили, в кармане шевельнулась жестяная банка. Марк прощупал одежду, выпотрошил хирургический набор. Все металлическое полетело назад в темноту. Рядом зашевелился Веер.

— Ты туда лезть собрался?

— Собрался, — Кронекер прохлопал нагрудные карманы. — Снимай железо.

— Как? — Веер осмотрел свой наряд, в глазах мелькнул детский испуг.

— Так, — вздохнул Марк. — Мимо постов пойдём. Бросай всё здесь, пожалеешь заклепку — утянет на полотно.

Грозный неформал стал раздеваться. На землю посыпался железный лом: ржавые наручи, шипованный ошейник, декоративные цепи и кольца. Сапоги, к счастью, оказались без набоек, плотный плащ без болтов. Когда очередь дошла до тяжелой боевой цепи, Веер уперся:

— Возьму. Куда без неё?

Кронекер молча подобрал один из литых перстней и бросил в сторону колеи. В полете увесистое кольцо резко сменило траекторию, пулей ударило в гладкую поверхность путей. Раздался треск, место удара взорвалось искрами, обугленный перстень срикошетил от стены и исчез в темноте по другую сторону туннеля. В тишине проявился гул намагниченных элементов полотна.

— Хочешь так же? — Марк остался невозмутим.

— Псих... — выдохнул Веер.

Спустя пару минут разоружённый панк осторожно перелез через парапет и последовал за Марком. Между опорами и краем полотна тянулась узкая дорожка для ремонтников. Высокий бордюр и плафоны осветителей не давали развернуться в плечах, но Веер не сказал ни слова — был слишком сосредоточен на том, чтобы не оступиться.

Кронекер шел увереннее, астеническое телосложение впервые вышло плюсом, но для него дорога оказалась сложнее. Механический сустав в левом локте подрагивал при каждом шаге. Хирургическая сталь не лучший магнетик, но руку ощутимо тянуло в сторону. Чтобы

держат равновесие, приходилось прижиматься плечом к парапету. Печать на груди быстро нагрелась. Марк чувствовал, как карбидные волокна пощипывают кожу, заряжаясь в магнитном поле. Легкая прогулка вдоль путей оказалась серьезным испытанием.

Спустя четверть часа беглецы добрались до моста. В отличие от дорожных эстакад, инженерное чудо не было предназначено для колесного транспорта, а тем более пеших переходов. Под ногами поплыли огни — мост повис в сорока метрах над грузовой магистралью. Конструкция из длинных опор, схваченная паутиной стальных тросов, напомнила детский конструктор: огромный, нелепый, с растерявшимися деталями. Мысленно проклиная строителей, Кронекер с трудом переставлял ноги по узкой балке над пропастью. В паре метров за спиной чертыхался Веер.

Когда до противоположного края осталось меньше половины, Марк отметил лишний звук. Над далеким шумом транспорта поднимался знакомый гул. Внутри всё сжалось, в памяти вспыхнул обрывок вокзального расписания — отметка про ночной экспресс. Опоры под ногами завибрировали. Показалось, что мост ожил и сейчас встряхнется, как огромный зверь.

— Веер, стой... — Голос дрогнул. — Цепляйся с другой стороны!

— Чего? — Неформал тоже почувствовал опасность.

— Делай, как я!

Кронекер обхватил балку и стал обходить с внешней стороны. Ботинки заскользили по узкому козырьку. Под ногами показалась сорокаметровая пропасть, мрачный асфальт на дне. Руки судорожно вцепились в опору. Нарастающий гул подавил все звуки. Веер понял маневр и переполз на обратную сторону конструкции. Спустя пару секунд воздух вспорол тяжелый вой, через мост полетел сверхзвуковой маглев. Ударная волна рванула в стороны от стальной стрелы. Между деталями моста свернулись мощные пыльные воронки, беглецов потянуло внутрь. Марк почувствовал, как сползают по металлу руки, как чудовищный вихрь тянет за край.

Закончилось всё мгновенно. Даже в черте города магнитные поезда ходят на бешенных скоростях. Пролететь мост — дело нескольких секунд. Судорожно переставляя ноги, Кронекер выбрался внутрь моста, привалился к узкой опоре. Тело терзала нервная дрожь. Рядом на узкую дорожку вполз Веер, воздушный поток чуть не сбросил его вниз. Грозный неформал остался тих и собран. Только мертвая бледность выдавала настроение.

Остаток пути прошел в молчании. После получасового перехода впереди показались огни станции. Когда-то здесь был обычный пригородный вокзал. После расширения Полиса вместо железнодорожных путей проложили магнитные магистрали, но старое здание и замусоренный пирон упрямо хранили дух старой «железки». Поезд давно ушел, но на площадке остались люди — наряд транспортной полиции деловито потрошил вещи нескольких пассажиров.

— Исполнительные... — Веер проглотил ругательство.

— Остатки гнилой системы, — обронил Марк. — А ведь у меня почти вышло...

Пользуясь режимом усиленного дежурства, оперативники почти раздевали приезжих. Несколько перекупщиков попали под досмотр с изъятием. Самый шумный уже лежал носом в землю, за спиной запястья стягивала пластиковая петля.

Крайний фонарь над полотном моргнул, подгоревшая лампа вспыхнула последний раз и потухла. Под прикрытием темноты Кронекер выбрался на высокий пирон и быстро зашагал к дверям вокзала. Предосторожности оказались лишними, стражи порядка были слишком

заняты, чтобы заметить лишнего пассажира. Веер остался возле путей. С его внешностью попадаться на глаза силовикам — плохая затея. Марк быстро пересек открытую площадку и незамеченный нырнул в приоткрытые створки.

На первом этаже вокзала царит полумрак. У входа грустит пара шкафов с газировкой, тускло светится красный логотип популярнейшего в мире средства от диареи. На потолке подрагивают люминесцентные трубки, по унылым стенам мелькают испуганные тени. В просторном зале никого, окошко справочной закрыто.

Гулкое эхо шагов покатило по тертой половой плитке, Марк миновал лестницу наверх, вышел в зал ожидания, а дальше в камеру хранения.

Просторное помещение, заставленное рядами битых шкафов-ячеек, сохранило свои функции в век информации и со скрипом вступило в эпоху постпрогресса. Древние механические замки за полсотни лет не изменили конструкции. Кронекер прошел между стройными шеренгами, остановился у крайнего шкафа. В тишине захрустела изношенная механика шифрованного запора. Даже спустя годы память крепко держала головоломный код. Марк всегда был параноиком. За два десятилетия психоневрологических исследований, секретных проектов и жутких экспериментов над людьми он глубоко погрузился в мир Корпорации. Много лет назад сквозь паранойю пробилась здравая мысль: рано или поздно его сочтут опасным. И тогда... «отчуждение», как выразился Веер. Чтобы унять страх, доктор готовил смешные пути отступления, продумывал планы побега. Ячейка с неприкасаемым запасом была частью одного из них.

Выставляя шифр, Марк даже позволил себе улыбнуться — обострение старой фобии теперь спасало ему жизнь. Вскоре механика поддалась, щелкнул запор, и дверца со скрипом открылась. Марк запустил руку внутрь, на свет показался объемный черный рюкзак. Не заглядывая внутрь, Кронекер прикинул его вес и бросил за плечо. Теперь можно уходить.

Обостренный слух уловил в тишине лишний звук. Кронекер обернулся на едва слышный скрип, взгляд метнулся к потолку. В темном углу повис серый пластиковый шарик — электронный глазок камеры. Тихий шорох кинематики повторился, зоркая оптика настроилась на посетителя. Грубая ошибка! Рюкзак взлетел на спину, дверца лязгнула о шкаф, Марк почти бегом направился к выходу. Камера хранения осталась позади, глазам открылась комната ожидания — пока ещё пустая. Ряды тертых кресел рванулись навстречу. Запинаясь о мебель, беглец пересек помещение. Когда впереди показался пустой зал, Марк немного опешил. Неужели служба безопасности настолько расслабилась? Редкая удача. До высоких дверей в сектор три десятка шагов, а дальше пусть ищут среди темных переулков и подворотен. А Веер справится сам. Жесткие ботинки захлопали к выходу. Не сбавляя шаг, Марк уже прикидывал, куда податься дальше.

В стороне зашуршала одежда, послышался шумный выдох, над полом пролетела черная тень. Марк успел повернуться на звук и сразу получил хлесткий удар под колено. Мышцы сковала боль, тяжелый резиновый кий отлетел в сторону, беглец повалился на землю. Удача заканчивается. Везение не ресурс, но имеет предел. Для этой ночи он достигнут.

Рядом послышались неторопливые шаги, в стороне кто-то выругался. Левая нога почти отнялась. Марк заворочался, пытаясь встать. Перед лицом остановились шнурованные армейские ботинки. Над бывшим доктором остановился боец в темно-синей форме ППС. Его напарник в паре шагов подобрал оружие. Щелкнула балансная ручка, увесистый «шмель» сложился в обычную дубинку.

— Только по левой попал. — Первый боец ткнул Марка сапогом.

— И чё? — Второй, по нашивке сержант, вернул дубинку на пояс. — Лежит красиво? Гони мелочь!

— Ладно, подавись. — Зазвенели жетоны. — Хоть сигарет себе купишь, стрелок.

— Ага... давай, подхватили. Глянем, кто тут у нас.

Кронекер понял, что попал случайно. Патрульные не знали о побеге, или ещё не сообразили, кто он. А грубый спор затеяли просто со скуки. Хрустнула ткань, сильные руки вздернули Марка на ноги. Притворялся немощным и испуганным почти не пришлось — после ночной прогулки Марк выглядел паршиво. Не говоря ни слова, бойцы потащили «подозрительного гражданина» к маленькой двери на внутренний пост. Дальше последует короткий допрос и досмотр вещей. Всё согласно инструкции, «для предотвращения» и «в целях поддержания».

Неприметная железная дверца находилась в нескольких шагах от выхода на платформу. Сержант привычно пнул створку, скрипнули петли, открылся проход в тёмную коморку. Марк успел заметить прибитую к полу лавку и мерцающий экран терминала на столе, когда рядом зашипела рация. Старший ослабил хватку, наклонился к динамику на плече:

— Внутренний на связи. Платформа, что у вас? Приём

— Платформа девять, внутренний... — донеслось сквозь помехи. — У-ух мать! Токарев, двигайте сюда, тут какой-то псих!

— Понял, иду.

Сержант бросил взгляд на Марка и, видимо, не признал в нем грозного бойца, способного сопротивляться. Задержанный выглядел на редкость паршиво.

— Начинай без меня, — бросил молодому. — Пойду, гляну, что там у этих паникеров.

Спустя мгновение хлопнула дверь на станцию, и Кронекер остался со стажером. В голове пробежал десяток безумных сценариев. Не забывая играть немощного и обреченного, бывший доктор поглядывал по сторонам, панически искал выход. Старательный страж порядка перетащил Марка через порог, после чего чуть ослабил хватку. Задержанный запнулся о стол и упал. Грязноватая кружка с остатками кофе загремела под лавку, на пол посыпался разный хлам. Стажер тихо сматерился, тяжёлый сапог заехал Марку по спине. Сильно играть не пришлось, удар оказался жёстким — Кронекер покатился по липкому полу, вытирая рукавами лужу. Тонкий стилус от планшета спрятался в ладонь.

Молодой боец ничего не заметил. Он уже чувствовал себя хозяином положения, могучим стражем, очищающим мир от недостойных человеческих отбросов. Сильные руки вцепились в комбинезон, рывком поставили доктора на ноги. Мелькнул занесенный кулак, но Кронекер неожиданно шагнул вплотную, уходя от удара, и обнял противника за шею. В свободной руке мелькнул блестящий стержень. Стажер попытался сорвать захват, но через секунду острый стилус ударил в мягкую ямку под ухом.

Короткий крик отразился от стен, за воротник потекла кровь. Легким толчком Кронекер бросил обмякшего противника на пол. Тот потерял сознание. После пробуждения его ждет жесткий болевой шок. Вытирая липкую ладонь, Марк вспоминал страницы учебного пособия. Кто бы мог подумать, что в критический момент спасут познания в анатомии?

Считая драгоценные секунды, Марк проверял карманы патрульного. На поиск и перекодировку табельного оружия нет времени. В наплечной кобуре нашлась заряженная травматика. Короткая рукоять легла в ладонь, щелкнул предохранитель, обрезанный ствол на три патрона спрятался в набедренный карман.

Рюкзак вернулся на спину, Кронекер прекратил обыск и перешагнул через тело. Скрипнули петли, за дверью открылся пустой центральный зал. Марк быстро осмотрелся и спешно зашагал к выходу в город. Гулкое эхо заметалось между стенами, в углу мигнул автомат с газировкой — ночной вокзал молча наблюдал за случайным гостем. Дойдя до середины зала, Марк остановился. В голове мелькнула жуткая догадка — поблизости есть только один «какой-то псих», который рискнет связаться с дорожным патрулем. Первый порыв — бежать, подчинившись разумному «не мои проблемы», уперся в глухой принцип. Кронекер не признавал долги. Грозный неформал едва не покалечил его, но потом вытащил из кольца облавы. Против здравого смысла стало детское упрямство. Постепенно закипая от сознания собственной глупости, Марк вернулся к двери на станцию. Тяжелая створка получила злостный пинок и распахнулась наружу.

На перроне разыгралась настоящая битва. У края платформы под единственным фонарем четверо патрульных пытались окружить мусорного неформала. Двухметровый панк бодро отмахивался от стражей порядка ржавым железнодорожным костылем — наследием старой «железки». Один из бойцов уже лежал на земле, прижимая перебитую руку. Видимо, это внушило остальным долю уважения. Трое с короткими полицейскими дубинками теснили Веера к краю платформы, четвертый боец судорожно щелкал затвором транквилизатора.

Не дожидаясь приветствия, Кронекер вскинул короткую «Осу». Один за другим в воздух ударили три хлопка. Трое патрульных осели на землю, сраженные жесткими резиновыми пулями. Последний боец резко обернулся, в тусклом свете блеснул ствол, но Веер оказался быстрее. Немыслимым прыжком преодолев пару метров от края платформы, он опустил тяжелый костыль на затылок противника. Марк ещё несколько секунд оглядывался по сторонам, размахивая пустой травматикой, прежде чем понял, за кем осталось поле.

— Нормально стреляешь, Док! — Веер прижал перчаткой рассеченную бровь — теперь к затейливому шраму на щеке добавится ещё один.

— Бросить бы тебя, — буркнул Марк. — Зачем ты влез? Я почти ушел.

— Зачем... эти уроды людей раздевали.

— Эти же люди твой портрет им нарисуют, — продолжал Марк. — Сейчас тут опергруппа будет. Куда нам теперь?

— Туда. — Веер усмехнулся и ткнул пальцем в темноту путей.

— Куда «туда»? — Марк начинал нервничать.

Ответ пришел через несколько секунд с ровным гулом магнитного полотна. В темноте показались огни, проявился далекий силуэт. Марк ещё несколько секунд вглядывался в темноту, пока вспомнил порядок движения ночных экспрессов. За скоростным маглевом плелась техническая платформа — короткий вагон для чистки путей и проверки магнитных элементов. Такие курсируют между станциями по ночам, когда магистраль разгружена. Единственная сложность — они не останавливаются и на пассажиров не рассчитаны.

— Ты серьезно? — Марк напрочь растерял боевой настрой, прикидывая риск.

— Есть варианты? — Веер откровенно веселился.

— Нет, но...

— Вот! — Боец поднял указательный палец. — Иди сюда.

Тяжелый гул нарастал, сигнальные огни неслись навстречу. Слишком быстро для безопасной посадки, в самый раз для отчаянного прыжка. Когда платформа показалась совсем близко, Веер сгреб Кронекера в охапку и выкрикнул сквозь шум:

— На счет «три»!

— Куда?

— Три! — И пригнул.

Оба влетели в открытый кузов. Безумный рывок перешел в дурацкое падение. Едва коснувшись платформы, Марк покатился к краю, сбитый встречным движением. К счастью, одинокий вагон мало отличался от древних предшественников — технических трамваев. Всё свободное место оказалось завалено металлоломом и громоздкими запчастями. Угловатый корпус воздушного компрессора появился как раз вовремя. Ребра заняли от жесткого удара, но падение остановилось. Выглянув за борт, Марк понял — стоило прогадать парой метров, и на путях сейчас дымились бы две горстки пепла.

Когда первый шок миновал, Кронекер отметил новое чувство: каждый волос на тело ожил, по коже побежали бодрящие волны, осязание обострилось до предела. Казалось, воздух стал упругим от накопленного заряда. Доктор мысленно поблагодарил неведомых хирургов, что остригли его налысо перед операцией. Рядом осторожно поднялся Веер. Растительность на небритой половине черепа взбунтовалась. Несмотря на масло, жирные волосы встали дыбом, панк стал похож на припаленный веник. Марк заметил его озадаченное лицо и едва не закашлялся. Легкие судорожно выталкивали воздух, вспоминая необычный прием. Первый раз за много месяцев Кронекер смеялся. Перепуганный чиж тоже оценил себя и захохотал.

Марк понимал, уехать от силовиков на техплатформе, всё равно, что сесть в лифт и скрыться в неизвестном направлении. Для диспетчера на посту перехватить контроль автоматики и отключить электропривод — дело двух минут. Но потрепанный вагон всё же отвез беглецов на пару километров от станции. Дальше командование принял Веер. Не дожидаясь полной остановки, он спрыгнул с платформы и покатился по насыпи. Марк последовал его примеру.

В сотне метров от дороги нашелся бетонный островок с зарешеченным окном стока. Здесь заканчивалась тупиковая ветвь городского коллектора. Веер перехватил удобнее прихваченный со станции костыль и резко вогнал его под основание решетки. Брызнула каменная крошка, один из прутьев закрипел, прогибаясь под давлением. Веер упер костыль на манер рычага и навалился всем весом. Послышался сухой хруст, тяжелое окно выскочило из бетонной оправы. Легким движением Веер подвинул его в сторону. Наблюдая за спутником, Марк начал подозревать, что рослый неформал делает это не впервые.

— Добро пожаловать! — Веер театральным жестом указал на тёмный провал.

— Уверен? — Марк явно не разделял энтузиазма.

— Уверен. — Панк взмахнул рукой, гнутый костыль полетел в темноту. — Хватит на сегодня. Первый раз за месяц выбрался на поверхность, — пальцы коснулись рассеченной брови, — и сразу такой праздник.

Кронекер решил ничего пока не выяснять. Ночь сложилась слишком бурно, он боялся, что новая порция информации переполнит чашу. Из рюкзака появился старый диодный фонарь, темноту вспорол бледный луч. Не ожидая приглашения, беглецы быстро спустились в тёмный провал. Ночной воздух сменился гнилыми испарениями, под ногами захлюпала липкая грязь. Перед уходом Веер подтянул на место выбитое окно.

Следующий час потерялся в лабиринте узких коридоров и липких стен. Марк быстро потерял направление среди одинаковых тоннелей и перемычек, но Веер продолжал идти, каждый раз уверенно сворачивая на развилках. Способностей к ориентированию у Марка

хватило лишь понять, что подземные коммуникации вывели их за пределы сектора.

Когда после очередного поворота впереди показалась лестница, Кронекер даже споткнулся от неожиданности. Переутомленное тело ответило болью в мышцах, голова пошла кругом. Марку показалось, он теряет сознание, но страх упасть в паре метров от выхода заставил собраться. Рука оперлась о стену, непослушные ноги сделали несколько шагов.

— Давай, Док. Уже недалеко.

Веер тоже выглядел уставшим, но ещё сохранял боевой настрой. Полы тяжелого плаща метнулись в стороны, хлипкие перекладки закрипели под сапогами. Скоро сверху послышался глухой лязг, крышка люка откинулась вверх, в подземелье ворвался прохладный ночной воздух. Веер быстро выбрался наружу, затем помог спутнику. Оказавшись на поверхности, Марк несколько раз шумно вдохнул, духота и затхлость коллектора отступили.

Снаружи оказалось светлее. Ночь подходила к концу, на востоке проявилась бледная полоса. Марк завертел головой, пытаясь узнать местность. В десяти шагах проступили очертания пузатых цистерн, ребра худых лестниц. Привыкшие к темноте глаза различили подъездную дорогу, высокий навес, два ряда газовых колонок — бетонная площадка коллектора примыкала к заправочной станции. В полусотне метров показались борты городской трассы, вдалеке силуэты многоэтажных корпусов, въезд в микрорайон.

Внутри шевельнулось тревожное чувство. Окружающий пейзаж казался чужим, неестественным даже для ночного Кольца. Кронекер осмотрелся внимательней и понял — вокруг нет ни одного огня. Молчат фонари вдоль трассы, сереет мертвым пластиком эмблема заправки. Многоэтажные корпуса смотрят черными провалами окон. «Так не бывает», — мелькнуло детское недоумение. Даже ночью огромный мегаполис не погружается во тьму до конца. Но привычный электрический свет оставил эти места. Постепенно внимание отметило другие детали. Дорога пустует, словно по широкому полотну никогда не ходил транспорт. Старый асфальт рассекают трещины, кое-где сквозь покрытие пробивается чахлая трава. Ни людей, ни машин. Незнакомый район завернут в тишину.

— Знакомые места? — мрачно ухмыльнулся Веер.

— Более чем...

Городская зона отчуждения — мертвое кольцо вокруг центра полиса, километры расселённых районов и закрытых территорий. «Санитарная зона» для простых граждан, испытательный полигон для Корпорации, жуткое напоминание для немногих посвящённых. Беглецы пересекли внутренний Периметр под землей.

Веер хлопнул спутника по плечу и зашагал в сторону трассы. Он легче справлялся с гнетущей атмосферой, а может, просто не знал, что творилось здесь двадцать лет назад. Стряхнув оцепенение, Марк поправил сумку на плече и зашагал следом. Ботинки застучали о старый асфальт. Шумный неформал не обманул — через пару сот метров показалась развилка, дорожные ограждения потянулись в сторону. Скоро впереди показался забор — вкопанные в землю бетонные секции. Присмотревшись, Марк различил наверху кольца колючей проволоки.

Веер шел уверенно, почти не смотрел по сторонам. Даже в полутьме он не боялся потерять знакомую дорогу. Задержался только у широких ворот на территорию военной части. Одна из створок сидела в земле, другая чуть накренилась наружу, оставляя узкую щель. В нее и проскользнул рослый панк. Кронекер на мгновение остановился, по коже

пробежал холодок.

«41/2», — различалось на облупившейся краске. Внутренние войска. В памяти вспыхнул обрывок фотоотчета. Весь личный состав бросили на оцепление в первую же ночь аварии. Многих бойцов Кронекер видел потом в своем отделении: тяжёлые психозы, эпилептические припадки, расслоения сетчатки, кровоизлияния в мозг. «Расходный материал», — думалось тогда.

Из-за ворот послышался оклик, Марк поспешил за проводником. Внутри часть выглядела вполне стандартно: широкий плац, ряды казарменных боксов и гаражей, пара административных зданий. Возле ворот грустил потрепанный потомок ЗИЛа — подвижная станция техобслуживания. Ржавые потеки, мятые борта, пустые колеса — автомобиль оставили здесь ещё после эвакуации. Веер успел пересечь плац и стоял у неприметного бетонного короба. Только подобравшись ближе, Марк заметил врастающие в землю мощные плиты. Грубые ступени и тесный переходник были только входом. Толстые своды бомбоубежища уходили глубоко под землю. Такие укрепления достраивались ко всем важным объектам. Как показывала история, ядерный щит любого государства слишком легко превращается в ядерный меч.

— Давай активней, — торопил Веер. Развязанный неформал отчего-то стал беспокойным.

Под ногами застучали ступени, впереди показалась мощная стальная дверь. Шероховатую поверхность покрывал слой ржавчины, но Кронекер был уверен, под ним сантиметры прочнейшего сплава. Веер стал на колени, осветил фонариком — в серую плиту оказался вмурован древний терминал. Пальцы забегали по железным кнопкам, рядом затрещал микрофон.

— Основа, не спать. Батяка вернулся.

— Основа... — голос потонул в скрипе динамика. — Вход по допуску. Назовитесь.

— Герт, достал уже. Это Веер. Я не один. Запускай, помощь нужна.

— Кто там с тобой? — Голос в динамике чуть подобрел.

— Гости, блин! Открывай! — Веер терял терпение.

Лязгнули тяжелые запоры, зашуршала старая механика, тяжелая створка медленно поползла в сторону. Темноту прорезала полоса света, Марк прикрыл глаза ладонью.

— Home, sweet home... — устало пробурчал панк.

Глава 6 Надрыв

Мощеная улица засыпана мусором и осколками стекла. У обочины догорает пожарная машина, дымятся разбросанные покрышки и битая мебель — обломки баррикады. Уличные беспорядки и столкновения с силовиками интересны на экране телевизора. На деле это грязно и страшно. Пахнет гарью и слезоточивым газом. Как раз то, что я ищу. Из окна уютной квартиры сложно что-то рассмотреть. А сквозь расколотую витрину подгоревшей аптеки — в самый раз.

В конце переулка зашевелились военные. На солнце заблестели три десятка полированных шлемов, по брусчатке застучали грубые сапоги. Взвод перестроился, и стена пластиковых щитов медленно двинулась вперед. В двадцати шагах от меня тоже началось движение: зазвенело стекло, скрипнула дверца киоска на другой стороне. Когда отряд достиг середины улицы, из-за баррикады полетели камни и мелкий мусор. Перед строем упала бутылка с зажигательной смесью: сосуд раскололся, и на земле закоптела тёмная лужица масла. Щиты раздвинулись. Из шеренги спокойно вышел боец, дунул пару раз из огнетушителя. Пламя исчезло, и щиты поползли дальше.

Я забился вглубь аптечного киоска и стал ждать. Когда вояки добрались до баррикады, защитники выбрались из укрытий. Прозвучала команда, и силовики слаженно застучали дубинками о щиты. Кто-то побежал, двое в платках выскочили перед строем, пластиковая броня захрустела под ударами. Я увидел маневр первым. Четверо нарушителей подбежали к новостной тумбе и принялись её раскачивать. Полый металлический цилиндр сопротивлялся недолго, и после третьего толчка упал на стену щитов. Несколько стражей порядка покатались по земле. Остальные бросились вперед и заработали дубинками. Диверсанты успели убежать, только один получил серьезный удар и упал, но его быстро оттащили. Эти люди ломали мою систему. Они должны сидеть по тесным квартирам, максимум — выглядывать в окна. Так говорит Древо.

Конца сражения я не дождался — выскользнул через черный ход и нырнул в узкий переулок. «Семь человек — ещё не выборка. Исключения есть всегда», — успокаивал себя. Мой алгоритм не может быть идеальным. Я найду других людей, они впишутся в правила, как тысячи тех, что прячутся сейчас за стенами.

Дорожка огибала стеклянный комплекс и уходила в короткий переход к транспортной магистрали. Я спустился к арке, и скоро ботинки застучали по гладкой плитке. В тоннеле было темно, плафоны на потолке чернели битым стеклом.

Я шёл на свет в конце, но бледное пятно впереди мигнуло раз, другой, а потом исчезло. Я продолжал идти. Ноги не потеряли опоры, гулкое эхо шагов бегало между стенами. Да, свет в конце тоннеля погас. Это ведь не значит, что нужно стоять?! В темноте начали проявляться огни, тихие точки в духе звезд на ночном небе. Но они двигались. Летели мне навстречу, сначала медленно, затем быстрее и быстрее. Некоторые превращались в маленькие кометы с длинными искристыми хвостами. Скоро темнота вокруг наполнилась яркими нитями и трассами, превратилась в гудящий огненный поток. Зачем мне свет в конце? Он есть во всем. Нужно просто идти.

Мысли текли спокойно, немного отстраненно. В последние дни проблемы с реальностью возникали всё чаще. Главное — не бояться. Страх разрушает. Одна из комет пролетела слишком близко, скулу обожгло огнем, словно в наказание за самоуверенность. Я

на секунду отвлекся, и видение исчезло. Но опору я все же потерял — что-то ударило под колено, и земля ушла из-под ног. Мгновение я не верил в реальность происходящего, но надоевшей склонились два бойца в форме, и сомнения пропали.

Тугая пластиковая петля стянула запястья за спиной, сильные руки рванули за куртку, и я принял вертикальное положение. Тоннель закончился, мы стояли под бетонной аркой — я и пятеро камуфлированных вышибал. Отсюда открывался хороший вид. Дорога шла под уклон. Рядом начинались ровные ряды застекленных высоток. Чуть дальше — граница сектора и санитарная зона. Но бритоголовый сержант в броне не был расположен к созерцанию. Меня толкнули вперед, рукав на куртке захрустел. Видно, шрам на месте электронной метки им не понравился. Резкий удар, дыхание сломалось, меня согнуло пополам.

— Ещё один уродец... — сплюнул сержант. — Ничё, скоро машины подгонят, запакуем всех.

— А фиг ли с ним возиться? — Голос подал один из бойцов. — Отработаем его по полной, и пусть валяется.

— И то верно...

Мордovorоты ухмыльнулись, на плечо легла черная перчатка. От очередного удара я упал на колени. Наверное, здесь и осталось бы мое здоровье, но из туннеля за спиной послышался гулкий топот. Все пятеро переменились в лицах. «Анхи!», — выдохнул сержант, и все отделение бросилось вниз по дороге, к ближайшему переулку. Из перехода бодро потянулась пестрая толпа. Человек двадцать в разной одежде, с платками и повязками на лицах. Почти у всех в руках обломки ограды или куски арматуры. Лидер словно только что сошел с плаката идеальной анархии: черно-красный гребень, ошейник, рваные джинсы и мощные сапоги. Он глянул вслед стражам порядка, достал нож. Тупое лезвие с трудом перегрызло петлю на руках. Без разговоров мне вручили подобранную здесь же дубинку, загнали в середину толпы, и отряд двинулся дальше. «Или с нами, или против» — не то предложение, от которого отказываются.

С каждый шагом мы уходили глубже в стеклобетонный лабиринт, а я всё четче понимал, что сам разрушил свою работу. Наша вылазка в отчужденную зону не осталась незамеченной. Данка выложила все найденные документы в Сеть. Тут и началось: пропавшие люди, случайные свидетели, секретные материалы. Истлевшую карту стали проверять, толпы искателей рванули сквозь Периметр. Охрана не справилась, и уже через сутки появилась информация о новых подземных ячейках. Полтора десятка лабораторий проводили эксперименты по удаленному контролю в черте города. Вследствие аварии, персонал одной из них погиб. Два квартала над лабораторией вымерли, редкие выжившие сошли с ума. Оцепление и внутренние войска справились с проблемой, но аварии стали повторяться. Было принято решение об эвакуации населения и организации «санитарной зоны» вокруг Полиса. Пригород опустел.

«Осколок» — сектор переселенных — уже несколько дней пребывал на грани изоляции. С него всё и началось. По жилому кольцу покати́лась волна беспорядков. К счастью, не массовых. Как в любом гражданском конфликте, большинство людей заби́лось по домам. Тех, кто выбирает покой всегда больше. Свобода жить комфортно — главная и единственная из свобод. А с остальным справятся страх и лень. На улицу вышли единицы: «идейные» борцы, убежденные неформалы, психи и мародеры — те, от кого нормальное общество избавляется. Самые отчаянные самостоятельно вскрывали себе руки, пытались достать

электронные метки, «выйти из системы». Страшно подумать, как эти попытки заканчиваются. Я, вдруг, понял, что меня тошнит. Почти услышал, как трещит по швам гнилая формальная логика, уступая чему-то. Мне проще и легче здесь, среди толпы нарушителей и психов. Плевать, что счет пошел на дни.

Мы двигались быстро. Лидер хорошо знал сектор и уверенно вёл к выходу. Несколько раз маленький отряд встречал случайные посты, но столкновений не было. Экипированные охранники быстро исчезали в боковых переулках, едва завидев пеструю толпу. Пару раз над крышами высоток проносились винты с пожарными рукавами. Бледное солнце висело высоко. Пусть привычные облака затянули небо, но впереди еще несколько часов света.

После получасового перехода мы выбрались к выходу из сектора. На широкой площади собралось несколько сотен демонстрантов — люди разных возрастов, одежды, цвета кожи. Над толпой реют десятки флагов: цвета партий, стяги анархистов и неформальных движений, даже посты старой рок-группы. Над рокотом толпы гудят несколько громкоговорителей — лидеры группировок собирают «своих». Скоро стала видна и причина беспокойства. Ворота сектора закрыты. Высокие решетчатые створки крепко связаны цепями, секции заграждений в обе стороны обросли колючей проволокой. Поперек дроги в три ряда стоят бойцы внутренних войск. За стеной щитов замерла пожарная машина. Всё, как положено — изолировать сектора и успокаивать по одному, чтоб не устраивать партизанских войн в пригороде.

Из боковых улиц к площади понемногу стекаются маленькие группки, вроде нашей. Мы быстро влились в толпу. Всё вокруг шумит и кричит. Одни скандируют лозунги, другие орут и матерятся. Где-то рядом играет торжественный марш. Предводитель повел нас «на передовую», где дрожат на ветру флаги Анхи — новых анархистов.

«Это знает моя свобода! Это знает моя свобода...», — два десятка панкующих подвижников воодушевленно орали песню. Кто только вспомнил? Я не стал лезть в первые ряды или вписываться в шумные компании. Эти люди ломали мой мир, моё Древо. Но я оставался здесь, смотрел изнутри, пытаюсь понять.

Скоро выяснилось, что толпа разделена на небольшие группы. Если в центре все смешалось, то ближе к фронту люди четко разделялись по движениям. У каждого были явные лидеры, которые бегали перед строем, орали в мегафоны, вдохновляя своих. Ещё часть — фанаты, яркие и шумные. Остальные походили на массовку из кино.

Я долго блуждал в толпе, прислушиваясь к лозунгам, пытаюсь с кем-то заговорить. Одни посылали, другие пытались связать несколько слов, третьи молча смотрели как на идиота. Пару раз чуть не получил по голове. Один неформал угостил из фляжки. После глотка спиртного я окончательно запутался. Большинство не понимали, зачем пришли сюда и что будут делать. Просто люди, которые хотят перемен. Здесь нет системы.

Воздух задрожал. Знакомый холодок пробежал по спине. Я уже приготовился увидеть пылающие небеса или исполинский ночной горшок, накрывающий землю. Но ничего глобального не произошло. На краю сознания что-то возмущалось, подрагивало, но я не разобрался в ощущениях. Наконец, вдалеке послышался мерный рокот, толпа вокруг притихла, вглядываясь в небо. Над крышами высоток появился винт. Гул нарастал, огромные лопасти с гулом рассекали воздух, грузовая машина спускалась всё ниже, пока не повисла в полусотне метров над площадью.

Заглушая рев двигателей, из динамиков на брюхе машины зашипел оцифрованный голос оператора. Прозвучало сообщение о том, что демонстрация запрещена, и все должны

покинуть улицу. Толпа продолжила шуметь, к лозунгам добавились матерные выкрики в адрес авиации. Сообщение прозвучало ещё несколько раз, но никто расходиться не собирался. Тогда из динамиков раздался чудовищный вой. Однообразная промышленная сирена орала так, что закладывало уши. Тихий хлопок потерялся среди общего шума, за сигнальной ракетой потянулся тонкий дымный след. Маленький искрящийся патрон щелкнул о толстую обшивку и полетел вниз.

Что-то надломилось, упала невидимая преграда. В мозгу вспыхнула картина: морской берег, шум прибоя и песчаные стены. Волна коснулась вычурных колонн, вдоль резных барельефов поползли трещины, стены стали оплывать.

Оставляя сизый шлейф, в толпу полетели баллоны с газом. Люди бросились врассыпную. Ещё пребывая на грани реальности, я увидел, как треснул и надломился песчаный шпиль, посыпались вниз тонны черного песка. Шпиль. Вдалеке, среди стеклянных корпусов стояла вышка метеостанции, рядом в небо поднимался столб черного дыма. Сонька! У нее хватит упрямства выйти на работу в этот день. Выйти и закрыться на горячей станции, защищая оборудование. В один миг всё потеряло смысл. Эксперименты над людьми, безнадежная революция, недописанное Древо, мой рассудок. Если я её не найду, все закончится... на пару дней раньше.

Я рванул сквозь толпу. Вокруг творилось невообразимое. Капсулы ядовитого газа падали везде. Смесь мгновенно расплылась в воздухе, забивала дыхание, ела глаза. В центре началась паника. Первые ряды бросились на стену щитов. Их встретили струями водометов и резиновыми пулями. В ответ полетели камни и бутылки с горючим. У ворот началась свалка. Я выбирался к узкой боковой улочке. Несколько раз меня сбивали с ног, катали по земле испуганные люди, но я всё же выбрался с площади. Впереди показались разбитые пикеты, остатки баррикад. Солдат здесь уже не было.

После десяти минут безумного марафона пришлось сбросить темп. Ноги гудели от напряжения, в голове плавала мутная боль — видно, вояки распыляли нервно-паралитический. Казалось, ещё немного, и я начну плевать кровью, но дорога вдруг закончилась. В спешке я забыл о местных красотах. Полоса жилых кварталов и укатанных улиц обрывалась. Несколько километров до границы соседнего сектора занимали пестрые мусорные поля, горы металлолома и пластика, озера нечистот. Асфальт под ногами сменился разбитым глиняным трактом — тяжелые мусоровозы регулярно месили несчастную землю. Я вошел на городскую свалку.

Метеостанция, она же и экологический пост, словно в насмешку была установлена посреди зловонной пустыни. Суставчатая вышка с лестницей виднелась в полукилометре между ржавыми барханами. Рядом в небо тянулся мутный дымный столб. Я невольно ускорил шаг. Дорога становилась всё хуже и, наконец, сошлась до узкой тропы между высокими горами металлолома. Часть свалки была забита тяжелой техникой. Вокруг один на другом громоздились корпуса тяжеловозов, стрелы подъемников, гусеничные машины. Казалось, я чувствую дыхание механических гигантов. Сквозь толщу земли и мусора слышу скрип старых доспехов. Созданные людьми и брошенные за ненадобностью. Сколько оставлено на обочине цивилизации? Промышленных механизмов, государственных законов, общественных моралей? Не всё уходит бесследно.

Рядом послышался тихий шорох, на тропу посыпалась земля. Внутри всё сжалось, виски сдавила боль. Еще не понимая, я поднял глаза и замер. Гора металлолома впереди дрожала. Слово тяжелые спазмы прокатывались по исполинскому телу. Я чувствовал жизнь. Вызывая

волны возмущений в пространстве, рождалось что-то неестественное. Из глиняной насыпи поднялся ковш. Выгибаясь и подрагивая, суставчатая стрела экскаватора потянулась вверх. Рядом зашевелилась земля. В воздух рванул фонтан мусора и жестяных обломков. Под глухой скрежет к небу поднялась огромная рука — чудовищная вязь поршней и труб с жилами силовых кабелей. На сгибах судорожно двигались суставы-шарниры.

Вскоре жуткий гигант поднялся из мусорной могилы целиком. Тело — сложный механический конструктор. Вместо головы — треснувшее корыто антенны. Скрипя суставами, он шагнул мне навстречу, земляной взрыв отбросил меня в сторону. Тут я принял первое верное решение за день — вскочил на ноги и в ужасе побежал. Но свалка словно ожила. Тонны ржавеющей плоти сошлись на месте тропы, отрезая обратный путь.

Земля за спиной дрожала, монстр двигался ко мне. Бежать, карабкаться по вздыбившимся завалам не выйдет. Как бороться с таким чудищем, я не знаю. Только и смог, что повернуться лицом и поднять сбитые руки. Даже про смешную дубинку за поясом забыл. Железный исполин подошел вплотную, склонился надо мной. На голову посыпалась ржавчина и облупившаяся краска. Наверное, это и называют «на грани паники». Уродливая голова опускалась всё ниже, под антенной показался обломок уличного фонаря, вросший в мусорную плоть. За тонкой решеткой сохранилась лампа, тонкая нить внутри мерцала и подрагивала.

«Этого нет... быть не может!», — билось в голове. Я уцепился за эту мысль, пытаюсь собраться. Одно дело — беседовать с доктором о материальности галлюцинаций, совсем другое — быть раздавленным многотонной лапицей неведомого монстра, пусть даже и придуманного. Но всё же... если вспомнить, каждое из видений было реакцией, имело извращенный смысл и что-то символизировало. Этот мусор — то, что отброшено и забыто, выполнило функцию и должно уйти. Не важно, старый шахтный комбайн или мёртвое философское учение. Ненужный хлам выбрасывают. Я пытался идти от логики. Хватаясь за принципы, можно разжечь себя. Кто, если не я, хозяин моих кошмаров?!

— Тебя больше нет. — Пальцы вцепились в слабую решетку, смяли её, а следующим движением я вырвал толстую лампу, которую представил сердцем чудовища.

Стеклянное сердце оказалось холодным, как лед. Даже кровь в жилах потекла медленнее. Гигант качнулся, по жуткому телу пробежала дрожь. Раздался глухой скрежет, в последнем усилии тяжелая рука занеслась надо мной, но удара не последовало. На миг показалось, что я победил. Так просто, без боя. Но тело качнулось ещё раз и опустилось на меня. Многотонная груда металлолома, неудержимый шквал вековой темноты, страхов и ошибок. Я упал на землю, закрывая голову, словно это может спасти.

Шли секунды, но ничего не происходило. Сознание начало проясняться, сердце возвращалось в нормальный ритм. Не знаю, сколько пролежал на зловонной земле, но когда открыл глаза, то увидел лишь бледный пятак солнца над ржавыми вершинами. Остаток пути я прошел, ни разу не оглянувшись. Полное опустошение. Галлюцинации слишком сильны. Рано или поздно одна из них меня раздавит.

Очередной завал остался позади, метеостанция показалась совсем близко. Едва ли сотня шагов отделяла меня от серого двухэтажного здания. Из пустого окна у земли шел дым. Никакого огня, только обугленный оконный проем и закопченные стены — пожар задохнулся в бетонном коробке. Метеопост, не косой сарай. Но внутри кто-то был. У подъезда стоял старый внедорожник — жуткая конструкция, плоть от плоти свалки. Ржавый корпус, вытертые шины, кое-как приваренные трубки защиты. Может ещё и двигатель на

бензине. Чуть дальше, за вышкой виднелись барьеры Периметра. Одна из сеточных секций лежала в пыли, вдаль тянулись полосы от лысых покрышек.

Я не стал дожидаться хозяев. Сапоги зашагали к распахнутой двери, оставляя в пыли глубокий след. Тёмный коридор оказался пуст, пара подсобных помещений по бокам тоже. Внутри всё перевернуто, столы, шкафы и стулья свалены кучами. Кое-где следы неумелого поджога: тлеющий мусор, обгоревшая мебель. Сверху послышались гулкие удары, тяжелый грохот. Там находятся рабочие помещения, развернута основная часть оборудования. Я нашел лестницу, прислушался, удары повторились. Жёсткая дубинка, спрятанная до поры за пояс, сама легла в руку. Ступени молча вынесли меня наверх.

По лабораторному помещению словно прошел ураган. Всюду поломанная мебель, в центре разбитый стеклянный шкаф. Подошвы захрустели по острому крошеву из колб и реторт. Удары, шорох, а теперь и тихий мат доносились из соседнего помещения. Я подкрался к узкому проходу, заглянул внутрь. В комнате среди уцелевшего оборудования копались двое мародеров. Оба словно «плохие парни» из старого боевика: рваные черные куртки, джинсы, пыльные ботинки. Один деловито перерывал лабораторный шкаф, другой возился с маленькой дверью в углу. На ней повисла расколотая табличка «Заведующий». На металлической обшивке глубокие вмятины и царапины. На пол загремел тяжелый гаечный ключ, грабитель устало отошел от двери, походя что-то пнул. Из-за груды обломков послышался тихий стон. Я присмотрелся — на полу, скорчившись, лежал человек в халате, должно быть лаборант. Значит, станцию не оставили.

Я выхватил дубинку, и бросился на мародеров. Следующие секунды слились в жестокий хоровод. Преступники не ожидали нападения. Первый успел лишь повернуться на шорох и тут же получил тяжелым жезлом в лицо. Другой несколько раз испуганно отмахнулся лопиком, но под ноги попал обломок стула, боец пошатнулся и пропустил жёсткий удар. Не знаю, как я сделал это. Наверное, причина тому — удобный резиновый кий. Силовики знают толк в таком оружии. А может, действительно важно, за кого дерешься.

Грабители лежали на земле. Один без сознания, другой слишком занят разбитым лицом, чтобы мешать. Я склонился над лаборантом. На вид он казался моим ровесником. Настоящий молодой ученый: разбитые очки, порванный белый халат и телосложение подростка. Несколько легких шлепков привели его в себя. Он испуганно завертел головой, но потом признал во мне друга. Шипя от боли, поднялся на ноги, мятый халат сел чуть ровнее.

— Артем... меня зовут, — парень скривился, рука коснулась ребер. — Спасибо, что помогли с этими.

— Юрий, — машинально ответил я. — Кто ещё остался на станции?

— Там, — Артем кивнул на дверь. — Я плохо спрятал... — из оборванного кармана появились ключи.

Битый замок долго не поддавался, но через минуту дверь тихо скрипнула и отползла в сторону. В комнатке было темно и тихо. Я переступил порог, и на меня обрушился стул, к счастью, деревянный — рано расслабился, забыл, за кем пришел. Удар бросил меня к стене, рядом мелькнула стройная тень в плащи, и жесткий сапожок ткнул меня под колено. Сонька протащила мимо старичка заведующего, но в дальше наткнулась на Артема. Спустя пару минут всё прояснилось.

— Как ты здесь оказался? — Сонька поправляла короткие светлые волосы, глядя в зеркальный осколок.

— Тоже рад тебя видеть, — пробурчал я. — Очень приятно тебя спасать.

— У меня всё было под контролем! — Вскинулась защитница экологии. — Ну, почти... спасибо. — Меня ткнули кулачком в плече, почти нежно.

Сонька хотела добавить, но вдруг переменялась в лице, словно что-то вспомнила. Зеркальце полетело на пол.

— Уйдет ведь, — обронила уже на ходу.

— Сонь, стой. Куда ты? — Я спрашивал, уже догоняя её на лестнице.

— Нужно найти... — Повернулась, взгляд стал отрешенный, словно она прислушивалась. — Одного человека. Здесь рядом.

День подходил к концу, но снаружи было светло. Мутный облачный покров пропускал холодные лучи. Мародеры успели убраться, но ржавый багги стоял во дворе. Моя подруга запрыгнула внутрь, через пару секунд двигатель закашлялся и взревел. Мне надоело удивляться. Не говоря ни слова, я занял пассажирское кресло. Хрустнул ручник, машина рванула вперед, оставляя облака пыли. Сонька оказалась горячим водителем. Нас бросало во все стороны, колеса не пропустили ни одной выбоины на дороге. Я спасся только тем, что вцепился в защитный каркас.

Через минуту лихой езды, багги затормозил посреди дороги, между завалами ржавеющего железа. Соня выпрыгнула наружу, под ногами зашуршал мусор. Некоторое время я наблюдал, как она взбирается на горы металлолома, как сыплется сверху мелкий мусор. На мой недоуменный взгляд бросила:

— Если кого увидишь — кричи.

После пяти минут поисков старый двигатель зарычал снова, и мы продолжили наворачивать круги по свалке. Хрупкая девушка за рулем — это всё-таки красиво... издали. На очередном повороте меня выбросило из машины. Багги тормознул в полусотне метров. На ходу отряхиваясь от мусора, я медленно закипал. Какого хрена?! Пусть я схожу с ума, но пришел за ней. Не знаю, почему, да и не важно — последний день не сильно укладывается в норму.

Когда я подошел, Соня стояла перед машиной: глаза закрыты, руки скрещены на груди. Глубокий транс прервался самым brutальным образом. Я ошутимо встряхнул её за плечи. На испуганный взгляд выдохнул:

— Объясняй.

— Не могу, — девушка попыталась освободиться, но я держал крепко.

— Уверена?

— Все сложно, ты не поймешь...

Дальше слушать я не стал. Пальцы разжались, отпуская хрупкое тельце. Спустя мгновение мусорная дорога потянулась прочь. В самом деле, сколько осталось? Сутки, может, двое. Тратить последние часы, скитаясь среди гор металлолома? Хватит! Уже сейчас мир выглядит ненастоящим, словно огромный картонный макет. Сомневаться в реальности мусора под сапогом просто страшно.

Я прошёл метров тридцать, когда услышал окрик. Плевать, показалось. Вскоре за спиной зашуршали шаги, послышалось прерывистое дыхание. Тонкая ручка словила за локоть.

— Подожди, — забыв про гордость, Сонька повисла у меня на руке. — Там в подземке... я всё помню. Ты меня вытащил.

— Ну и что?

— Это важно, — она дышала неровно после бега, — найти его. Останься...

— Почему я должен остаться?! — Мне надоели загадки.

Тонкие пальцы вцепились в куртку, Соня поднялась на носочки и коротко поцеловала меня. Я хотел уйти, но не мог отвести взгляд. На меня смотрели чистые серые глаза.

— Нужно вернуться в сектор. — Она перешла на шепот. — Он был там, я чувствую.

Когда мы добрались до жилых кварталов, то оказались на поле брани. У ворот догорает перевернутый грузовик. Всюду стеклянная крошка и тлеющий мусор. Вдоль улицы — битые витрины и обломки полицейских заграждений. Враждующие стороны покинули место сражения, но ветер ещё носил острый запах газа. Вездеход пришлось бросить. Дальше дорога пошла опустевшими переулками. Ведомая шестым чувством, Сонька вела к площади. По дороге мы не встретили ни силовиков, ни бойцов внутренних войск. Несколько раз над головой проносились пожарные вертолеты. Сонька шла, не глядя по сторонам, словно боялась потерять след. Иногда мимо пробегали группки мародеров. Нас не трогали, вокруг хватало добычи, но я не раз нервно поправил пояс с дубинкой.

От площади нас отделял один квартал. Сворачивая в последний переулок, я услышал далекую сирену. Навстречу что-то двигалось. Слух или другое чувство улавливало тяжелые ритмичные удары. Я схватил Соньку за руку и потащил в сторону. Тесный угол между домами приютил нас вовремя. Девушка шипела и сопротивлялась, но скоро затихла. Отбивая шаг, по улице пошли шеренги камуфлированных бойцов со щитами. Почти две сотни. Должно быть, на площади сборный пункт.

— Дальше нельзя. — Я перешел на шепот. — Ищи в другую сторону.

Сонька закрыла глаза, погружаясь в непонятный транс. Над её головой вспыхнула радужная сфера. Цветная поверхность поплыла всеми цветами спектра. Я мотнул головой, отгоняя галлюцинацию.

Транс длился меньше минуты, но я почему-то забеспокоился. Наконец, ресницы дрогнули, девушка повернулась, взгляд застыл в нужном направлении. Вскоре мимо понеслись тесные подворотни и технические дворики. За четверть часа мы обогнули площадь и вышли к спальному району. Впереди показалась знакомая угловатая застройка из многоэтажных комплексов. Ещё пару раз мимо проходили усиленные патрули, но тёмные переулки укрывали нас. Проходя мимо очередного корпуса, Соня остановилась.

— Не могу, — тяжело выдохнула. — Рядом... слишком много следов. — На лбу проступили бисеринки пота.

— Моя очередь. — Ко мне пришла охота поиграть в загадки.

Уже ничего не понимая, я подошел в железной двери. Из кармана появилась магнитная карта, пискнул терминал, и я открыл свой подъезд. Сонька повернулась на звук, тонкие брови взлетели вверх. Скоро тесный лифт уже полз на семнадцатый этаж.

Моя квартира Соньку немного напугала. Пока я искал наладонник, она рассматривала чудовищную программную клинопись на стенах и потолке.

— Не бойся, люди не укладываются в это. — Я кивнул на исписанные обои. — Ну, не все...

Она задумчиво кивнула, но ничего спрашивать не стала. Последний кусок алгоритма сполз на окно. В стекле зияла дыра, на подоконнике лежали острые осколки — во время работы прозрачная поверхность мутнела и плыла, словно смеясь над моими попытками всё упорядочить. Древо так и не удалось закончить.

В квартире мы не задержались. Меня волновал последний вопрос, я спешил выбраться

на крышу. Ступени быстро вынесли нас на технический этаж. Тяжелая дверца заскрипела и нехотя открылась. Мягкий свет догорающего дня заполнил чердак. Я поднялся по лесенке, протянул руку Соньке. Та шлепнула меня по запястью и сама взлетела в проём. Еще секунду во мне жила надежда, что за день мираж рассеялся. Я сделал глубокий вдох и обернулся.

С крыши открывался хороший вид, но меня сейчас не волновали знакомые красоты. Вдалеке попирали небо стальные иглы небоскребов, дымили огромные трубы промышленных корпусов. Полис выглядел как обычно, только небо над ним словно истекало кровью. Мерцающая багровая дымка укрывала десятки километров над городом. Не облако очередного выброса. Намного хуже. Высоко над центром города в небе зияла жуткая трещина. Из черного разлома сыпалась серебристая пыль. Может снег, может крохотные звезды. Я боялся гадать, слишком сильна и устойчива оказалась галлюцинация.

— Я схожу с ума. — Произнес почти спокойно. — Никто не видит, даже ты.

Сонька посмотрела вдаль, лицо стало серьезным:

— Мы называем это Надрыв. — Перевела взгляд на меня. — Так это был ты?

— Где был? — Глупо спросил я. — Что значит «мы»? Сонь, если ты тоже видишь всё...

— Вижу, — оборвала девушка. — Мы — сенсеры. Наша группа пытается разобраться с этим.

— Сенсеры?

— Sense. Чувствующие, — пояснила Сонька. — Ты тоже. И очень сильный, просто раскрылся недавно. Наш ментор видел всплеск, мы долго не могли тебя найти.

— Так. — Я попытался переварить информацию. — А что с этим... надрывом? Мне кажется, я схожу с ума, теряю связь с реальностью.

— Не только ты. — Сонька вздохнула, лицо осунулось, стали заметней тёмные круги под глазами. Взгляд устремился к далекому небесному пролому. — Мы не знаем, что это. Но если не разберемся в ближайшее время...

Глава 7 Мёртвая анархия

Слабый солнечный свет с трудом пробивается сквозь облачную завесу. Бледное небо, сплошь стянутое мутными разводами, походит на немытое окно. Серый пейзаж городской зоны отчуждения отлично гармонирует с погодой. Пустыри за покинутым районом тянутся до самого Периметра. Брошенная земля, едва прикрытая чахлой травой, уже не первый год пытается затянуть проплешины карьеров и бетонные остова строительных площадок.

На окраине района сереет клочок асфальта, на нём — корпус старой очистной станции. Кронекер стоит на вершине ржавой водонапорной башни и смотрит вдаль. Его не волнует огромный сектор за спиной, не трогает апокалиптическое запустение. Сорокаэтажные громады покинутых комплексов, давно замершие улицы, истлевшие следы эвакуации — везде одно и то же. Многокилометровое кольцо вокруг шестого полиса остается закрытым уже два десятка лет. Пусть взрослые дети ищут дыры в барьерах, пусть млеют от размытых спутниковых фотографий, мечтая хоть раз пробраться за кордон.

Марк без официальных версий помнил историю этого места, работал внутри оцеплений, знал точные цифры потерь среди населения. Это его предшественник на посту завлаба отдал приказ о начале испытаний, обернувшихся катастрофой. Разбираться с последствиями, сворачивать сеть излучателей, консервировать подземные ячейки пришлось уже молодому лаборанту — корпорация не давала второго шанса, обезумевший руководитель проекта исчез. За годы в структуре Лик Маркус Кронекер пресытился жуткими тайнами. Мертвое кольцо вокруг полиса осталось для него лишь грустным напоминанием и не терзало больше память.

Порыв ветра потянул из тела остатки тепла. Камуфляжный комбинезон слишком легкий. Окунувшийся в воспоминания Марк не заметил, как продрог. Тонкие пальцы застегнули верхнюю пуговицу, расправили воротник. Кожа всё ещё слишком бледная, но кровопотеря больше не грозит обмороком на каждом шагу.

За несколько дней, проведенных в убежище местных анархистов, Кронекер немного подлатал себя, вытряхнул запасы стимуляторов и даже схватил правое запястье парой швов. Глубокие порезы над механическим локтем тоже пришлось стягивать. Группа Веера сразу признала Кронекера за «своего». Все подозрения рассеялись в первую же ночь, пока обитатели убежища наблюдали, как измотанный беглец «на живую», без наркоза штопает собственную плоть. Подозревать такого человека в двойной игре, сомневаться в искренности его слов не рискнул никто. За ним прочно закрепилось прозвище «Док».

На левой руке добавилось железа. Среди спасенных из камеры хранения вещей нашелся старенький «Ассистент» — наручный терминал для работы в полевых условиях. Марк оттянул рукав, из-под ткани показался металл браслета, узкое окошко дисплея. По времени, Веер уже должен вернуться.

Кронекер поежился от холода, спрятал руки в карманы. Включать передатчик здесь нельзя, источник сигнала внутри городской пустоши наверняка привлечет внимание. Остается ждать. Взгляд снова устремился вдаль, к сплошной линии Периметра, тяжелому задымленному небу над жилыми районами. Огромный сектор с полумиллионным населением сейчас был погружен в хаос массовых волнений и уличных беспорядков. В нескольких кварталах бушевали пожары, небо уже второй день застилала тяжелая дымовая завеса. Намеченное мероприятие не нравилось Марку. Он будет даже рад, если что-то

помешает Вееру вывести людей в жилое кольцо. Но по времени группа опаздывала, и внутри нарастало беспокойство.

Марк не успел проникнуться их борьбой. Наивные идеалы и нелепая философия новых анархистов — Анхи, как они себя называли, не трогала его. Изгои, отбросы, бандиты и неформалы, они жили вне закона. Не так, как в древних голливудских фильмах, где вежливые стражи порядка в пластиковых доспехах да на летающих мотоциклах борются со вселенскими заговорами и шутят про гамбургеры из крыс. В реальности их травили, почти истребляли. В стране оживал прообраз забытого тоталитаризма, с его жесткостью ко всему неформальному и инакомыслящему. Сегодняшняя вылазка — верх безрассудства. Но Кронекера это не трогало. Он скорее плыл по течению. Прошлая жизнь сгорела в одну ночь, а новая ещё не началась.

Отвлеченные рассуждения прервал знакомый звук. У подножия башни зашевелился ржавый пятак канализационного люка. Под землей что-то заскрежетало, тяжёлая крышка откинулась и хлопнула об асфальт. Через секунду из дыры показался наполовину выбритый череп. Веер насторожено глянул по сторонам, руки в обрезанных перчатках схватились за края, и двухметровый боец, шурша тяжелым плащом, выбрался наружу.

Снизу послышался чей-то голос, Веер опустил на колено и протянул руку. Вскоре на поверхность выбралась его спутница. О том, что это девушка, Марк знал лишь потому, что уже видел Шилу. Гладко выбритая голова, тертая косуха и джинсы, заправленные под высокую шнуровку сапог, плохо вписывались даже в современные, весьма извращенные понятия о женственности. Лишь тонкие скулы и острый подбородок чуть смягчали воинственный облик, да ещё густые черно-синие тени под глазами выдавали женскую особь. Никто из мужчин не красил лица, считая это признаком домашних, плюшевых неформалов большого города.

— День добрый. Как путешествие? — Нарочито вежливо спросил Марк, помахивая ладонью перед лицом, будто коллекторный смрад добрался и до него.

— Что, Док? Не нравится запах? — Мусорный панк поднял голову и ухмыльнулся — от ветвистого шрама на щеке потянулась сеть морщин. — Революции рождаются по колено в дерьме! — Он демонстративно хлопнул сапогом, от протектора отвалился кусок грязи. — Продолжаются в крови, заканчиваются... по-разному. В уютном боксе, в теплой квартире слишком чисто. Нет места настоящему духу, а противоречия никогда не выходят за пределы тесной кухни.

— Заканчивай, философ, — буркнула Шила, взглядываясь в открытый люк.

Под землей послышалась возня, ржавая лесенка заскрипела под тяжелым сапогом. Из темного провала показалась рука, пальцы вцепились в край. Один за другим на поверхность вылезли трое бойцов Веера. Все в одинаковых кожано-джинсовых лохмотьях, грязные и помятые после подземки. Последнего пришлось вытаскивать наверх общими усилиями — огромный баул на плече едва пролез в отверстие люка. Веер осторожно перехватил груз и взвалил увесистую сумку на плечо. Пока парни отряхивались и приводили себя в порядок, Марк успел спуститься с башни.

— Всё, двинули, — приказал Веер.

Несмотря на светлое время суток, лидер выбрал наземный путь. Это ставило под угрозу обнаружения местное убежище, но времени пробираться обходными путями нет — ситуация в близлежащем секторе накалилась до предела, упускать такой шанс нельзя. Вскоре группа покинула заброшенную окраину и вышла на старую трассу. Дорогу закрыли после эвакуации.

За годы покрытие пришло в негодность, ограждения заросли ржавчиной и оплыли от агрессивных осадков. Кое-где попадались остова грузовых машин, непонятный мусор и металлолом. Сквозь трещины в асфальте пробивалась упрямая растительность.

Веер задал хороший темп, дорога быстро стелилась под ноги. За полчаса увесистый баул несколько раз переходил из рук в руки. Каждый, кто брался взвалить его на плечо, делал это с максимальной осторожностью, словно внутри лежал тончайший фарфор. О содержимом сумки Марк только догадывался. В детали предстоящей вылазки его не посвящали — здесь недоверие перерастало в легкую паранойю.

Скоро прямая дорога закончилась, впереди показались заграждения и выцветшие знаки — километровый отрезок трассы до Периметра был разбит и перекопан. Но идти до пропускного пункта и стучаться в ворота сектора никто и не собирался. Веер легко перемахнул через дорожный борт и, забирая вправо, повел к далекому барьеру.

Высотные корпуса показались совсем близко, до входа в жилые кварталы осталась пара километров. Кронекер никак не мог поверить, что они так просто проникнут сквозь изоляцию. Обычно пространство у Периметра контролируется, всех «гостей» с обеих сторон перехватывают ещё на подходах. Но когда Марк поднял глаза выше, вопросы отпали сами собой. Небо над сектором превратилось в сплошную дымовую завесу. Сразу с нескольких сторон вверх тянулись черные столбы от пожаров, вдалеке протяжно завывали сирены. На обзорных постах не было видно никого — плохой знак. Значит, патрульно-постовая служба стягивает внутрь все ресурсы. Легкая амнезия отступила не полностью, Кронекер с трудом заставлял себя вспоминать необходимые сведения.

Сектор-13. Жители Кольца не зря называли его «осколком». Когда-то он принял в себя несколько сот тысяч переселенных из районов нынешней Пустоши. Первые месяцы после эвакуации здесь было неспокойно. Мирные шествия переходили в погромы и беспорядки, многие люди пытались возвращаться на прежние места жительства. Статистика психических расстройств, помешательств и суицидов взлетела на порядки.

Проблему решили кардинально — внутренние войска сняли с оцеплений и перебросили в жилые кварталы. Дальше по инструкции: сеть постов, усиленные патрули, комендантский час. Проверенные методы быстро дали результат. А потом вокруг опустевшего кольца вырос Периметр, и жилые кварталы оказались окончательно отрезаны от промышленной зоны Полиса. Сообщение сосредоточилось под землей, два десятка станций закрыли, но метрополитен продолжил работу. На поверхности осталась лишь пара грузовых магистралей и полотна для маглевов.

Понемногу Марк стал замечать, что внешние заграждения особенно высоки, иглы обзорных вышек стоят слишком часто, а посты экологов больше походят на укрепленные огневые позиции. Мелькнула безумная мысль, что жилой сектор можно легко превратить в концентрационный. Веер обмолвился, что недавно кто-то выбросил в Сеть старый отчет одной из аваринных ячеек корпорации. Результат был сравним со взрывом гранаты. Обрывки информации пролили свет на события двадцатилетней давности. Неудивительно, что беспорядки захлестнули сектор.

Марк пришел в себя, когда группа остановилась у сеточной секции. Один из бойцов вышел вперед. Куртка распахнулась, и он небрежно, словно мелочь на проезд, достал огромные кусачки. Секатор защелкал, переламывая стальную проволоку. Через минуту в секте появилась приличная дыра. Один за другим все пролезли сквозь барьер и двинули дальше — грозный Периметр, как любое заграждение, без людей оказался лишь мелким

препятствием, досадной задержкой.

Опасаясь обнаружения, группа покрыла последний километр бегом и почти влетела в жилой квартал. Крайняя улица оказалась перегорожена: предупредительные знаки, несколько перевернутых машин, но ни одного стража порядка. Не задерживаясь ни на секунду, люди перебрались через завал и двинули вглубь сектора. На ходу Веер достал увесистую рацию и произнес в динамик:

— Тринадцать внутри, подарок с собой, приём.

В рации шипел эфир. На ходу переключая запасные частоты, Веер трижды успел повторить вводную фразу, пока ему, наконец, ответили.

— Северный на связи... — донеслось сквозь помехи. — Веер, де вас носит?

— Только воши. Пара километров южнее ворот, по крайней кольцевой.

— Ребята вас встретят, — ответил голос. — И давайте активней! Мы не сможем долго держать людей.

— Принял.

Рация вернулась на пояс, Веер перехватил у бойца сумку и ускорил шаг. В глазах мелькнул фанатичный огонек, на лице отразилась мрачная решимость — шумный неформал превратился в лидера, жесткого и самоуверенного. Тяжелые сапожищи гремели об асфальт, разлетались в стороны полы плаща — Веер шел вперед и не сомневался, люди последуют за ним. До главных ворот сектора оставалось меньше двух кварталов.

Кронекер едва успевал за группой, атрофированные мышцы только начали приходить в норму. На ходу он закатил рукав, пальцы пробежались по панели «Ассистента». Встроенный приемник знал некоторые войсковые частоты и мог быть полезен. После включения слабенький динамик сразу взвыл многоголосым хором — эфир в беспокойном секторе оказался забит сотнями разных сигналов. Марк быстро оставил надежду разобраться что-нибудь в диапазоне гражданских и настроился на спецчастоту оперативных групп. Служебный канал оказался чище. Как только приемник подавил посторонние наводки, над шумом проявился искаженный голос:

— Малая группа, внешняя кольцевая к центру. Всем бригадам по месту... — последние слова смешались с шумом.

Марк заскреб по сенсорной панельке, пытаясь поймать ускользающую передачу. «Ассистент» с трудом вернулся на волну. Сообщение повторилось, но голос остался искаженным. Встроенный приемник показывал, что источник далеко. Мрачные подозрения немного рассеялись. Вслушиваясь в угасающую передачу, Кронекер почти успокоился, как вдруг полоска интенсивности взлетела вверх. Чистый внятный голос ответил на сообщение:

— Принял. Bravo-3 на месте, давайте поправку.

— Кхм... юго-восток, два-три квартала, — очнулся далекий оператор. — Двигаются к центру, сейчас будет точнее.

— Понял, выдвигаемся. — Голос был спокоен, не читалось ни одной лишней интонации.

Пальцы судорожно забарабанили по панели. Марк поморщился, пытаясь вспомнить способности старого девайса, выжать хоть немного информации о направлении или расстоянии. Память отказалась помогать. Кронекер оставил попытки и догнал лидера.

— Веер, они знают... — Сбиваясь на дыхании, выдохнул Марк. — Нас заметили.

— Кто заметил? — Веер даже не повернул головы.

— Наблюдение Периметра, или воздух. — Кронекер поднял глаза к небу. — Не знаю, я

слышал передачу...

— Спокойно, Док. Ведешь себя, как турист. — Лидер по-прежнему смотрел вперед. — В секторе дурдом, им не хватит людей. Они едва ворота держат...

Раздался резкий хлопок, створки подъездов по бокам улицы синхронно отлетели в стороны. Из темных провалов высыпали бойцы в пластиковой броне, поперек улицы выросла стена из десятка щитов.

Веер среагировал мгновенно — длинная ручища сгребла Марка за плечо, воздух разорвало громогласное «Назад!». Отряд дружно ломанулся обратно, но из ближайшей подворотни уже выскочили несколько бойцов, стараясь отрезать обратный путь. Их оказалось лишь пятеро, но все в стальном камуфляже опергруппы.

— Ломай их! — не сбавляя ходу, взревел лидер.

Свистнула пневматика, почти одновременно прогремели два выстрела — тяжелая капроновая сеть свалила крайнего бойца. Еще одна пронеслась над головой Шилы, но маленький отряд не остановился. Яростный напор спас ситуацию. Стражи порядка не успели сомкнуться, стандартная «цепь» рассыпалась в массовую драку. Веер с баулом на плече развернул цепь и завертел вокруг себя стальной вихрь. Пара панкующих борцов сцепилась со стрелками. Шила задергала затвором, взводя старую травматикку.

Маленький отряд увяз в потасовке. Зажатый между дерущимися, Кронекер пытался распутать сваленного товарища. Худой засапожный нож с натугой рвал синтетику. Краем глаза Марк отметил приближающийся строй. Если продолжить в том же духе, то маленькую группу просто сомнут. Но искать выход, обжигая пальцы о капрон и ныряя под богатырские замахи Веера, было сложно.

Рядом хлопнула травматика, резиновая пуля срикошетила от щита. Спустя мгновение Шила полетела на асфальт от бесхитростного пинка — при всей воинственности ей не хватало веса. Уходя от удара, Марк покатился по земле, на ходу подбирая чью-то дубинку. Перекатившись ещё раз, он поднялся в паре шагов, но дюжий оперативник не отстал. Горизонт едва вернулся на место, а Марк уже чуть не пропустил очередной удар. Резиновый кий задрожал, парируя секущий. Слабые руки с трудом удержали оружие. Следующий удар заставил упасть на колени.

Неожиданная помощь пришла со стороны Веера. Отмахиваясь от двоих, он словно невзначай повел плечом — тяжелая цепь хлопнула по шлему нападавшего. Противник Марка потерял равновесие и повалился на землю. Но исход боя уже был решен. За спиной послышался гулкий топот, рядом кто-то вскрикнул. Тяжелый удар пришелся в затылок, Марк повалился на асфальт. В глазах потемнело, на краю внимания мелькнул Веер, сцепившийся сразу с тремя. «Вот и всё», — равнодушно пронеслось в голове.

Но видно кто-то решил по-другому. Уже на грани беспомощности Марк услышал многоголосый вой. Улица зашлась под множеством тяжелых сапог, вокруг забегали люди, но никто не спешил поднимать зашибленного доктора, крутить за спину руки. Ещё полминуты Кронекер пролежал на боку, дожидаясь, пока утихнет звон в голове. Наконец, беспомощность отступило, в окружающий мир вернулись цвета и звуки. С третьей попытки Марк всё же поднялся на ноги, горизонт занял прежнее положение.

Люди вокруг не отличались единой формой одежды, прической и вообще внешним видом. И это уже радовало. На «поле боя» топталось полтора десятка мародеров, одетых в разношерстные резиново-джинсовые лохмотья. Почти у всех на лицах повязки, платки или дыхательные маски. Еще не веря в удачу, Кронекер осмотрелся. Высокие щиты и

пластиковые шлемы были равномерно разбросаны вокруг. Помощь успела вовремя. Целый взвод стражей порядка исчез, как только расстановка сил изменилась.

— Эй, Док! Живой?

Веер возник за спиной, широкая лапища хлопнула по плечу. Кронекер вздрогнул от неожиданности, в затылке проснулась тупая боль. Шумный лидер выглядел бодро. Казалось, рассеченная скула и сбитые костяшки его не волновали.

— Живой, — выдавил Марк. — Только голова...

— Болит? Значит, ещё есть. — Изрек неформал. — Если бы не ребята из местной ячейки, пускал бы сейчас кровавые слюни.

— Надо спешить.

Рядом появился предводитель местных бойцов. Полная противоположность Вееру, высокий русский атлет после драки выглядел аккуратно. Походный серый комбинезон, армейские ботинки. Никакого железа, кожи или резины. Интересно. Свобода всех, свобода каждого? Или городские подвижники Анхи вынуждены маскироваться под простых граждан? Марк уже успел запутаться.

— Времени мало. — Веер помрачнел, боевой азарт испарился. — Они могли заметить подарок. Север, собирай своих!

Названный Севером вскинул баул на плечо, но вдруг замер, вглядываясь в задымленное небо. Над крышами высоток проплыл армейский винт. Спаренный пропеллер быстро унес машину вдаль. Ещё несколько секунд глухое эхо носилось в бетонном лабиринте.

— Времени нет, — констатировал Север. — Это уже второй. С газом.

— С чем? — настороженно переспросил Марк.

— Нервно-паралитический... — Север был спокоен. — Третий и одиннадцатый сектора уже подавили. Скоро и нас...

— Бегом! — Гаркнул Веер, и группа снялась.

Последние кварталы небольшой отряд преодолел за пару минут. В воздухе проявился отчетливый запах гари. Кронекер разобрал в нарастающем шуме крики и рокот толпы. Улица закончилась неожиданно — пролетев последнюю сотню метров, группа вклинилась в человеческий поток.

— Плотнее! Заряд в центр. — Веер рассекал толпу и, не сбавляя ходу, перестраивал людей.

Русого атлета с баулом окружили со всех сторон. Марк тоже оказался зажат между своими. Сосредоточенный на движении он лишь мельком успел оценить картину. Центральная площадь сектора походила на поле брани. Тысячи людей, горы невообразимого хлама, плотная дымная завеса над остовами догорающих машин. Здешние «волнения» походили скорее на небольшую революцию — никаких требований, лозунгов и демонстраций, только жестокий бессмысленный погром.

— Бегом, бегом... — Север сбился с дыхания. — Проща передача, все уже готовы!

Вокруг становилось всё свободнее. Наконец, Марк заметил силовиков. У охраны периметра явно не хватало людей — дежурные наряды перекрыли лишь две боковые улицы у ворот. Основные силы сосредоточились по центру.

Находя дорогу между беснующимися толпами, Веер выводил группу на передний край к огромным воротам в сектор. Ограждения периметра здесь подходили близко к жилому району. Высокие стальные створки имели более двадцати метров в длину и были выполнены в виде исполинской витой решетки. Раньше они никогда не закрывались и выглядели скорее

памятником, чем реальным барьером. Но теперь, сведенные и заблокированные, они потеряли декоративный вид. Серьезности добавляли несколько армейских грузовиков и тройная стена щитов — две роты бойцов внутренних войск.

Наконец, после безумного перехода Веер вывел группу к гранитному постаменту у ворот. Футуристический памятник установили двадцать лет назад. Из многотонного гранитного пьедестала выростали стальные иглы небоскребов, тянулись вверх острые башни и вышки. Самый высокий шпиль в центре венчала огромная стальная маска — человеческое лицо с пустыми глазами. Что этот монумент символизирует, не знал никто. Но сегодня он обозначал передний край обороны — в тридцати метрах стояла стена щитов и запертые ворота наружу.

Группа остановилась у подножия монумента. Людей вокруг сложно было назвать толпой. Первые ряды находились в постоянном движении. То тут, то там вперед выбегали одиночки, в стражей порядка летели камни и самодельные пистолеты. Веер взял Марка за локоть и вытащил за собой вперед.

— Слушай сюда! Ворота видишь?

— Вижу, — тупо кивнул Марк.

— Сейчас мы их вынесем! — Веер без труда перекрикивал рокот толпы. — Откроем сектор!

— Как? Они же заблокированы... — На полуслове Кронекер начал догадываться.

Рядом упал на землю знакомый баул. Север опустился на колени и принялся расстегивать замок.

— Здесь хватит, чтобы взорвать небоскреб, — сообщил он, уже копаясь внутри.

— Запоминай! Два заряда, — Веер достал дистанционный взрыватель и начал показывать. — Первый пойдет в блокиратор, второй — под левую створку. И ещё хлопушка...

— Хлопушка?

— Два кило пластида, — ухмыльнулся Север. — Рванем первой, люди побегут. Нам тут теракт не нужен.

— Подождешь секунд десять, рванешь блок, затем створку. Понял?

— Но как это заложить? Там ведь... — Марк кивнул на стену щитов.

— Мы тоже не одни, — ухмыльнулся Веер.

Кронекер оглянулся и неожиданно заметил, что после перехода через площадь их маленький отряд успел увеличиться вдвое. Слева и справа в толпе угадывались похожие ударные группы. Наконец, Марк понял, насколько всё серьезно. Внутри шевельнулся страх — первое настоящее чувство за последние дни. Тупая боль и оцепенение стали отпускать.

Кронекер ожидал какой-то команды. Передачи по радиации или сигнального огня. Но всё оказалось проще. Из толпы выбежал очередной кожаный борец, но вместо камня в воздухе мелькнула горящая бутылка. Хлопок, и стену щитов ударила стеклянная шрапнель. На асфальте раскинулся жуткий огненный цветок — древний «коктейль Молотова» с парой лишних компонентов. Пламя едва доползло до первой шеренги, но спецназовцы зашевелились, и строй прогнулся.

Над площадью покотился многоголосый вой. Словно по команде, три смешанные ударные группы Анхи отделились от толпы и бросились к воротам. За ними качнулся весь передний край — несколько сот человек. Из-за стены щитов запоздало полетели дымовые пистолеты, заухал единственный водомет. Даже хлесткие очереди резиновых пуль на левом крае

лишь немного приостановили атакующих.

— Держись рядом! — Крикнул Веер уже на ходу.

Подхваченный общим движением, Кронекер держался в ядре центральной группы. Наверное, так начинались древние сражения. Бешенный крик, переход на бег, а затем — хруст и грохот столкновения.

Первая шеренга не выдержала натиска. Несколько бойцов Веера упало под ударами, но стена щитов промялась. Неожиданная брешь быстро превратилась в прорыв. Вышибалы, натасканные на подавление демонстрантов, уступали напору разношерстной толпы анархистов. Ещё полминуты стражи порядка пытались выровнять шеренгу, но скоро подтянувшиеся люди навалились по периметру, и строй сломался. Солдаты дрогнули и побежали. Битва очень быстро превратилась в преследование.

Марку повезло — ему так и не пришлось ввязаться в драку. Самым сложным оказалось не потерять из виду Веера. Рослый панк передвигался с поразительной скоростью. В тесноте и давке он не мог развернуть боевой цеп, но намотал его по локоть и крошил пластиковую броню руками. Именно он оказался на острие прорыва.

Когда солдаты побежали, лидер не присоединился к преследованию. Пинками и матами он собрал вокруг себя остатки группы и повел дальше к воротам. За парой брошенных грузовиков у решетки никого не осталось — командный состав и технари бежали раньше. В суматохе Кронекер не заметил, как Север исчез. Расстегнутый баул остался на земле.

— Где городской? — Веер опустил на колени и принялся потрошить сумку. — Щас здесь будет толпа!

Марк уже опустил рядом, панически вспоминая, имел ли отношение к саперному делу. Голова ещё побаливала, в памяти не всплывало ничего подходящего. За спиной послышался топот.

— Порядок. Хлопушки я поставил. — Север бросил в сумку кусачки. — Подойдут ближе — пугнем.

Веер приподнялся, взгляд скользнул по крайнему грузовику, прикинул расстояние до площади. Там уже началось движение, люди потянулись вперед слишком быстро.

— Ближе нельзя, крайних посечет. — Лидер подхватил баул со взрывчаткой. — Подрываем сейчас. Все назад!

Остатки группы — чуть больше десятка растрепанных бойцов — отпрянули назад и прижались к земле у тяжелых решетчатых створок. Марк достал взрыватель, проверил сигнал, короткая антенна вытянулась вперед.

— Давай!

Щелкнул переключатель, тишину взорвал удар — в полусотне метров брошенный армейский грузовик взлетел на воздух. Над бойцами прошла волна горячего воздуха, в ворота ударил кусок бортовой обшивки. Сверху посыпались осколки и мелкий мусор. Веер поднялся первым и сразу перешел на командирский:

— Поднялись, быстро! Север, за тобой блокиратор. Бери ребят, закладывайте! Шила со мной.

Бойцы зашевелились. Вяло и неуверенно — кого-то и впрямь оглушило. Но почти все помнили свою роль и сразу взялись за работу. Заскрежетала сталь, Север с ребятами навалились на лом, пытаясь приподнять край створки, чтобы добраться до запора. Шила сбросила куртку и полезла к мощному навесу. Марк быстро включился в общее движение и не сразу заметил, что шум толпы нарастает. Первый взрыв, испугал людей и заставил

покинуть поле боя. Кто-то даже побежал, но основная масса оправилась слишком быстро и теперь двигалась к воротам.

— Давай, вешай здесь! Время! — Веер заметил движение и заметно нервничал.

— Надо глубже, а то не сорвет. Тут два метра в бетон!

Прикидывая расстояние, Кронекер панически соображал. Выходило, что взрывная волна достанет людей. О том, как выберется группа, не хотелось даже думать. «Ассистент» на руке тревожно пискнул. Где-то шла передача на специальных частотах. Через несколько секунд рядом взвыла сирена, послышался тяжелый рокот двигателя.

В сотне метров от ворот из боковой улицы вылетела небольшая транспортная колонна. Три тяжелых армейских грузовика на скорости прошли сквозь смешавшуюся толпу. Марк в ужасе наблюдал, как широкий ковш бронированного коробка расшвыривает людей, как исчезают под колесами те, кто не успел отскочить.

Память взбунтовалась. Оторопевший Марк вдруг понял, что узнает силуэты грозной спецтехники. Первым и последним шли черные броневики для разгона толпы. Непробиваемая, огнеупорная, но все же, стандартная техника. А вот тяжелого восьмиколесного монстра Кронекер помнил только по эскизам старой документации. В центре на длинном двухосном автомобиле громоздилась мобильная атомная электростанция — реинкарнация древнего дочернобыльского проекта. Ядерный реактор внутри бронированной надстройки способен выдавать мегаватты мощности.

Пока Кронекер панически соображал, колонна добралась до нелепого монумента у ворот. Правым бортом электростанция прижалась к гранитному основанию. На крыше откинулась крышка люка, из нее показались двое бойцов. Один ловко перебрался на монумент, другой отстегнул от корпуса и протянул ему две жилы силовых кабелей.

Вопреки ожиданиям люди не поддались панике. Напротив, толпа вокруг машин озверела. Сотни людей окружили колонну, пытаясь разбить, поджечь, перевернуть. Но мобильные крепости вполне оправдывали название. В ход пошел слезоточивый газ. Ударили водометы, сбрасывая тех, кто пытался взобраться на электростанцию. Казалось, вся площадь ожила. Человеческое море качнулось, тысячи людей потянулись вперед.

— Какого хрена?! — Веер тщательно выбирал выражения. — Чего они там возьмется? Их же щас раздавят!

Кронекер напряженно вглядывался в происходящее. В голове творилось что-то невообразимое. Память выдала наверх гору бессвязных воспоминаний. Всё казалось смутно знакомым, но отчего-то приводило в ужас. Словно Марк когда-то понимал смысл таких приготовлений.

Двое бойцов закончили возиться с памятником и спрятались в бронированное нутро станции. Футуристический памятник оказался связан паутиной проводов, у основания появился изогнутый волноводный тракт. К электростанции протянулась пара питающих кабелей. Замолчали водометы, потухла сирена.

— Не нравится мне это шапито. — Неожиданно спокойно сказал Веер. — Слишком слаженно... как по нотам.

Кронекер не успел ответить. Чувства взбунтовались. По телу пробежала дрожь, волосы на коже стали дыбом. На секунду зрение схлопнулось до узкой полосы, а затем в сознание ударил слепящий поток света и боли. Установка заработала.

Люди вокруг хватались за головы, валились на месте. В несколько секунд многотысячную толпу прижало к земле, словно ураганным ветром. Разноголосый шум замер,

привычные звуки исчезли. Над площадью покатился тяжелый низкий гул.

Не в силах сопротивляться, Кронекер упал на колени, но сознания не потерял. Фонтан боли смел последние препятствия, высвобождая память. Он сам задавал параметры для «протокола подавления». И идея установить излучатель посреди площади принадлежала ему. Тогда Марк ещё не знал, что примерную модель от масштабных испытаний отделяют считанные месяцы.

— Что-о... давит. — Рядом захрипел Веер.

Шумный лидер лишь припал на колено. Марк знал, каких усилий это стоит. Они оставались в сознании только потому, что оба «вскрылись» — вырезали индивидуальные метки. Уже пребывая на грани беспометства, Кронекер вспоминал старые отчеты и наработки.

— Сейчас...

Тело почти не слушалось. Марк словно со стороны наблюдал, как поднимается правая рука, как вместо резкого удара, она легко хлопает о левый локоть. Слишком слабо. Из последних сил Марк поднялся на ноги и бросил себя вперед, изворачиваясь на левый бок. Маневр удался — падение пришлось на покалеченный сустав. Руку обожгло болью, разошлись свежие швы, рукав быстро пропитался кровью. Выход оказался прост. В состоянии близком к болевому шоку восприимчивость падает. Резкая боль сняла оцепенение, Кронекер поднялся на ноги и потянулся к Вееру.

— Сейчас полегчает...

Цепкие пальцы словили стальную серьгу и рванули на себя. Веер дернулся и зашипел. Через мгновение Марк получил удар в челюсть. К счастью, не сильный. Несколько секунд перед глазами плавали черные пятна. Но потом голова прояснилась. Когда Кронекер пришел в себя, Веер уже стоял на ногах и безумно озирался.

— Какого... Что они творят? — Лидер с трудом связывал слова.

— Подавление. — Выдавил Марк.

— Валить надо... — Веер осекся.

Остатки группы лежали на земле, как мертвые. Меченых среди бойцов не было, но тут сыграла расплывчатая «морально-волевая устойчивость». Трепыхался только Север, но и его глаза были пустыми.

— Не выйдет, — вздохнул Кронекер. — Мы сорвали первое оцепенение, через минуту нас накроет.

— Откуда ты... — Веер растерялся. — Что делать?

— Не знаю. — Марк глубоко вдохнул и осмотрелся, в затуманенном мозгу мелькнула безумная мысль.

Следующая минута осталась в памяти десятком расплывчатых кадров: знакомый баул, безумное лицо Веера, заваленная телами площадь. Кронекер пришел в себя под окрик:

— Ложись! — Веер спрыгнул с постамента и сбил оцепеневшего Марка с ног.

Грянул взрыв. В воздух ударила гранитная шрапнель. Мощный заряд разворотил основание, наружу показалось разбитое электронное нутро антенны.

— Валим, валим!

В каменной крошке, с разодранным ухом и оплывшей скулой Веер походил на безумца. Но Марк видел искру разума в глазах, чувствовал, как разжимаются невидимые тиски. Шумный лидер пришел в себя. Пора выбираться.

Часть 2 Сенсеры. Глава 8 Цель

— Давай проясню ситуацию! — Затрещал воротник, крепкие руки прижали меня к стене. Невысокий бородатый мужичок оказался не расположен к разговору.

— Остынь, Князь. Он не понимает. — За меня вступился Соломон — академического вида лысый старичок в медицинском халате.

— Вижу, что не понимает! — Князь все ещё кипятился, но хватку ослабил. — Полезли днем через барьеры, да из закрытого сектора. — Он метнул грозный взгляд в притихшую Соньку. — И напрямик сюда!

— У нас не было времени, — оправдывалась Сонька. — Он уже плывет, нужна химиотерапия.

Она говорила правду. Последние двенадцать часов приступы следовали один за другим. Надо мной рвались небеса, под ногами горел асфальт, вокруг, как домино, валились многотонные высотки. Подогретая психозом фантазия выворачивала на меня свои плоды. Даже в минуты просветления я сомневался в реальности окружающего. Когда Сонька довела меня до базы сенсеров — основания старой ретрансляторной вышки на окраине жилого кольца — я едва различал верх и низ.

— Всё верно, химия будет. — Старик явно никуда не спешил. — Но для начала кое-что проясним...

Я молчал. Голая бетонная стена за спиной Соломона задрожала, плиту перечеркнули несколько трещин. Через секунду метровый кусок бетона беззвучно провалился вглубь. В черном провале показалось знакомое пространство, но без единого символа во тьме. Соломон перехватил мой безумный взгляд, оглянулся.

— Стена? — Перевел взгляд на меня. — Спокойно, здесь уже ничего нет. Вышка давно не работает.

Плиты сошлись плотнее, дыра затянулась, тесная комната обрела целостность. Голос вернулся, и я нервно выдохнул:

— Что это... было?

— Рубец на оболочке. След старого разрыва, — буднично пояснил Соломон. — Ты заметил сам. Значит, потенциал у тебя есть.

— Что это значит? — Я начал приходить в себя.

Соломон вздохнул:

— Как твое имя?

— Юра...

— Юрий, ты понимаешь, кто мы? Кто ты?

Я покачал головой.

— Тогда, немного теории. — Соломон вступил сухим академическим тоном. — Сенсер есть человек, способный чувствовать изменения информационной оболочки пространства, возмущения торсионных, электромагнитных и других полей, следы искусственного вмешательства в ноосферу. — Выдержал паузу, давая возможность переварить услышанное. — Чувствительность и способности к воздействию — результат интенсивной работы нервной системы... высокого КПД мозга, если хочешь. Но дается это не просто так.

— Получается какой-то экстрасенс, — растерянно предположил я.

— Затертое слово... — поморщился старик. — Сверхчеловек. Может новая ступень

эволюции, но скорее тупиковая ветвь, деградирующее звено. Ты не дослушал...

— Не вываливай всё сразу. — Грозный Князь странно посмотрел на меня, в глазах мелькнуло сочувствие. — Тронется еще.

Непонятно, что испугало меня больше: тон Соломона или беспокойство со стороны бородатого крепыша. Я вопросительно уставился на старика. Тот вдруг взорвался:

— Нет, объяснять надо сразу! Чтоб не возникало дурных иллюзий!

— Он ведь не в себе, — Сонька говорила без особой надежды, она знала старика. — Пусть сначала охимичится, риск меньше.

— А ты вообще молчи. Я твои подавляющие слышал ещё на границе сектора. — Голос Соломона зазвенел, как сталь. — Иди, смешай концентрат, сегодня понадобятся твои способности.

Сонька покорно последовала в соседнюю комнату. Сквозь проем я увидел длинный стол, заставленный лабораторным стеклом, растворами и порошками. Чуть дальше — широкое окно и несколько ярусных коек.

— А ты вернись за компьютер и проверь возмущения в тринадцатом.

Князь пробурчал что-то неразборчивое и оставил нас. Больше на маленькой базе не было никого. Очередь дошла до меня:

— Идём. — Соломон взял меня за локоть и повел к лестнице наверх.

Бетонные ступени вывели нас на крышу. Серый двухэтажный коробок, казалось, потерялся на окраине огромного мегаполиса. Зеркальные стены высотных корпусов смотрели на запад. Жизнь начиналась там. Скелет старой вышки раньше оправдывал унылое строение. Теперь ржавые ребра над головой выглядели скорее укором.

В паре километров виднеются заграждения внешнего периметра. За ними начинается огромная пыльная равнина — тень озоновой дыры. Сквозь неё строго на восток уходит лишь один путь. Восточная магистраль, дорога жизни на пограничный Полис-12 — последнюю часть ядерного щита страны.

Первые шаги дались легко. Небо осталось просто небом. Грязным и задымленным, но целым. Сквозь мутные разводы наверху даже угадывался бледный силуэт солнца. День ещё не перевалил за середину. Внутри мелькнула надежда, что последние сутки мне только приснились.

— Все нормально? — Бросил Соломон. — Горизонт на месте?

Я кивнул.

— Давай за мной.

Сутулый старик шагнул к хлипкой технической лесенке и уверенно полез на вышку. Я растерялся, но спустя мгновение последовал за ним. Вскоре мы уже стояли посреди продуваемой обзорной площадки на высоте трех десятков метров. Холодный ветер ударил в грудь, прохлопал одежду, вытягивая тепло. Я одернул ветровку, накиннул капюшон. Следующий порыв принес острый запах газа — знакомое дыхание Полиса.

— Много они понимают, — пробурчал Соломон. — Ты должен продержаться, как можно дольше. Значит, не время жалеть себя. Смотри!

Он легонько коснулся моего виска, и в голове рухнул невидимый барьер. Мир поплыл. Небо пошло мутными разводами, на дымной завесе проступили трещины. Над крышами далеких небоскребов закрутились гигантские темные воронки. Весь мир исказился, словно отраженный в кривом зеркале. Старик, между тем, вещал:

— То, что ты видишь — следы. Мы уродуем оболочку мира. — Он глянул на меня. —

Нет, не именно мы. Человечество, в ходе развития.

— Почему я вижу так? — Я с трудом перевел дыхание. Сердце билось где-то под кадыком. — Что это значит?

— Сейчас ты на грани. Воспаленный мозг пытается перевести это, — он махнул рукой, — в приемлемую для восприятия картинку, используя твой эмоциональный опыт. Нервное расстройство делает тебя более восприимчивым.

— Откуда...

— Знаю, — оборвал Соломон. — Слушай дальше. Как я сказал, это не дается даром. Мы горим. Нервная система не держит таких нагрузок. Жёсткие химикаты, инъекции ингибиторов тормозят процесс... — Он глубоко вдохнул. — Но спокойной старости не будет.

Пришло мистическое спокойствие. С неизбежным я уже смирился, а теперь мне предлагали время. Я даже испытал легкое облегчение. Тихо спросил:

— Сколько?

— Пять-семь лет, — выдохнул старик. — Потом полный распад личности, безумие. Или цирроз печени и разложение органов, если налегать на химию. Но это реже.

— А вы? — Я присмотрелся к Соломону, он казался старше меня лет на сорок.

— Я раскрылся поздно. — Его голос стал бесцветным, взгляд устремился вдаль. — И мое время на исходе.

Я не успел ничего сказать. Меня коснулось холодное дыхание. Я прикрыл глаза и через секунду ощутил направление. Центр Полиса, на стыке промышленных районов. В памяти проявились спутниковые снимки: старый город, исполинская железобетонная мачта — ветхая телебашня, по сей день самая высокая в мегаполисе. Я повернулся на запад, пытаюсь найти знакомый силуэт, и замер. В небе над высоким шпилем зиял жуткий разлом. Внутри клубится и мерцает тьма, острые края врезаются в задымленную небесную плоть. Не обращая внимания на плывущую реальность, я потянулся к нему. Не зрением, а скорее новым чутьем.

Пустота и темнота, словно я заглянул в пропасть. Страх схватил за горло, сердце забилось в истерике. Ноги подкосились, и я начал оседать на ржавый пол площадки. Соломон успел подхватить меня.

— Спокойно, сейчас отпустит.

Костлявая ладонь коснулась моего лба. Ещё несколько секунд я пребывал на грани беспомощности, но потом слабость прошла. Я стал на ноги и осмотрелся. Мир обрел прежние краски, морок уступил место реальности. Надрыв не исчез, но его бездна больше не грозила поглотить меня. Черные воронки и трещины в небе потеряли четкость, стали размытыми.

— Ты сопротивляешься, — выдохнул Соломон.

— Я... что?

— Плохо поддаешься прямому воздействию. — Старик выглядел уставшим, на морщинистом лбу проступил пот. — Но смотришь правильно. Этот надрыв — чудовищных размеров аномалия. Он и есть наша цель.

— Цель? Что это вообще?

— Работа корпорации. Масштабный проект. — Соломон посмотрел вдаль. — Год назад УВБ закрыло старый центр города. Начались какие-то работы на телевышке. Мы не знаем, что там творится, вся информация закрыта. Но... — Он перевел дыхание. — Месяц назад пространство вокруг башни словно взбесилось. Жёсткое электромагнитное излучение,

преломление торсионных потоков... информационный коллапс! Семеро сенсоров погибли, ещё двенадцать тронулись умом, пока мы научились, как следует закрываться, подобрали нужные препараты. — Соломон старался говорить бесстрастно, но на морщинистом лице застыла боль. — Подобные возмущения, правда, меньших масштабов замечены в беспокойных секторах. Я ещё не подогнал научную основу, но, похоже, корпорация затеяла какие-то испытания.

— А что с остальными? Как реагируют обычные люди? — Я неожиданно сильно проникся бедой, словно сам знал пострадавших.

— Простые люди менее восприимчивы. — Старик задумался. — Сотня несчастных случаев, пара производственных аварий. Ты, наверное, слышал. Хотя... — он уперся в меня взглядом, — это лишь вопрос времени.

— Почему?

— Юра, пойми, это лишь начало! Они настраиваются. — Соломон поежился, запахнул плотнее тонкий халат. — Прошла информация, в черте Полиса запускают новую атомную подстанцию. Мы думаем, для питания этой установки.

— Если она заработает на полную мощность... — Мне стало страшно. — Соломон, что тогда?

— Мы сгорим. — Сухо ответил старик. — А население Полиса... даже не берусь предположить. Теперь ты понимаешь?

Я неуверенно кивнул. Слишком много свалилось на голову. Новые способности, непонятные сенсоры, к которым я теперь принадлежу, пугающе глобальные планы корпорации. Я неожиданно стал частью невидимого противостояния. Сложно и страшно, но я чувствовал в себе силы. Много стало на места, в голове выстраивались новые последовательности. А главное — появилось время. Пусть немного, но всё же больше, чем считанные часы. Когда-нибудь я смогу вернуться к Древу. Жаль только рухнула уютная иллюзия, развалился навсегда прежний мир.

— Надо спускаться. — Сказал Соломон. — Я погасил приступ, но это временно. Тебе нужны кое-какие лекарства.

Я глянул на город новыми глазами. Он стал агрессивнее, краски немного выцвели, кое-где наметились новые аномалии. Но это всё ещё мой дом. Я должен сохранить его, пусть даже таким.

— Идем. — Лестница скрипнула под сапогом, я начал спускаться.

— Синусный ритм восстановлен... — Слова тихим эхом прошли в голове. — Дыхание есть, сатурация растёт.

Это Соня. Голос спокоен, никаких эмоций. Так может говорить хладнокровный хирург, но не хрупкая девушка. Чего ещё я о ней не знаю?

— Отлично, сейчас разбудим. — Соломон звучал человечнее, голос выдавал усталость. — Кровь в камеру, состав глянем позже. Давай нашатырь.

Резкий запах легко вырвал меня из забытья. Нехитрая рецептура аммиачного раствора не меняется уже сотню лет.

— Три с половиной минуты, — констатировал Соломон. — С возвращением, Юрий.

Глаза открылись, показался грязновато-серый потолок, шов между плитами. Спина чувствовала что-то твердое, похоже, я лежал на столе. Тело казалось деревянным, мышцы застыли, но голова была ясной. «Холодный ум и чистые руки», — всплыло в памяти. Я с

трудом разлепил губы:

— Куда?

— В реальный мир, — усмехнулся старик, снимая резиновые перчатки. — Последний этап химии предполагает кратковременную клиническую смерть.

Я похолодел. Теперь и в переносном смысле. Затекущее тело напряглось, мышцы судорожно сократились, вспоминая свою работу. С третьей попытки я сел, осмотрел себя. Из одежды — мятая майка и джинсы, на руках следы уколов и укусы инъектора.

Комната оказалась чем-то средним между лабораторией и операционной. База была слишком мала, сенсоры не могли позволить себе лишнее помещение. Ровно, как и оборудование: рядом со столом ютился старый медицинский терминал, а у стены — стойка тусклых неоновых трубок — древний кварцеватель приспособленный под лампу.

— Вы могли сказать раньше? — я попытался возмутиться.

— Смысл? Ты был на пределе. — Соломон не собирался оправдываться. — Лишние нервы — риск.

Я не нашелся, что ответить. Ноги коснулись пола, я влез с сапоги и сделал несколько шагов. Тело слушалось отлично, ссадины на ребрах словно исчезли. Усталость, страх, нервы — всё испарилось. Хаос и перевозбуждение сменила поразительная ясность ума.

— Как себя чувствуешь? — Соня открыла маленький холодильник.

— Как будто выпался. Дикое ощущение, — признался я.

Из камеры появилась бутылка воды, на ее место стала батарея пробирок.

— Так и есть. — Она улыбнулась. — Ты провалялся почти сутки.

— Сколько?!

Я подхожу к единственному окну, раздвигаю пыльные жалюзи. В глаза бьет тихий утренний свет. Несколько секунд смотрю на облачное небо, в надежде найти солнце. Бледный пятячок висит высоко, но день ещё не перевалил за половину.

Пыльная улица перед зданием пуста. Пригород живет, но жизнь эта начинается дальше, за стеклянными стенами высоток, в руслах тесных улиц и проспектов. Чувствуется настороженность. Может, помогает нездоровая фантазия, а может новообретенные способности, но мне кажется, что сектор затаился. Здешние жители не выходили на улицы, не устраивали демонстраций и погромов. Но слухи о беспокойных соседях ползут сквозь кордоны и оцепления подобно заразе.

— Слишком тихо, верно? — Голос Соломона вырвал меня из оцепенения. — Ничего не чувствуешь?

Я неуверенно мотнул головой.

— Ничего, скоро проснется. — Пообещал старик. — Как самочувствие? Ничего не слышишь?

— А что должен? — насторожился я.

— Ну... голоса там разные. — Соломон сделал серьезное лицо. — Стихи на латыни задом наперед?

Я прислушался. Услышал гудение кварцевателя, стало только страшнее.

— Привыкли руки к топорам, — улыбнулась Сонька. — Шутит он.

— Смешно, — с каменным выражением ответил я.

— Ладно, теперь серьезно. — Тон старика неуловимо изменился, в комнате словно потемнело. — Состав крови мы немного поправили, ввели новые составляющие. Частота сердцебиения теперь меньше... — он на секунду задумался. — Сорок ударов в минуту, так

что не пугайся. Температура метаболизма упала на градус, надеюсь, ты не против.

— Зачем? — Глупо спросил я.

— Чтоб ты растением не стал, — отрезал старик. — Это сопутствующие изменения. Необратимые. И ещё...

Соломон опустил руку в нагрудный карман. На свет появился широкий металлический браслет. На полированной поверхности только мертвый квадратик дисплея. Никаких кнопок, переключателей, надписей. Не похоже, что мне решили вручить именные часы. Соломон поймал настороженный взгляд.

— Нет, это не маячок, — устало отмахнулся. — Нас слишком мало, мы чувствуем друг друга без всякой электроники. Скоро научишься. К тому же глупо — один ты уже достал.

Я невольно коснулся шрама над запястьем.

— Слушай внимательно. — Сонька взяла браслет, подошла ко мне. — Это таймер. Он берет пробу крови, считает время до следующей очистки.

— Следующей?

— Химию нужно проходить каждые семьдесят два часа, — пояснил Соломон. — Иначе растворяются тормозящие вещества, возвращаются приступы. Дальше по списку: безумие, кома, смерть. В общем, — старик невесело усмехнулся, — следи за временем.

Без лишних разговоров Сонька словила меня за руку. Я почувствовал холод металла, на левом предплечье закрепился стальной манжет. Оказавшись на руке, наручник ожил, на дисплее забегали цифры. Через секунду я почувствовал укол, рука непроизвольно дернулась.

— Он нашел вену, — успокоила Соня. — Иглы тонкие, скоро привыкнешь.

— Иглы? — Поморщился я.

Включился Соломон:

— Внутри запаяны три ампулы с ингибитором. Если опаздываешь с химией — делай инъекцию. Каждая доза дает семь часов.

— Как им управлять? — Я присмотрелся к абсолютно гладкой поверхности.

— Напрямую, — Соломон коснулся виска. — Скоро поймешь.

Я хотел что-то спросить, но отвлекся. В пространстве наметился посторонний звук. Высокий свист на пределе слуха. Тихий, но вполне различимый. Ничего особенного, но почему-то казалось, что я слышу его не ушами.

— Так должно быть? — Я надеялся на очередное логичное объяснение.

— Что? — Соломон прищурился.

— Свист. Высокий... — Я поморщился, определяя направление, но звук пропал.

В соседней комнате послышался грохот, в коридоре раздались торопливые шаги. В операционную влетел возбужденный Князь.

— Есть! Передача от Соколова — на Северной точке подняли автопарк, готовят колонну.

Восторгов я не понял. Северная точка — место дислокации зенитно-ракетного полка. Десять километров за чертой Кольца. Ничего хорошего оттуда прибыть не могло.

— Куда идут? — помрачнел Соломон.

— Не знаю. — Князь мотнул головой. — Но серьезные беспорядки сейчас только в восьмом и тринадцатом секторах. Упускать нельзя!

— Это опасно! — Вскинулась Сонька. — Прошлый раз Кима не вытащили...

— Ким был слабаком и полез туда сам! — Отрезал Князь.

— Тебя бы на его место!

— Я и собираюсь. — Князь вдруг понизил голос. — Второго шанса может не быть. А если мы не разберемся, то скоро все пустим кровавые слюни... — он осекся.

Сонька молчала. Строгое лицо, сжатые кулачки — гордо, но не убедительно. Я видел бледность, глубокие тени, красные глаза. Знакомый вид — вторые сутки на ногах. Внутри что-то шевельнулось. Я вдруг понял, что жалею её.

— Князь прав, — обронил Соломон. — А теперь тихо.

Старик на секунду прикрыл глаза.

— Никого из наших в секторе нет. — Повернулся ко мне. — Князь, бери Юру и бегом в осколок. Транспорт я организую.

Князь бросил на меня взгляд, тихо ругнулся.

— Ладно, идем.

Мы заскочили в соседнюю комнату. Я натянул ветровку, зашнуровал сапоги. Князь влез в темно-серый комбинезон рабочего метро, стянул бороду в тугий хвост. На плече появился худой рюкзак, на лбу — аккуратные сварочные очки.

— Для солидности, — ответил на мой взгляд.

Уже спускаясь по ступенькам, я решил спросить:

— Сектор изолирован, как мы внутрь попадем?

— У нас свои методы. На месте посмотрим.

— Соломон много говорил... — я решил предупредить, — но я ведь ничего не умею ещё.

— Ничего, я тебе устрою курс молодого бойца, — пообещал Князь. — Времени нет. Учиться и практиковать будешь на ходу.

— Стресс-обучение, — буркнул я.

— Слышал о таком? — Он злорадно улыбнулся. — Смотри по сторонам и слушай себя.

Чую, ты редкий псих. Разберешься быстро.

Наружу мы выбрались через узкую дверцу подвала. Со стороны база сенсоров оказалась неприметным двухэтажным коробком. Стоящая рядом вышка давно не работала, и здание казалось заброшенным. На улице никого не было, через сотню метров дорога упиралась в тупик.

После марш-броска длиной в три квартала мы вышли к станции метро. Отрезанные от основного метрополитена Пустошью, два десятка станций под Кольцом образовали ломаный круг. Но из-за беспорядков в городе некоторые сектора изолировали. Между остальным ограничили сообщение. Местное метро остановили, станции закрыли до восстановления порядка.

— Нам туда.

Князь свернул на ступеньки и стал спускаться. Перед закрытыми дверьми в подземную часть мы остановились. Темноту за стеклом разгоняла пара дежурных ламп, в полутемном переходе никого не было.

— Веди себя естественно, — буркнул Князь и замолотил в дверь.

Я сделал лицо совком и не стал ничего спрашивать. Через пару минут по ту сторону двери мелькнул фонарь, на шум явился дежурный. Сквозь стекло послышался глухой мат — работник метрополитена просил нас удалиться. Князь помахал ему и зашевелил губами, словно разговаривая с глухим. Мужчина подошел к двери:

— Закрыто!

Князь продолжил свою пантомиму: указал дежурному на комбинезон, потряс рюкзаком

с воображаемыми инструментами. Я стоял рядом и старался сохранять серьезное лицо. Наконец, у дежурного закончилось терпение, и он принялся отпирать замки.

— Телекоммуникации, говорю! — заорал Князь в открывшуюся дверь. — Профилактика... вам же звонили!

— Кто звонил? — глупо заморгал мужчина.

— Ну, из коммунального. Вот читай. — Князь протянул какую-то визитку.

Дежурный потянулся за карточкой. Князь схватил запястье, притянул к себе. Затем коснулся ладонью его лба. Мужчина дернулся, но ничего сделать не успел. Глаза закатились, тело обмякло и повалилось на пол. Я почувствовал легкий откат, волосы на коже шевельнулись.

— Хех, сегодня я в форме, — улыбнулся Князь.

— Что с ним? — Я спросил будничным голосом — за сутки выбрал месячный запас удивлений.

— Шок. Он без сознания. — Князь приоткрыл дверь и перешагнул дежурного.

Я не испытывал особых угрызений совести, но всё же проверил пульс. Пока Князь запирает дверь, я оттащил пострадавшего к стене.

— Жалко, что ли?

— Обычный человек. Он здесь не при чем.

— Угу, ни при чем, — буркнул Князь. — Потом покажу тебе концентратор. Посмотришь, как эти обычные люди других обычных людей...

Мы уже шагали по коридору, свет фонаря бегал вдоль стен.

— Они вынуждены, — я пытался оправдать. — Работать, подчиняться, чтобы жить. Это система.

— Дело не в системе, — вздохнул Князь. — Корпорация — просто очередное олицетворение. Они даже назвались Лик. Глупый президент, вождь-тиран, кровожадный царь... бред! Это все мы. Каждый из нас.

Скоро мы добрались до эскалатора. Местная подземка уходила неглубоко, но спускаться пришлось в крошечной тьме, с единственным фонарем. Боязнь темноты в список моих фобий не входила, но от бездны внизу становилось жутковато. Эхо шагов отражалось от высокого свода, рождая новые звуки. Я решил заговорить:

— Как ты это сделал?

— Что?

— Как вырубил дежурного? Ты ведь едва коснулся.

Князь довольно хмыкнул и пояснил:

— В твоей голове — пропасть страшнее Великого каньона. Нужно просто показать.

— Расплывчато, — поморщился я. — Как это сделать?

— Идешь на контакт, — начал Князь. — Не обязательно руками, главное, глаза видеть.

И вспоминаешь... да любой вчерашний приступ! Аккумулируешь эмоции и вываливаешь на счастливец. Только поярче, с подробностями.

Последнее было лишним. Я до мельчайших деталей помнил каждый бунт сознания. После соломоновой токсикации память стала послушным инструментом. Казалось, слюит лишь захотеть, и на меня снова рухнет железобетонный свод. Взгляд невольно скользнул вверх, я поежился.

— Вспоминай, вспоминай. Скоро пригодится, — пообещал Князь.

Скоро лента эскалатора закончилась, я запнулся, не найдя в темноте очередной

ступеньки. Князь пробежал фонарем по пустому залу и направился в сторону тёмного перехода. К моему удивлению над краем платформы горели несколько фонарей. Тусклый свет с трудом доставал из темноты половину станции, но привыкшие глаза сразу выхватили метровый провал и отблеск на рельсах.

— Отлично, Соломон добрался до аварийного. — Мой спутник повеселел. — А те броди здесь в темнотище...

Я всё ещё не понимал, что мы ищем в застывшей подземке, но беспокоить умудренного спутника было стыдно. Князь остановился посреди платформы и прикрыл глаза, словно прислушивался. Не желая ему мешать, я отошел на край и всмотрелся в черноту тоннеля. Мелькнуло легкое головокружение, что-то стиснуло виски. Принимая правила игры, я прислушался к ощущениям, стал осматриваться.

— Давит? — послышалось за спиной.

— Немного, — ответил я. — Что это?

Зашаркали ботинки, бородатый сенсер стал рядом.

— На той шине, — он указал на рельсы, — примерно киловольт. Тронешь — пепел в газетку и по ветру.

— Теперь я буду слышать напряжение в сетях? — глупо спросил я.

— А ещё всю радиоаппаратуру, магнитное поле Земли и некоторые вспышки на Солнце. — Его тон оставался серьезным. — Привыкай.

Послышался нарастающий шум. Из туннеля донесся глухой перестук и чавканье водяного насоса.

— А вот и такси. Готовься прыгать.

Ну конечно. «Ёрш» — подземный пылесос на электрической тяге. Похоже, Соломон влез в систему управления составами и пустил по ветке техническую платформу. А ведь я не рассмотрел в неприметном старичке компьютерного гения и опытного взломщика. Обидно.

«Ёрш» двигался медленнее обычных электричек, но останавливаться на станции не собирался. Когда он поравнялся с платформой, Князь схватил меня под локоть и толкнул вперед. Я даже не успел испугаться. Просто шагнул в пустоту, а затем вцепился в железную скобу на борту. За спиной стал Князь. У него вышло куда проще, словно он сел в лифт, а не оседлал пыльный подземный паровоз. Сходство с древней машиной усиливала пузатая цистерна моющей смеси. Пришлось прижаться к её грязному боку — подземный тоннель не отличался шириной.

— Держись крепче! — Князь перекрикивал шум компрессора. — Сейчас быстрее пойдём!

Нелепый вагон действительно стал набирать скорость. Наверное, стараниями Соломона. Спертый воздух ощутимо ударил в лицо. Платформу несколько раз тряхнуло — электродвигатель развил предельную мощность.

Дорога пролетела быстро. Мимо пронеслись одиннадцать полутемных станций и три сотни тусклых осветителей. Я старался занять внимание счетом, чтобы не думать о скорости, не замечать мелькающие углы. После очередного толчка раздался скрежет тормозов, вагон пошел тяжелее. Я прикинул расстояние. Сотня метров. До следующей станции сбросить скорость мы не спеем.

— Когда поравняемся с платформой, толкайся ногами сильнее, — советовал бородатый спутник. — Подбородок к груди и руки... — он замолчал.

Через секунду мы вылетели из тоннеля.

— Пошёл, пошёл!

Вместо контролируемого падения мы кубарем полетели на гладкие плиты станции. Из-за скорости прямого удара не вышло. Нас закрутило и выбросило на середину платформы. Через полминуты, когда мир перестал вертеться, я отыскал глазами попутчика и спросил:

— Это нормально? Вы всегда так...

— Нет. — Князь, пошатываясь, стал на ноги. — Что-то намудрил Соломон. Ладно, вставай. Время.

Пусть наверх оказался не таким стремительным. Застывший эскалатор и четыреста одна мертвая ступенька напомнили о слабости и несовершенстве моего тела. Князь тоже едва держался на ногах, но когда мы выбрались, не дал даже перевести дыхание.

— Время, время. — Он задыхался, но почти бежал вперед. — Тяжелый воздух... чувствуешь?

Я кивнул. Непонятная тяжесть, почти ощутимое давление проявилось, только мы выбрались наверх.

Наземная часть станции в тринадцатом секторе строилась открытой. Узкий бетонный козырек едва доставал за край эскалатора. Мы вышли прямо в жилой квартал, в начало узкого проспекта между стеклянными стенами корпусов. У меня перехватило дыхание, несколько секунд я ждал, как воспаленное сознание преломит две огромные зеркальные стены. Но вокруг всё осталось на местах.

Не сверяясь с картой, Князь уверенно выбрал направление. Но едва мы сделали несколько шагов, как в стороне послышался стеклянный звон. Нам наперерез выскочили четверо камуфлированных бойцов. Случайный патруль. Один вскинул дистанционный шокер и выстрелил. Два острых электрода впились в грудь Князя, затрещала батарея. Но шумный сенсер не упал. Он глухо зарычал, крепкие ручищи вцепились в нити проводов. Через мгновение шокер в руках стрелка заискрил, потянуло паленой пластмассой. Сам боец повалился на землю в конвульсиях. Его товарищи даже не обратили внимания на потерю. Слобно программированные боты, они одновременно выхватили дубинки и бросились на Князя. Тот успел хватить одного безумным касанием, но пропустил удар и повалился на землю.

Я не питал иллюзий, что смогу тягаться в драке с двумя силовиками. Дальнейшее было скорее интуитивно. Я вспомнил один из последних приступов. Уже на бегу погружая себя в горящую фантазию, вцепился в ближайшего бойца и вывернул всё на него. Двухметровый верзила дрогнул от моего прикосновения. Я уже чувствовал, как он теряет равновесие, заваливается на спину. Но за спиной послышался шорох, и тяжелый удар бросил меня на землю.

К горлу подкатила тошнота. Хватая воздух, я перевернулся на спину. Рядом мелькнул тяжелый армейский сапог. Надо мной занеслась рифленая подошва, но в этот момент нас накрыло. В сознание ворвался тяжелый низкий гул, словно меня посадили в колокол. Мощные волны и вибрация пронизывали насквозь, хотя я понимал, ничего общего со звуком они не имеют. Перед глазами плыло, но я все же заметил, как фигура в камуфляже качнулась и осела.

Наверное, я переносил неведомый удар лучше. Тело не слушалось, но и сознание до конца не гасло. Пытка продолжалась чуть меньше минуты и закончилась так же неожиданно, как началась. Ещё некоторое время я пытался прийти в себя. Несколько раз поднимался, но непослушные ноги отказывали.

Пребывая на грани беспамятства, я отстраненно наблюдал, как по улице бредут странные люди в кожано-джинсовых лохмотьях. Как пытаются преградить им дорогу шатающиеся бойцы в камуфляже. Сложно было назвать это дракой или прорывом, но оборванные неформалы кое-как разбросали полуживых стражей порядка. Особенно выделялся лидер — рослый панк в длинном плаще. Было видно, именно он ведет группу. Наполовину выбритый череп, тяжелая цепь — всё уже было. Я попытался вспомнить, но усилие ввергло меня во тьму. Когда я вернулся, не заметил вокруг никого. На мгновение даже показалось, что это галлюцинация.

Сознание быстро прояснилось. Зрение обрело резкость, вернулись звуки и запахи. Я поднялся на ноги и осмотрелся. Мусорные неформалы ушли, а никто из битых стражей порядка угрозы не представлял. Внимание привлек тихий стон. Рядом поднялся на колени Князь. В меня уперся затуманенный взгляд:

— Мы опоздали... — произнес он.

— Похоже на то. — Я ещё раз осмотрелся. — Князь, что это вообще было? Зачем мы здесь?

Он схватился за голову, и тихо зарычал.

— Они сделали это... опять. — Встал на ноги. — Надо идти, срочно.

— Куда?! — Я не выдержал. — Объясни толком...

— Бегом! — Князь бросил рюкзак и сорвался с места.

Пришлось последовать за ним. Сумасшедшая гонка продолжалась несколько минут. Следуя жуткому предчувствию, мы молча одолевали квартал за кварталом. Когда сердце уже готово было выскочить из груди, улица оборвалась. Мы выскочили на открытое пространство и остановились, словно пораженные молнией.

Огромную площадь скрывал живой ковер из тысяч тел. Не поле боя, а скорее массовое захоронение. Большинство людей подавали признаки жизни — шевелились, ползали, словно разбитые параличом. Возле высоких секторных ворот исходил черным дымом остов монумента. Из расколотой гранитной плоти торчали обгоревшие прутья и трубки волноводов, искрило электронное нутро. Вокруг замерли несколько бронированных машин. Прямо у постамента — разбитый взрывом двухосный монстр подвижной электростанции.

— Теперь ты видишь? — Князь зарычал. — Видишь, что мы должны остановить?!

Глава 9 Старый знакомый

Раньше это называлось степью. Но за полсотни лет огромное пространство к югу от шестого полиса утратило гордое название. Прохладный континентальный климат остановил формирование пустыни, но остатки воды ушли в землю или испарились. Сотни квадратных километров серой земли под озоновой плешью стали походить на безжизненные лунные поля. Не хватало лишь десятка древних кратеров и забытого в прошлом веке лунохода. Холодное весеннее солнце едва встало над горизонтом, обещая длинный день.

Стремительной пулей сквозь равнину летит приземистый автобус. Восемь колес и мощный спаренный дизель несут машину с крейсерской скоростью, оставляя позади тяжелый пыльный шлейф. Марк лежал в глубоком кресле и смотрел на несущийся мимо пейзаж. Это успокаивало. Бесконечная серая пустошь нравилась ему больше стеклянных стен и бетонных башен полиса. Она походила на море — великая и безмятежная, раскинувшаяся далеко за горизонт. Ей нет дела до десятка маленьких человечков, пересекающих её плоть в железной коробке. Взгляд устремился вдаль, скользнул по случайной каменной гряде. Кронекер тихо вздохнул. За три года вокруг ничего не изменилось.

Марк потянул рукав комбинезона и коснулся наручного терминала. Дисплей ожил, на крохотном экране появился кусочек карты с мигающей отметкой — старенький Ассистент умудрился связаться с пролетающим спутником. До прибытия ещё четверть часа. Волноваться рано, поворачивать поздно. Марк откинулся на спинку и мысленно вернулся к недавнему разговору. Перед глазами встали стены подземного бокса, проявились тени от единственной неоновой трубки. В голове прозвучал обрывок собственной речи:

— Вы не понимаете. Смысл в том, чтобы запрограммировать всех! — Голос срывался на крик, Кронекер терял самообладание. — Прогнать каждому мозги, загрузить алгоритм существования. Идеальное общество...

— Сейчас это оружие, — холодно оборвал собеседник. — Далеко идущие планы корпорации нас не интересуют.

— Но это же тотальный... — Кронекер осекся под пронзительным взглядом.

Сидевший напротив мужчина выглядел хрупким, даже слабым. Бледное лицо и тени под глазами выдавали нервную работу и постоянное недосыпание. Но смотрел он так, словно прищипливал жука к картонной бирке. В застывших глазах читалась воля и холодный расчет. Кронекер кожей чувствовал опасность.

— Анхи — новая генерация. Мы давно уже не сборище разрозненных банд. У нас не хватает сил. — Он устало вздохнул, пронзительный взгляд потух. — Но для борьбы нужны не только ресурсы.

— Не совсем понимаю... — тихо начал Марк.

— Информация! — В голосе появились стальные ноты. — Чтобы бороться с корпорацией, мы должны знать, что творится вокруг шестого полиса. Должны разобраться с этим новым пси-оружием. Разобраться или взять под контроль. — Мужчина поднял тяжелый взгляд. — А вы провели много лет внутри структуры.

— Теперь я никто, — обронил Марк. — Меня вытерли... почти.

— Я в курсе вашей истории. Знаю, чего вам стоило спасение.

Кронекер решил промолчать. Он начинал понимать, куда придет беседа.

— Вы умный человек, Маркус. Должны понимать, как невелик ваш выбор.

— Это угроза? — Очнулась гордость, Кронекер привстал.

Собеседник усмехнулся:

— Мы можем просто не помогать. Выведем вас на поверхность в черте полиса и оставим. — Улыбка исчезла. — Далеко уйдете?

— Нет. — Зачем-то ответил Марк.

— Верно. Не дадут. Система работает, а вас в ней уже нет. Вы опасны. Лик вас не забудет.

Кронекер знал свое положение, но хотел сохранить лицо.

— Кто вы?

— Я — член совета Анхи. Пока этого достаточно.

Марк промолчал. Собеседник понял это по-своему:

— Мы надеемся на ваше сотрудничество...

Машину слегка тряхнуло. Марк открыл глаза. За окном неслась все та же мертвая степь. Штатный транспорт корпорации спешил по едва намеченной в пыли дороге, преодолевая вторую сотню километров до забытого Южного концентратора.

В последние дни вокруг Марка всё кипело. Анхи проявили себя мощной структурой с доступом к закрытой информации и множеством осведомителей внутри госаппарата и самой корпорации. За считанные часы была собрана вся информация о Кронекере. Вернее, её остатки. Чистку провели основательно — данные о последних трех годах работы отсутствовали напрочь. Дальше встречались косвенные упоминания и пометки в нескольких отчетах.

После тщательного поиска выяснилось, что в реестре одного психиатрического приемника сохранились параметры доступа на доктора Кронекера. Марк появлялся там около пяти лет назад. Система безопасности удаленного приемника оказалась дырявой, опытному взломщику удалось восстановить временный доступ. Из-за вялого обмена информацией с центром вмешательство обнаружится только через сутки.

Организовывать легенду не пришлось — на днях из концентратора пришел запрос, понадобился нейрохирург. Заменить человека и попасть на еженедельный транспорт с технарями оказалось пугающе просто. Кронекер отметил, что рискованные операции на грани партизанских диверсий для активистов Анхи — норма.

Салон ощутимо тряхнуло — машина выбралась на асфальтированный участок дороги. Мимо полетели блестящие плиты солнечных батарей, вдалеке показался коробок подстанции. Удаленный приемник отрезан от инфраструктуры полиса. Кронекер содрогнулся, вспоминая причины изоляции. В потолке зашипел динамик:

— Просыпайтесь парни. Две минуты. — Сообщил водитель.

Вокруг зашевелились сонные технари, послышалась тихая перебранка. Новой смене предстояло провести месяц в пределах концентратора для психов. Никто не выказывал особого энтузиазма.

Двигатель сбросил обороты, механическое нутро заурчало тяжелее. Поле батарей закончилось, и вскоре транспорт въехал в ворота приемника. Марк отметил, что территория огорожена. Высокие секции с колючей проволокой смотрелись странно посреди голой равнины. Но посвященные знали, их строят, чтобы не бегать по пыльным полям за некоторыми обитателями.

Машина остановилась у ворот длинного ангара, что служил гаражом, мастерской и

жилищем для техперсонала. Кроме него здесь ещё два корпуса: административный, где ютилась дюжина научных сотрудников, и лабораторный с боксами для пациентов. Угрюмые работяги быстро выбрались наружу и теперь разминали ноги, прислушиваясь к голосу бригадира.

Марк вышел последним. В лицо подул прохладный ветер, среди дымных облаков мелькнуло солнце. Шаркнули ботинки, он сделал несколько шагов, с удовольствием ощущая под ногами твердую землю. Встречать его никто не собирался, поэтому Марк бросил на плечо худой рюкзак и направился к административному корпусу.

Серое двухэтажное здание со стороны походило на заводское общежитие в убогом шахтерском поселке. Картину разбавляла только огромная спутниковая антенна на крыше. Поднимаясь по ступеням, Кронекер невольно вспомнил планировку — подземное убежище и основные коммуникации уцелеют, даже если рядом рванет атомная бомба.

Стальная дверь заблокирована, Марк обратился к маленькому терминалу. Пальцы прошлись по вытертым кнопкам, на панели замерцала точка микрофона.

— Доброе утро, — выдохнул Марк. — Соедините с заведующим.

На том конце что-то упало. После нескольких секунд невнятной возни испуганный мужской голос ответил:

— Да? День... кто спрашивает?

— Хирург из центрального, — пояснил Марк. — Прибыл с транспортом.

— Секунду...

Рядом ожила камера. Черный глазок уставился на гостя, оценивая ситуацию. На всякий случай Кронекер кивнул наблюдателю и приготовился ждать. К счастью, дежурный проявил чудеса расторопности — уже через полминуты динамик снова ожил:

— Подождите, сейчас я спущусь, — ответил новый голос.

За время ожидания Кронекер повторил про себя короткую легенду. Пока щелкали запоры, в голове собрался убедительный монолог. Но когда дверь открылась, Марк расслабился. Стоявший на пороге имел все регалии: мятый халат, очки и бейдж-голограмму. Но на вид ему не было и тридцати лет. Высокий пост в таком возрасте мог свидетельствовать о недюжинных познаниях в своей области... но опыта не добавлял.

— Прошу прощения за задержку, — затарахтел заведующий. — Мы не ожидали, что так сразу...

— Был запрос. Вот я здесь. — Сухой ответ, ни одного лишнего жеста.

Кронекер принял роль опытного сотрудника и старого специалиста. Внешность позволяла. Бритый череп, острое морщинистое лицо — он походил на немецкого офицера из хроники прошлого века.

— Должно быть, не успели связаться. — Молодой заведующий сам начал оправдывать неожиданный визит. — Пройдемте наверх. Я не успел подготовить необходимые документы, но сейчас все... — Продолжая тараторить, он провел гостя внутрь и направился к лестнице.

— Я ограничен во времени. — Марк оборвал собеседника и проследовал дежурному посту. — Мои данные внесены в реестр. Формальности оставляю вам. Позвольте?

Дежурный без лишних слов уступил место за терминалом. Ему хватило ума не спорить с человеком, перед которым расстилается местное начальство. С древним программным обеспечением Марк был знаком. Пальцы пробежались по сенсорной панели, на мониторе забегали строчки протокола идентификации. Ладонь легла на прозрачное окошко в столе, под стеклом загорелась лампа.

Пока работал сканер, Марк свободной рукой набрал пару команд и стал осматриваться в поисках следующего девайса. Догадливый дежурный подsunул системный блок и развернул щупальца прибора. Марк коснулся лбом подставки и наощупь ткнул «Пуск» — за сканированием руки последовало сличение узора сетчатки. Обе проверки прошли успешно.

Молодой специалист за время процедуры не произнес ни звука. Видно, для него работа системы безопасности была откровением. Но деловой настрой Кронекера произвел впечатление.

— Вот и всё. Можем работать. — Марк отошел от терминала. — У нас есть несколько часов. Придержите транспорт, если потребуется. Йорген, верно? — Присмотрелся к бейджу на груди.

— Да-да, всё верно! — приободрился заведующий. — Транспорт будет ждать. А вы...

— Маркус.

— Отлично, Маркус. Сразу к делу?

— Желательно.

— Тогда пройдемте в лабораторную часть. — Йорген торопливо зашагал к выходу.

Спустя минуту Марк уже шел сквозь внутренний двор, вслушиваясь в бессвязные объяснения молодого начальника. Внедрение организовали за сутки, никаких документов достать не удалось. Кронекер понятия не имел, зачем здесь понадобился нейрохирург и немного опасался за прикрытие. К счастью, заведующий оказался болтлив. В остальном выручил опыт и многолетняя практика в самых темных и секретных ячейках корпорации. Из путаных объяснений выходило, что местным специалистам требуется помощь с особенным пациентом.

— Эта последняя партия, — Йорген поморщился. — Привезли спецрейсом, после испытаний в третьем секторе. Семнадцать человек! У всех тяжелейшие расстройства, необратимые изменения в подкорке, но этот... — мужчина развел руками, — я даже боюсь предполагать.

Марк чувствовал, как на лбу проступает пот. Полгода назад, когда он работал в структуре, проект «Цепь» был строго засекречен, а в секторах монтировались первые излучатели. Теперь испытания шли полным ходом, и о них рассуждал молодой мозгоправ из далекого приемника.

— Давайте конкретнее.

Кронекер вовсе не горел желанием выполнять работу штатного сотрудника. Его целью была информация о работе концентраторов за пределами полиса. Но чтобы добраться до компьютера в центре связи, придется разобраться с текущими делами.

— Я постараюсь описать состояние, — заведующий замялся. — Только не подумайте, что я сам тронулся.

— Постараюсь.

За спиной хлопнула дверь, шелкнула задвижка. Йорген свернул в боковой коридор и повел Кронекера вглубь приемника.

— Ким Сен Ун. Мужчина, азиат. Тридцать лет. — Монотонно начал заведующий. — В реестре УВБ числится пропавшим без вести уже два года. Метка отсутствует.

— В смысле? — Марк насторожился, шрам над левым запястьем запульсировал.

— Удалена хирургически. Очень аккуратный надрез. — Пояснил заведующий. — Поступил без сознания, но после окончания действия транквилизатора проявил признаки помешательства.

— Какого рода? — Из вежливости спросил Марк.

— Галлюцинации, приступы агрессии, клаустрофобия, — Йорген махнул рукой. — Ничего необычного, но когда санитары попытались его... хм, зафиксировать...

— Продолжайте.

— Один в коме. Другой изолирован — сошел с ума от страха. — Спокойно сказал заведующий. — Я не знаю, как это вышло.

От неожиданности Марк остановился.

— Вы серьезно?

— Двое здоровых сотрудников враз стали пациентами, — повторил Йорген. — Я не верю в такие совпадения.

— Как это произошло? Где запись камеры наблюдения? — Кронекер на секунду забылся и едва не вышел из роли подчиненного.

— Дело в том, — заведующий замаялся, — что камера в палате сгорела. Ровно, как и весь контур сигнализации, а также часть электронных замков на этаже. Даже спутниковая тарелка дала сбой.

Кронекер похолодел. Память получила очередную встряску, наружу выплеснулся жуткий коктейль из бредовых теорий и отчетов двадцатилетней давности. К счастью, Йорген был настроен скептически:

— Такая вот накладка. Скачок в сети. — Он пожал плечами. — Энергетики ещё не разобрались, но это их сбой. В тот день вся электроника вела себя странно.

— Бывает, — выдавил Марк. — Которая палата?

Он сделал пару шагов по коридору, но Йорген окликнул:

— Стойте! Нам сюда. — Указал на лестницу вниз.

— Там ведь морг, — вспомнил Кронекер.

— Верно. Пациент скончался. — Согласился заведующий. — Семьдесят часов без сна, перевозбуждение, никакой реакции на препараты... я ведь указывал в отчете.

— Да, я помню, — соврал Марк. — Просто забыл здесь планировку.

Йорген понимающе кивнул и зашагал вниз по лестнице. Подвальное помещение осталось, каким Марк помнил: тесный коридор, очередь тусклых ламп и десятков одинаковых дверей по обе стороны. Сквозь резкий хлор чувствовался запах разложения. Кронекер не сказал ни слова, но заведующий заметил недовольство и попытался оправдаться:

— Камер не хватает. С недавнего времени мы переполнены. А держать температуру на всем этаже, значит перегрузить нашу подстанцию.

— Понимаю. — Марк с трудом сдерживал отвращение, но попытался выудить немного информации. — Это ведь не только у вас?

— Все приемники вокруг полиса забиты, — пожаловался Йорген. — После реорганизации совета всё закипело. Разморозили несколько проектов, стартовали испытания... а убираться нам.

Марку очень нужны были подробности, но расспрашивать дальше он не рискнул.

— Нам сюда. — Заведующий толкнул дверь, в лицо пахнуло холодом. — Мы придержали одну морозилку.

Тесная комната освещалась лучше других, под потолком гудели два десятка неоновых трубок. Под бледными лампами замерли ряды каталок. Сквозь серую ткань на них угадывались очертания тел, наружу торчали босые ноги с бирками. Но Йорген направился к противоположной стене. В неё были вмурованы полдюжины морозильных камер.

Щёлкнул запор, один из железных пеналов выдвинулся наружу. Марк увидел худое обескровленное тело мёртвого пациента. В маленьком Киме было чуть больше полутора метров. Что он мог сделать двум здоровым санитарам? Кронекер начал сомневаться в истории заведующего.

Йорген торопливо напялил перчатки. Загремел столик с хирургическими инструментами. В углу нашлась вешалка с парой халатов и раковина. Пока Кронекер мыл руки и переодевался, заведующий подготовил всё для вскрытия.

— Оперативно, — бросил Кронекер, завязывая фартук.

— Стараемся.

Йорген приободрился, рука скользнула в карман, на свет появился маленький диктофон. Щёлкнул переключатель. Заведующий сделал серьезное лицо и затараторил:

— Протокол вскрытия номер два сорок семь. Время 9:03, пятый бокс, процедура...

— Выключите. Мы не на лекции, — поморщился Кронекер. — Вскрываем череп, аккуратно разбираем мозг на образцы и препараты. Потом я забираю всё в центральную лабораторию.

Йорген немного смутился, но спорить не рискнул. Кронекер взял костяную пилу, пару раз надавил «Пуск». Режущий диск вращался ровно. Оборотистый моторчик стартовал мгновенно, рукоять легко вибрировала в руке. Кронекер на мгновение замер. Простой инструмент пробудил массу воспоминаний.

— Приступим.

— Доктор Кронекер... — Бледный Йорген с трудом выговаривал слова.

— Идите и умойтесь. — Марк говорил, не прекращая орудовать скальпелем. — Я закончу сам.

Заведующий бросился к раковине, рвотный спазм сложил его пополам. Молодой специалист почерпнул слишком много опыта разом. После полуторачасового вскрытия от головы маленького Кима осталась едва ли половина. Всюду виднелись кровавые брызги, остатки волос и костяная пыль. Рядом, в оцинкованном тазу болтался коктейль из пары литров черепно-мозговой жидкости и неостребованных тканей. На соседнем столе появились два десятка пластиковых контейнеров с образцами.

— На воздух, быстро. И договоритесь, чтобы транспорт был готов.

В заляпанном фартуке и окровавленных перчатках Марк походил скорее на мясника, чем на хирурга. Старый специалист не растерял навыков. Даже полумеханическая рука справлялась отлично. Но чтобы прогнать назойливого Йоргена пришлось «добавить красок». Кронекер долго и обстоятельно потрошил мертвого пациента, копался в чужом мозгу, как в кармане. Пришлось явить всю глубину профессионального цинизма, чтобы довести заведующего до предобморочного состояния.

— Прошу прощения... — промямлил Йорген и направился к выходу.

Как только дверь захлопнулась, Кронекер отложил инструменты и бросился к умывальнику. Скрипнул кран, в сток устремилась красноватая вода. Марк торопливо стянул перчатки и фартук, умылся. Теперь на счету каждая минута.

Кронекер закатал рукав, пальцы пробежались по панели Ассистента. На дисплее появилась планировка подвальных помещений. Марк не рассчитывал, что придется выбираться из морга. Путь в центр связи из верхних палат был простым и коротким, но мертвый пациент спутал карты. Кронекер просматривал план эвакуации в поисках удобного

выхода, когда за спиной скрипнула дверь.

— Доктор Йорген просил узнать... — В комнату протиснулся низкий толстячок в белом халате.

От знакомого голоса внутри похолодело, но Марк быстро справился с собой. Толстяк смущенно поправил очки, пригладил плешь:

— Если вам нужна помощь. — Он расшаркивался, будто стоял на пороге тронного зала, а не переполненного морга. — Меня зовут...

— Петер, — зло выдохнул Кронекер и резко повернулся.

Толстячка передернуло. Глаза расширились до предела, словно он увидел приведение. Губы ещё шевелились, но слова уже не разобрать. Не отводя взгляда, Петер зашарил дрожащей рукой в поисках выхода. Кронекер оказался быстрее. Холодная ненависть бросила его вперед. Через секунду толстячок оказался прижат к стене, а у его горла застыл грязный скальпель.

— Здравствуй, Петер, — прошипел Кронекер в лицо бывшему сотруднику. — Не забыл меня?

— Маркус? Не может быть...

— Не может! — подтвердил Кронекер. — Но я здесь. Убит и вытерт, но я здесь! А знаешь, благодаря кому?

— Я не виноват, Маркус, — испуганно залепетал Петер. — Я не хотел, он заставил меня!

— Ты выкрал результаты первой выборки. Подал в нужном свете неудачный эксперимент!

— Они должны были ограничиться отстранением. Я всё предусмотрел...

— Не сомневаюсь, — зло выдохнул Марк. Скальпель подвинулся ближе к артерии.

— Это ошибка! Всё можно исправить... — Толстяк почти плакал.

— Ты не понимаешь, — зарычал Кронекер. — Меня больше нет. Мои исследования и проекты, работа всей жизни теперь в руках недоразвитых плебеев. Катрин промыли мозги, она не помнит даже себя! Меня самого засунули в концентратор и собирались выпотрошить, как вот его! — указал окровавленным скальпелем на изуродованный труп.

Марк едва сдерживался, чтобы не полоснуть мерзкого предателя по шее. Затаенная злоба стремительно плавилась в жажду мести. В одно ослепительное мгновение Маркус Кронекер понял, чего хочет. Месть! Страшная месть, смерть и забвение всем, кто отобрал его жизнь, лишил её иного смысла. Но вершить её нужно разумно. Слишком много могущественных врагов против одного отчаявшегося человека. А значит, использовать нужно всех, кто под рукой.

Марк ослабил хватку. Свободной рукой проверил карманы Петера. В одном нашелся маленький кожаный пенал.

— Я помню, в каком заведении ты работаешь. — На свет показались несколько красноватых ампул и трехкубовый шприц. — Знаю, какие занимательные беседы можно вести с пациентами.

— Маркус, не надо. Мы ведь работали вместе...

— А ещё помню твой болевой порог. — Не обращая внимания на мольбы, продолжал Кронекер. — Сейчас ты расскажешь мне всё.

Спустя десять минут Марк уже выбирался из лабораторной части. Спокойный и

собранный, он быстро поднялся на первый этаж и следовал к выходу. В руке термический кейс с образцами. На комбинезоне ни одного пятна. Окровавленный фартук и халат остались в морозилке вместе с телом Петера. Толстого лаборанта хватятся через пару часов. Ещё больше времени уйдет, пока его найдут — на каталке, под простыней, среди десятка других пациентов в соседней комнате. Марк не забыл даже повесить бирку на босую ступню.

Кронекер не испытывал угрызений совести. Эта была первая капля, начало расплаты. Толстяк Петер был лишь маленьким человечком, низшим звеном иерархии Лик. Но с него всё началось, и его смерть на время успокоила жажду Марка, отрезвила рассудок.

Сейчас ненастоящего хирурга занимало другое. Петер оказался слишком хорошо осведомлен о текущих делах корпорации и под пытками рассказал много интересного. После переворота в совете директоров он добровольно отправился в далекий изолированный концентратор, чтобы не повторить судьбу «пропавших без вести» сотрудников. По его словам, после аварии в исследовательском центре и официальной гибели ведущего специалиста Маркуса Кронекера испытания развернули во всю ширь. В небольших населенных пунктах спешно собрали опытные образцы подавляющих установок. После успешных испытаний на паре шахтерских баз решено было расширить целевую группу с нескольких сотен рабочих до многомиллионного населения префектуры.

— Психоэмоциональное программирование через морально волевое подавление... — как заклинание шептал Маркус на ходу. — Единый образ мышления, алгоритм поведения. Человек-шаблон...

Первой площадкой для построения идеального общества станет Полис-6. Для этого разморозили проект «Маяк». За несколько месяцев семисотметровая телебашня в центре города превратилась в огромную антенну. Чтобы обеспечить достаточную мощность излучения, рядом уже возводился блок атомного реактора. Сейчас шли предварительные испытания и настройка, возводились подземные укрепления для управляющего персонала и верхушки Лик. Пуск установки планировался через несколько недель.

Эхо шагов стало глуше, в конце коридора показалась дверь. Никакого поста или сигнализации — за выходом из приемника никто не наблюдал. Перед тем, как отпереть замок, Марк на секунду остановился, глубоко вдохнул. Внутри всё кипело, новая информация требовала решений и действий. Но внешне он должен быть спокоен. Маленькая операция Анхи прошла слишком успешно, чтобы испортить всё спешкой.

Подождав ещё немного, Марк толкнул дверь и вышел во двор. В лицо ударил прохладный ветер. Глаза слегка прищурились, привыкая к дневному свету.

— Доктор Кронекер, вы уже? — Йорген всё ещё приходил в себя на крыльце.

— Я закончил. Образцы со мной. — Марк приподнял кейс. — Транспорт готов?

— Всё готово, но... — Йорген замялся. — Есть один случай, мне бы пригодилась ваша консультация.

— Пришли новые инструкции, — Марк приподнял руку, на предплечье блеснул дисплей Ассистента. — Выдвигаюсь немедленно.

— Да, конечно, — закивал заведующий. Деловой тон производил на него впечатление. — Пройдемте.

Транспорт ждал у ворот ангара. Рядом полдюжины технарей из прошлой смены ждали отправки. Водитель проверял давление в колесах. При появлении Марка и Йоргена все быстро погрузились в автобус — никто не хотел задерживаться в проклятом приемнике.

Загрел двигатель и через мгновение привычная сила вдавила Марка в сиденье. Только

теперь он позволил себе расслабиться. Всё прошло, как по часам. В корпорации ещё не скоро поймут, кто здесь был и зачем. Очертания концентратора быстро таяли в дорожной пыли. Мимо пролетело поле солнечных батарей и здание подстанции. Кронекер чувствовал, как к нему возвращается покой. Возможно, даже получится уснуть. Марк откинулся на спинку и попытался вспомнить, когда последний раз спал.

Из забытья Кронекера вырвал грубый толчок. Транспорт съехал на обочину и стал сбрасывать скорость. Над грохотом двигателя проявился новый звук. Снаружи доносился тяжелый рокот, словно рядом двигался более мощный механизм. Из кабины водителя донеслись обрывки радиопередачи:

— С вами... борт семнадцать УВБ корпорации, — донеслось сквозь помехи. — Немедленно прекратить движение, заглушить двигатель и разблокировать двери.

Испуганный водитель последовал инструкциям. Салон тряхнуло последний раз и транспорт замер посреди голой равнины. Рокот снаружи стал отчетливее. Марк выглянул в окно и оцепенел — в полусотне метров заходил на посадку армейский винт. Огромный трёхлопастной пропеллер закрутил целый ураган пыли и песка. Не дожидаясь, пока машина коснется земли, из бронированного нутра один за другим выпрыгнули трое бойцов спецотдела. Черно-стальной камуфляж шикарно смотрелся на фоне серой пустоши, но испуганные пассажиры не оценили зрелища.

«Красиво. И всё про мою честь», — отстраненно подумал Марк и поднялся с сиденья. Нет сомнений, такой маскарад устроили ради него. Притихшие технари молча смотрели, как он шел к выходу. Водитель ничего не спросил, просто потянул на себя рычаг запора. Свистнула пневматика, и боковая дверь задралась вверх.

Во все стороны, насколько хватало глаз, простиралась безжизненная равнина. Бежать здесь просто некуда. Марк это понимал и просто пытался сохранить лицо. Но и этого ему не дали. Дюжие бойцы не стали утруждать себя объяснениями — старший ткнул Марка шокером, двое по бокам подхватили парализованное тело и поволокли к вертолету. Кронекер не потерял сознания и беспомощно наблюдал, как его, словно мешок, грузят в тесный кузов, как захлопывается за спиной тяжелый люк. Винт ждал их на холостом ходу, почти не сбавляя оборотов. Поэтому взлет занял лишь несколько секунд.

Дальнейшая судьба Марка была предрешена. Старый специалист, как никто, понимал, что сознательного существования ему осталось несколько часов. Скорее всего, глава нынешнего совета Круст решил побеседовать с ним напоследок. Потому и организовал весь этот цирк с армейской авиацией. Обиднее всего было то, что Марка не пугала своя участь. Бывшего ученого больше занимало то, как его вычислили. Пытливый ум отстранился от текущих проблем и искал ошибку.

Винт не стал набирать высоту. Грозная машина повисла в полусотне метров над землей и накренилась вперед, набирая скорость. Кронекер сидел на скамье, пристегнутый накрест широкими ремнями для удобства. Ему даже не стали связывать руки. Он не представлял опасности. Ни на первый взгляд, ни на второй.

Двое бойцов сели по бокам от него, командир разместился напротив. Все трое слишком опытные и самоуверенные, чтобы по правилам заблокировать дверь и пристегнуться. Только пилот соблюдал инструкции — несмотря на ничтожную высоту, дал оповещение в эфир и попытался связаться с ближайшей точкой ПВО.

Из отвлеченных рассуждений Кронекера вырвал сигнал Ассистента. Наручный терминал беззвучно завибрировал, кто-то пытался связаться с Марком по обычной

радиосвязи. Пленный убедился, что никто не заметил его замешательства и медленно повел плечом. Со стороны могло показаться, что задержанный просто разминает затекшую спину. Между делом левое запястье аккуратно выгнулось, и мизинец дотянулся до переключателя.

Маленький дисплей ожил. Марк прижал его к себе и попытался прочитать сообщение. На темном пластике светилось «Береги голову». Кронекер пришел в замешательство. Источник передачи был на расстоянии не более километра. Кроме того, передающий знал специальную частоту и кодировку Ассистента.

В кабине что-то тревожно запищало, пилот прошелся по приборной доске, зло выругался.

— Что там, Уллес? — Крикнул командир.

— Что-то с воздухозаборником. Не пойму... — Пилот изучал мигающую приборную панель. — Надо садиться!

Раздался взрыв. Корпус бросило в сторону, brave солдаты полетели на пол. Пристегнутый Марк остался на месте, но сильно приложился затылком о переборку. Машина завалилась на бок и пошла вниз. Пилот вцепился в штурвал, пытаясь выровнять курс, но не успел. Через несколько секунд летательный аппарат протаранил землю. Огромный винт несколько раз полоснул поверхность, обломки лопастей полетели в стороны. Кабина пилота смялась от удара, внутрь посыпалось стекло. Людей внутри разбросало, Кронекера вырвало из сиденья и бросило о стенку. От удара пленник потерял сознание.

Из забытья Марка вернули несколько грубых шлепков.

— Док, ты с нами?

Низкий женский голос показался знакомым. Марк открыл глаза, чтобы прекратить избиение.

— Вот. Так лучше. — Лысая Шила из группы Веера бегло осмотрела ушибы и удовлетворенно кивнула.

Кронекер понял, что сидит, привалившись спиной к обшивке упавшего винта. Похоже, что боевая девушка вскрыла дверь и вытащила его из покореженной машины. Рядом с потерпевшим аварию аппаратом стоял легкий багги. Собранный из невероятного металлолома внедорожник отлично подходил для гонок по безжизненной пустоши. Рядом возилась пара растрепанных бойцов Анхи.

— Это вы... — Язык слушался плохо. — Что вы сделали?

— Не мы. — Шила улыбнулась. — Свой человек на аэродроме и магнитная мина в воздухозаборнике.

— Зачем? — Глупо спросил Марк.

— Ты нам ещё нужен. — Девушка не была расположена к беседам. — Некогда болтать. Поднимайся.

Она подхватила Кронекера под руку и повела к машине. Один из бойцов коротко спросил:

— Остальные?

— Добить. — Отрезала Шила.

Марк не сразу понял смысл сказанного. Но парень кивнул и удалился. Скоро за спиной послышались несколько гулких выстрелов. Кронекер с ужасом узнал крупнокалиберный «вульверин».

— Игры закончились... — ответила Шила на молчаливый вопрос.

Спустя минуту легкий багги, оставляя пыльный шлейф, уже летел сквозь пустошь к

стенам Полис-6.

Глава 10 Водохранилище

Порыв ветра принес сладковатый запах гари. Даже здесь, в двадцати километрах за чертой я чувствовал дыхание полиса. Солнце коснулось горизонта, обещая скоро оставить загородную пустошь сумеркам. Рука скользнула в карман, наружу показался старенький наладонник. На тусклом экране показался обрывок карты и часы. 19:07. Место и время с точностью до метра и минуты.

Я стоял на обочине под мёртвым фонарем. В трехстах метрах севернее светилось окно пропускного пункта. Разбитую дорогу перекрывал шлагбаум — проезд через старую дамбу контролировали. Массивная бетонная стена удерживала многие тонны воды, создавая огромное Северное водохранилище. В последнее десятилетие питающая река обмелела, уровень сильно упал. Из дюжины огромных шлюзов работали только три, но даже отсюда я слышал грохот падающей воды.

Человек Соломона опаздывал. За неделю я достаточно разобрался в структуре организации сенсеров, чтобы не удивляться. Засекреченные даже друг от друга, по городу были разбросаны несколько мелких ячеек. Никакого централизованного управления или контроля. Всё на правах неформального братства, объединенного общей угрозой. Обычных средств связи «чувствующие» не признавали, полагаясь лишь на свои способности. Это сильно затрудняло обмен информацией. Но я начал подозревать, что такая осторожность спасла их от спецслужб. Второй причиной оказалась численность. По самым оптимистичным подсчетам на весь Полис едва набиралась сотня сенсеров.

Ветер изменился. Потянуло сыростью и прохладой, появился гнилой болотный запах. Руки машинально застегнули куртку, на глаза упал капюшон — после получасового ожидания я начинал замерзать. Меня отправили одного на встречу непонятно с кем. А я уже два года не выбирался за черту города. Вокруг нет надежных стен, над головой вместо массивных сводов метро — мутное вечернее небо. Пусть жуткий стеклобетонный лабиринт всегда грозит упасть на голову, но в нем можно легко затеряться. А на открытом пространстве я чувствовал себя уязвимым.

Оставив попытки рассмотреть что-то в сумерках, я закрыл глаза и прислушался к ощущениям. Никого из «своих» рядом не было. Чувствовать рядовых собратьев я научился, хотя способный сенсор мог закрыться от моего внимания.

Пространство вокруг четко делилось надвое. Я словно стоял на невидимой границе. С одной стороны нестабильность полиса, с другой — глухое спокойствие Северного бассейна. Если иллюминацию и движение над городом я видел с закрытыми глазами, то над водной массой не было вообще ничего. Моё второе зрение пасовало. Должно быть, вода гасит или поглощает тонкие энергии. Самое стабильное место. Что местные сенсоры здесь нашли?

Следы слишком слабые. Не хватает концентрации. Я сделал несколько глубоких вдохов и решил попробовать недавно освоенный контролируемый транс. Но не успел. В открытое сознание проник посторонний. На мгновение мысли и чувства спутались, я едва не потерял контроль.

Чужая воля попыталась ввергнуть меня в беспмятство, но я успел закрыться. Князь уже вбил мне в голову основные принципы защиты. Я отрешился от телесных ощущений и сосредоточился на постороннем статичном объекте — земле под ногами, твердыне — самом прочном и нерушимом, что можно представить. Чужое давление не ослабевало, но больше

не грозило опрокинуть меня. Я ограничил активность нервной системы и теперь поддавался воздействию не лучше растения.

Приём дал несколько секунд. Я открыл глаза. В тридцати шагах на дороге застыл высокий мужчина в длинном плаще. Лицо скрывает глубокий капюшон, но мне не нужен зрительный контакт. Между нами, словно струна, натянулась невидимая связь. Он понял мой ход, но не успел сменить тактику. На мгновение я открылся и метнул в противника воспаленный образ — огромный осколок неба, из тех, что сыпались мне на голову во время приступов. Давление пропало. Мужчина дрогнул, но вместо того, чтобы свалиться без чувств, слегка пошатнулся и примирительно поднял руки.

— Спокойно. — Голос оказался ровным, без намека на слабость или отдышку. — Я должен был убедиться.

Я мог только завидовать его хладнокровию. Мои чувства вернулись: сердце забилося где-то под кадыком, пульс стучал в висках. Стараясь не показывать слабость, я глубоко вдохнул и выдал:

— Покажись.

Незнакомый сенсер усмехнулся. Костлявые пальцы откинули капюшон. Наружу показался гладкий лысый череп, худое бледное лицо.

— Рассчитываю на ответную вежливость.

Я тоже стянул капюшон.

— Я не хотел бы кричать... — сенсер зашагал ко мне.

Внутри всё сжалось от страха. Я понимал, это и есть посланник крайней ячейки. Но он одним «приветствием» едва не вывернул меня наизнанку. И теперь приближался. Казалось, мои волосы шевелятся в такт его шагам.

— Вы, должно быть, из центральной? — Он протянул руку.

При ближайшем рассмотрении мужчина оказался не таким уж грозным. На вид ему было лет сорок. На лице лишь наметились несколько морщин. Волос на голове не оказалось вовсе. Вместо бровей — тонкие татуировки в форме крыльев. Необычные темно-синие глаза смотрели живо.

— Юрий. — Я пожал руку. — А вы?

— Сет.

Оставалось надеяться, что египтяне здесь не при чем. Я присмотрелся к цвету его энергетической оболочки, пытаюсь определить склонность посланника. Если верить Соломону, все сенсоры со временем обретают специализацию. Манипулятор лучше работает с тонкими энергиями, читает эмоции, может подчинять людей. Энергетику поддается силовое оборудование и простая электроника. Зрячий известен особой чувствительностью и способностью к телепатии. Я ещё не приобрел выраженной черты — на полное раскрытие потенциала нужно больше времени.

Тонкая полупрозрачная оболочка вокруг Сета переливалась холодными цветами. Как и любой сенсер, он был в меру универсален, но в цветовой гамме преобладал голубой и светло-синий.

— Энергетик, — кивнул он. — Есть подозрение, что мои способности будут полезны.

Дальше я услышал короткую версию своего инструктажа. После подавления тринадцатого сектора с Соломоном связалась удаленная ячейка, убежище сенсоров за чертой Полиса. Они зафиксировали мощный всплеск электромагнитной энергии над Северным водохранилищем. Раньше там отмечали лишь слабые пульсации и не придавали значения. Но

это был настоящий взрыв. Двое местных сенсоров пострадали. Откат почувствовали на границе города. Соломон определил, что характер излучения близок к тому, что посылала телевышка в старом центре. Меня отправили разобраться на месте.

— Удаленное наблюдение ничего не даст. — Сет вещал на ходу. — Мы должны подобраться ближе.

— Ближе... куда?

— Туда. — Он махнул в сторону водной глади.

За разговором мы дошли до поста охраны у въезда на дамбу. Меня привел в чувства грохот падающей воды.

— Сет... — я спохватился. — Это закрытый объект, ведомственная охрана...

— Всё верно, — спокойно ответил сенсор. — И у них есть доступ на пристань, ключи от катера. Или ты собираешься добираться вплавь?

Я не успел ответить — на крыше ожил прожектор, луч света ударил в глаза. Солнце еще не село, но охрана действовала по инструкции, и это не предвещало ничего хорошего. Через пару секунд из дверей пропускника выскочил дежурный, нам приказали остановиться.

— Я задавлю радиосвязь, — вполголоса сказал Сет. — А ты займись ребятами.

Сенсор глубоко вдохнул и коснулся виска. Я почувствовал, как пространство вокруг него пошло мелкой рябью — мой спутник ставил высокочастотные помехи. Похоже, для него это обычное дело. Я с оторопью понял, от меня ожидают такого же профессионализма.

— Стоять! Закрытая территория! Предъявите пропуск... — Охранник знал, никакого пропуска нет. Он сделал несколько шагов вперед, правая рука расстегнула кобуру.

Когда в дверях показался второй боец, я едва не запаниковал. К счастью, это настроило на нужный лад. В памяти мелькнул нужный образ, очнулся пережитый ужас. Я сделал пару шагов навстречу.

— Моему товарищу плохо. — Сейчас неважно, что говорить. Бритый котелок напротив не способен обрабатывать сложные предложения. — Вызовите кого-нибудь...

Второй дежурный снял с пояса рацию, но не для того, чтобы вызвать помощь. Из динамика вырвалось резкое шипение, совсем не похожее на обычный эфир. Пока на озадаченном лице формировалась мысль, я атаковал. Бросил в ближайшего бойца зрительный образ — огненный смерч, пожирающий небоскреб. Мужчина оказался легко внушаем — уже через секунду упал на колени и обхватил голову руками.

Второй боец оказался крепче. Не обращая внимания на товарища, он рванул кобуру и успел навести на меня пистолет. В его сознании вспыхнул ржавый мусорный монстр со свалки. Моё воображение быстро нарисовало огромный металлоломный кулак, опускающийся на стража порядка. Тот пошатнулся. Я непроизвольно выбросил руки вперед, усиливая напор. Бойца передернуло, лицо исказилось от ужаса, оружие выпало из рук. В момент воображаемого удара он закрыл лицо и через секунду потерял сознание. На всякий случай я усилил давление, и первый дежурный тоже повалился без чувств.

Поле осталось за мной. Но далось это тяжело. Виски сдавливала боль, пульс ясно отдавался ушах. Легкие работали так, словно я пробежал марафон. Рядом очнулся Сет. После нескольких шумных выдохов открыл глаза:

— Вот и славно. — Он присмотрелся к бесчувственным телам. — Второй, кажется, штаны намочил. Грубо работаете...

— Зато оперативно, — буркнул я.

— Это да. Прямое подавление универсально, хотя и слишком энергоемко. — Сенсор

склонился над первым телом, руки зашарили по карманам. — Я стараюсь не прибегать. Малый потенциал, знаете ли. Потом долго восстанавливаюсь.

— Сет. На будущее... — стоило прояснить ситуацию. — Меня инициировали неделю назад.

Сенсер на секунду замер, внимательно посмотрел на меня.

— В смысле?

— В прямом. — Я решил, что нет смысла скрывать. — Ещё недавно я понятия не имел о своих способностях. Я только учусь.

— Вполне успешно, я полагаю. — Сет провел ладонью по черепу, приглаживая несуществующие волосы. — Неплохо справляетесь, я не догадался.

— Спасибо, конечно. Но в дальнейшем, — я перенял официальную манеру общения, — посвящайте меня в свои планы.

— Договорились.

Дальше всё пошло, как по нотам. У дежурного нашлась ключ-карта. В её помощь мы без проблем проникли на пост и получили доступ к терминалу охраны. Сет быстро отключил видеокamеры и приглушил освещение вдоль берега водохранилища. Спустя четверть часа мы уже возились со старой моторной лодкой на маленьком причале на паре километров от дамбы.

— Этот... — я запнулся, подбирая слово, — образец техники нас довезет?

— Довезет, — улыбнулся Сет. — Если заправить.

Интересно было наблюдать, как худощавый сенсер проверяет грязные канистры, морщась, принюхивается к содержимому.

— Двигатель внутреннего сгорания. — Глупо констатировал я.

— Он самый. Как в старые добрые... ага, вот дизельное! — Сет с трудом подхватил канистру и потащил в лодку. — Отвязывай, сейчас поплывем.

После ряда чудовищных манипуляций, мы всё же завели двигатель. Сет устало опустил на борт:

— Готово. Ты, кстати, плавать умеешь?

— Нет, — признался я.

— Я тоже. — Сет слабо улыбнулся. — Поехали.

Прохладный воздух ударил в лицо. Усилился запах гнили — берег бассейна давно не чистили. Солнце почти село. Из-за горизонта торчал лишь расплывчатый край. Я первый раз увидел, какими бывают сумерки без электрического света фонарей и витрин. Лодка медленно шла к центру водохранилища, оставляя след на темной воде.

Сет взял управление в свои руки. Я сосредоточился на новых способностях, вторым зрением присмотрелся к окружающему миру в поисках аномалий. Вокруг было спокойно. Небо над водной гладью казалось целее, чем над жилым кольцом. Мы успели преодолеть несколько километров вверх от дамбы и выбрались на середину хранилища, когда Сет заглушил двигатель. Я огляделся по сторонам, прислушался к ощущениям — тихо.

— Сет, всё в порядке?

— Не туда смотришь. — Сенсер выглядел сосредоточенным: спина ровная, глаза прикрыты, пальцы на ладонях растопырены. — Вниз...

Я направил внимание сквозь водную гладь за бортом. Несколько секунд перед глазами качалась мутная поверхность, но потом включилось второе зрение. Рядом с лодкой, на глубине нескольких метров висел какой-то прибор. Сейчас он не работал, но я заметил

тонкую светящуюся нить — питающую линию, которая тянулась дальше под водой. Воображение рисовало бледный пульсирующий огонек внутри конструкции. Значит, крохотная управляющая электронная схема оставалась под напряжением. В нескольких метрах от лодки обычное зрение отметило утопленный до половины пенный поплавок. Похоже, что он и держал на весу неведомый прибор.

— Странный буёк, — констатировал я.

— Там ещё один. — Сет показал вперед. — И там пара. Тут целая сеть этих... маячков.

Мне потребовалось больше времени, но скоро я тоже стал чувствовать в темной воде чуть светящиеся силуэты. Странно было воспринимать окружающий мир таким образом. Смотреть сквозь материю. Не видеть, но чувствовать. Пока Сет сосредоточился на ближайшем буйке, я попытался охватить зрением водную массу под лодкой. Внизу проявились десятки тусклых светляков, внимание рассеялось.

— Какой-то фон, — пожаловался я.

— Здесь только вода, — отвлекся сенсер. — Приборы молчат.

— Не от них. — Я мотнул головой. — Это под нами.

Сет перегнулся через борт, рука коснулась воды. Стало жутковато. Я, вдруг, понял, что мы выбрались на середину гнилого бассейна, и под нами полтора десятка метров глубины. Случись что — на старой посудине нет даже жилета, а плавать я по-прежнему не умею. Следом за батофобией потянулись другие страхи, и чтобы не запаниковать, я принялся разглядывать слабые огни дамбы вдалеке.

За бортом хлопнуло. Сет отшатнулся и неловко завалился на спину.

— Мерзкие твари, — он поднялся со дна и сел, разглядывая палец. — Прокусил, представляешь?

— Кто? — испуганно спросил я.

— Сомонь, чтоб его...

Я выглянул за борт и успел заметить в воде скользкую спину. Мне доводилось слышать об успехах генных инженеров, но живьем новую рыбину я видел впервые. Мерзкий гибрид из полудюжины видов пресной рыбы — сомонь — обладает целым набором полезных качеств. Гордость генетиков выживает в любой воде, не боится химикатов из промышленных сбросов и жрёт всё подряд. Правда, выглядит жутким мутантом и мясо отравлено. Идеальная рыба для пригородных водоёмов. Похоже, их запустили, чтобы они чистили Северное водохранилище.

— Я их слышу. — Сказал Сет, заклеивая укус. — Это низшие существа, но я их слышу.

— Рыбы-экстрасенсы? — Нервно пошутил я.

Сет поморщился:

— Скорее намагниченные гвозди в помойном ведре.

Я глубоко вдохнул и прикрыл глаза. Второй раз вышло лучше — я увидел россыпь тусклых огней, сотни слабых светляков в водной толще. Под нами их оказалось совсем мало. Основная масса собралась выше, в паре километров.

— Надо плыть дальше. — Я махнул рукой. — Там скопление. Отсюда не разобрать.

Сенсер завел мотор, и скоро лодка на тихом ходу пошла вперед. Пока Сет правил плавсредством, я смотрел по сторонам. Чем дальше от дамбы мы уходили, тем больше буйков нам встречалось. Приборы по-прежнему молчали, но теперь я четко видел, что под водой раскинулась целая сеть. Паутина питающих линий тянулась дальше, но становилась плотнее и теснее. Мы приближались к центру.

В какой-то момент двигатель заглох. Сет привстал на подножке и указал вперед. В последних закатных лучах мы рассмотрели силуэт небольшого судна. Странная угловатая форма и низкие борта поначалу привели меня в замешательство. При ближайшем рассмотрении оказалось, что перед нами речное скеговое судно. Воздушная подушка была приспущена, потому корабль сидел низко, и бортовые ограждения выступали из воды едва ли на полметра. Он напоминал старый полусотметровый паром с множеством надстроек. Только на бортиках палубы, несмотря на позднее время, не светило ни одного огня. Люди тоже отсутствовали. Я заметил лишь пару светящихся окон на втором этаже надстройки.

— Сеть начинается здесь. — Голос Сета был бесцветным, сам сенсер пребывал в легком трансе. — Сходятся все линии.

Я тоже посмотрел сквозь водную толщу. Сотни пульсирующих кабелей собирались под судном в единую артерию и тянулись к днищу. Моё внимание привлекло движение на глубине. Ниже под судном мерцал и переливался расплывчатый хоровод. Тысячи тусклых светляков неслись друг за другом, образуя огромный круг. На глубине двух десятков метров кружился огромный косяк рыбы. Стало жутко. Я в сотый раз усомнился в своём психическом здоровье.

— Сет, ниже. — Я указал направление. — Ты это видишь?

— Да что здесь, мать его, происходит? — Интеллигентный сенсер с трудом сдерживал ругательства.

— Нашёл у кого спросить, — огрызнулся я. — Как это вообще возможно?

— Да никак. — Сет замотал головой. — Это низшие существа. Прямым воздействием на тот микрограмм серотонина ничего... — он запнулся, — да бред!

— Там могут быть ответы. — Я присмотрелся к пустой палубе. — Наверху никого нет.

— Заглянем? — Сенсер посерьезнел.

— На огонек, — кивнул я.

Маневрируя между буйками, Сет осторожно направил лодку вперед. Мотор на малом ходу работал тихо, но в последние двадцать метров пришлось его заглушить. На палубе не загорелся ни один огонек, посторонних звуков не добавилось — нас не заметили.словно диверсанты из старых фильмов, мы зацепились за ограждения и бесшумно влезли на низкий борт. Лодка осталась привязанной к буксировочной скобе, благо, течение здесь почти не ощущалось.

Палуба речного судна походила на обшивку военного транспорта. Всюду холодный металл, ровные ряды заклепок, грубые лестницы и глухо уплотненные резиной иллюминаторы. Сгущала атмосферу высокая надстройка с широкой параболической антенной. Я с опаской прислушался, но излучатель мочал. Агрегат стоял неподвижно и смотрел в сторону Полиса.

Мы осторожно обошли судно, присматривая спуск в трюм. Дверь обнаружилась в хвосте, рядом с массивными насосными установками — два мощных водомета служат движителями тяжелого корабля. Короткая лестница осталась позади, Сет остановился у тяжелой створки.

— Просто так и зайдем? — Я начал сомневаться в наших методах.

— Там никого нет, — отмахнулся сенсер. — Люди дальше, а тут... слышишь звук.

За неплотно прикрытой дверью что-то глухо рокотало. Я не успел разобрать звук, а Сет уже потянул скобу на себя и шагнул вперед. Пришлось последовать за ним.

В полутемном помещении горел лишь один светильник. Но света хватило, чтобы

рассмотреть батарею дизельных генераторов в стены. Это они гудели и рокотали на все лады, вырабатывая электроэнергию.

Сет пересек помещение почти не глядя по сторонам. В полутьме я не успел ничего рассмотреть, но доверился чутью спутника — здесь его стихия. Скрипнула следующая дверь, и мы оказались в тесной проходной каюте для технарей. На нижней койке ярусной кровати дремал работник машинного отделения. От неожиданных звуков он проснулся, но прежде чем на помятом лице собралась мысль, Сет положил ладонь ему на лоб. Работник коротко всхлипнул, глаза закатились, и включенная голова упала на подушку.

— Простой технарь. Ничего не добьемся, — прокомментировал сенсер. — Пусть полежит.

— Куда дальше? — Спросил я.

— Наверх. Слышу фон... — Сет на секунду прикрыл глаза. — Много оборудования.

В узком коридоре за дверью нашлась лестница. Сет оставил беспечную манеру передвижения — два пролета и следующий переходник мы преодолели со всеми предосторожностями. Дальше дорога расходилась: ещё одна лесенка вела на верхнюю палубу, два темных прохода расходились в стороны. Нам везло, никто не спешил выйти из каюты, не было слышно речи или звуков тревоги. Казалось, все покинули судно.

Сет доверился чувствам и свернул налево. Ботинки тихо ступили на рассохшуюся резиновую дорожку. Через два десятка шагов впереди показалась полоска света из прикрытой двери.

— Готовься, — бросил сенсер. — Охраны там нет, но и рады нам не будут. Вспомни какой-нибудь шок.

Долго думать не пришлось. Память быстро вытряхнула из закромов образы нескольких приступов на выбор. Пусть будет метро. Перед глазами зашевелились и пошли трещинами многотонные плиты. Я невольно коснулся виска и придержал воспоминание. В случае надобности, на людей обрушиться воображаемый потолок. Кулаки сжались сами собой, я кивнул:

— Готов.

— Только не спеши. Ты просто страхуешь, — предупредил Сет. — Говорить буду я.

Тяжелая дверь открылась внутрь, и мы вошли. Помещение походило на внутренности бункера Вяземского. Среди множества компьютерных столов, мигающих панелей и незнакомого оборудования я не сразу заметил людей. В комнате работали трое. Сутулый очкастый лаборант сидел за компьютером. А у огромного аквариума с речной водой возились двое мужчин средних слет в зеленых лабораторных халатах. Один кормил молодых сомней рыбным фаршем из ведра. Другой копался в электронных внутренностях неизвестного прибора на высоком штативе. Внешне тот походил на жуткую электронную щупальцу и, судя по всему, погружался в резервуар с копошащейся рыбой.

Нас заметили не сразу. Когда естествоиспытатели обернулись на шум, мы уже пересекли треть помещения и находились в десяти шагах от ёмкости. Сет верно оценил ситуацию и на ходу коснулся всполошившегося лаборанта. Очкарик дернулся последний раз и лег лицом на клавиатуру, по экрану побежала строчка одинаковых символов. Пускай. Молодой сотрудник наверняка имеет низкий уровень допуска и ничего полезного не расскажет.

Я следовал за энергетиком, готовый в любой момент провести ментальную атаку.

— Добрый вечер. — Сет не стал опускаться до воплей и угроз. — Я бы рекомендовал

вам...

— Мы же просили, не трогать персонал! — Неожиданно возмутился мужчина, копавшийся в электронике. У него на груди висел бейдж с голограммой «Заведующий». — После прошлого визита Геннадий до сих пор не восстановился, а это подрывает работу! Испытания закончились, последняя серия показаний снята и отправлена ещё позавчера. Магнитные поля в норме, радиационный фон в пределах... что вам теперь мешает?!

Сет выслушал тираду бесстрастно, только татуированная бровь чуть поползла вверх. Прежде чем он успел открыть рот, я вмешался — взял его за локоть и выдал:

— Просим прощения. Мы из новой... — я запнулся, подбирая слово. — Из новой смены. Не успели получить подробных инструкций.

Сет сдавлено выдохнул и кивнул. Работники плавучей станции чуть успокоились, но старший для порядка продолжил возмущаться:

— Тогда зачем вы здесь? Мы ведь всё согласовали с этим вашим...

— Куратором, — наугад сказал я.

— Да-да, с куратором, — закивал заведующий. — Он заходил пару дней назад, всё объяснил. Мы скорректировали мощность излучения.

Ни я, ни Сет не представляли, с кем пугает нас шумный исследователь. Но меня уже несло:

— Наша группа работает автономно. Мы не имеем возможности поддерживать постоянный контакт с центром и надеемся, что вы быстро введете нас в курс дела. — Я постарался сделать как можно более многозначительное лицо.

— В курс чего? — Насторожился заведующий.

— Каков характер ваших исследований? — Вмешался Сет. — Нам поручено самостоятельно разобраться с сетью, которую вы раскинули на водохранилище.

— Это закрытый проект. Ознакомиться с документацией вы можете в установленном порядке. Мои отчеты помечены пятым уровнем допуска.

— Мы ограничены во времени... — я попытался найти убедительное оправдание.

— Да кто вы такие вообще?! — Заведующий уперся.

Я не успел придумать ответ. Сет шагнул вперед, пространство едва заметно исказилось. Я почувствовал легкий энергетический откат и на всякий случай закрылся. Затея с засекреченной корпоративной группой не удалась, и сенсер возвращался к первоначальному плану, применял разновидность морального подавления. Шумный мужчина качнулся, словно его ударили в грудь. Глаза чуть закатились, лицо приняло отрешенное выражение. Сознания он не потерял, но воля была сломлена.

— Расскажи, чем вы здесь занимаетесь? — Терпеливо, словно мой психотерапевт, произнес Сет. — В общих чертах.

— Предварительные испытания метода ментального программирования для проекта «Маяк». — Монотонно забубнил заведующий. — Подопытный материал — генно модифицированные рыбы.

Второй сотрудник почувствовал неладное. Руки разжались, ведро с фаршем упало в аквариум. Вода забурлила, закопошились скользкие тела — счастливые обитатели принялись делить добычу. Испуганный работник попятился к стене, но словил мой взгляд и замер. Я покачал головой. В памяти крепла тяжелая галлюцинация, но выворачивать сознание перепуганному человеку я не хотел. Он понял угрозу и застыл на месте.

— Чуть проще, если можно. — Сет продолжал расспрос, многоэтажные формулировки

ему явно не нравились.

Обезволенный мужчина пожевал губами, словно подбирая слова, и выдал:

— Программирование поведения низших существ.

— А что насчет людей? — На лбу сенсера проступил пот, удержание давалось тяжело.

— Срыв первой серии испытаний — мертвое кольцо. Дальнейшие в приемниках-концентраторах за границей полиса.

— Что такое Маяк? — Сет сдавленно вдохнул. Он был на пределе, но в глазах читалось неистовое желание получить ответ любой ценой.

— Завершающий этап... — заведующий замялся, наружу прорывались собственные эмоции. — Информация засекречена.

— Говори! — надавил сенсер.

— Массовое программирование... — глаза закатились еще больше. — Я не знаю!

— Сет, не выкладывайся, — попросил я. — Нам ещё уходить.

В подтверждение моих слов за переборкой в коридоре послышались тяжелые шаги. Сет отпустил заведующего, тот мгновенно лишился чувств и повалился на пол. Сам сенсер привалился к стойке с лабораторным стеклом. Та опасно качнулась, вниз посыпались пустые склянки.

— Вводи стимулятор! — Я понял, что придется временно принять командование.

Пока Сет возился с одноразовым инъектором, я обратился ко второму сотруднику:

— Другой выход есть?

Давить на него не хотелось. К счастью, мужчина оказался достаточно напуган и быстро закивал, указывая на неприметный люк в конце помещения. Массивная крышка была откинута, наружу выглядывал край лестницы.

— Сет, давай к лестнице.

Заскрежетала дверь, и в помещение вошли двое крепких парней в темно-синей ведомственной охране корпорации. Я даже не удивился. Ребята быстро сориентировались: один выхватил дубинку, другой расстегнул кобуру с огнестрельным.

— Всем оставаться на местах!

Я осмотрелся в поисках орудия диверсии. Под руку попался железный кейс с инструментами. Я размахнулся и со всего духу приложил его об угол аквариума. Раздался хруст, по толстому стеклу зазмеилась трещина. Я успел отскочить за секунду до того, как передняя стенка раскололась, и несколько тонн речной воды хлынули в помещение. Вместе с водой из ёмкости выбралась и рыба. Теперь на полу прыгали три десятка жирных сомоней.

Я не стал дожидаться развязки и рванул к лестнице. Сет уже спустился и ждал меня. Оторопевшие охранники не стали палить мне вслед. Я быстро нырнул вниз, а Сет захлопнул тяжелый люк и щелкнул задвижкой.

— Где мы? — Сет осмотрелся. Его голос стал ровным, а взгляд осмысленным — подействовал стимулятор.

Мы оказались в полутемном трюме, похожем на отсек с генераторами. Только здесь по центру зиял глубокий бассейн. Я присмотрелся внимательнее, но дна не нашел. Должно быть, воздушная подушка судна не сплошная, и это — окно в водоём. Над водой в свете пары зарешеченных фонарей угадывался контур жутковатой установки. Конструкция походила на старый трансформатор, прикрепленный к гигантскому кипятильнику. Не хотелось даже думать, для чего она здесь.

— Плавать я всё ещё не умею, — произнес Сет, глядя в бассейн.

— Надеюсь, не придется.

Меня ещё трясло от предыдущего подвига. Думать о подводном заплыве под многотонным судном не хотелось. К счастью, в противоположной стене нашлась дверь. Мы покинули трюм и после недолгих блужданий по неосвещённым коридорам и лестницам выбрались на палубу. На ней никого не было. Начинало казаться, что мы видели весь персонал плавучей лаборатории. Со стороны судно вообще казалось покинутым. Разнообразие вносила только оранжевая мигалка, бесшумно моргающая в темноте на уровне второго этажа. Сет первым заметил её, и мы, не сговариваясь, побежали к лодке.

Уже внутри, пока сенсор заводил изношенный двигатель, я почувствовал неладное — легкий след чужого присутствия на судне. Не мой и не Сета. Едва заметный, словно оставленный несколько дней назад. В городе ничего подобного заметить невозможно. Слишком много людей. В общественных местах каждый метр земли отмечен сотнями и тысячами следов. Можно тронуться умом в попытках разобрать такой узор.

Закашлял двигатель, и лодка тронулась. До берега здесь было чуть меньше километра. Я решил не ломать сейчас голову и позже рассказать о подозрениях Соломону. Но игры разума на сегодня не закончились. В темноте на берегу что-то замерцало. Едва я понял, что зрение здесь не при чем, как свет погас. Шестым чувством я отметил, что мелькнувшая искра похожа на энергетический силуэт Соломона, каким я чувствовал его через стены. В голове мелькнула бредовая догадка — кто-то из сенсоров на берегу пытается укрыться от моего внимания.

— Сет, ты пришел один? — Осторожно спросил я.

— Конечно, — кивнул он. — Здесь недалеко, на обочине трассы мой фургон.

— Кто-нибудь из вашей ячейки может ждать на берегу? — Я начинал волноваться.

Сет странно посмотрел на меня и ответил:

— В нашей ячейке четыре человека, включая меня. Никто из них не знает, когда и куда я ушел.

Несколько секунд я боролся с нарастающим беспокойством. Мне знакомы приступы паники, но это чувство ничего общего с моими фобиями не имело. Ошибки быть не могло, тревога нарастала по мере того, как мы приближались к берегу.

— Поворачивай, — скомандовал я.

— Зачем? Куда? — Сет уставился на меня, но когда увидел моё лицо, продолжать не стал.

— Слишком просто. Нас отпустили, — пояснил я. — Поворачивай к другому берегу быстро!

Лодка качнулась, забирая вправо. Мой спутник не стал спорить. Сенсоры, по определению, доверяют своим и чужим чувствам.

Глава 11 Провал

Я очнулся в пустой процедурной комнатке на базе сенсоров. С удивлением отметил, что по-прежнему сижу на табурете, привалившись к стене. Химиотерапия — утомительный процесс. Я задремал под конец, но обычных снов не видел. Воспаленная фантазия не рушила городов. Я не летел в бесконечном падении с крыши своего комплекса. Гигантские бритые наголо пчелы не кружили вокруг в поисках моего Древа. Даже странно было очнуться и сразу понять, кто я, и где нахожусь. Препараты Соломона подавили даже зависимость от морфина. Впервые за долгое время я чувствовал себя нормальным человеком. Хотя знания и способности, полученные в последние дни, говорили об обратном.

Рядом грустит стойка с капельницей. Остатки раствора на доньшке бутылки окрашены в розовый цвет. На сгибе левого локтя стоит катетер, но в кровь уже ничего не поступает. Пора заканчивать процедуру. Я осторожно потащил иглу из вены, в руке шевельнулась знакомая боль. Когда стальное жало вышло целиком, в месте прокола выступила кровь, по локтю лениво поползла темная струйка. Интересно, что Соломон намудрил с химическим составом, если она стала такой густой? Я потянулся к столику с препаратами в поисках пластыря. В этот момент скрипнула дверь, вошла Сонька, и мне сразу досталось:

— Что ты творишь? — У меня отобрали обрывок бинта. — И так все вены в синяках. Трудно позвать?

— Доброе утро. — Я улыбнулся, глядя, какую бурную деятельность развила девушка вокруг маленького прокола.

— Доброе. — Сонька тоже улыбнулась, пальцы отщипнули ваты и ловко вытерли кровоподтек. — Как себя чувствуешь?

— Не поверишь. Нормально.

— Ничего, скоро пройдет, — отшутилась она. — Ты вчера своими ногами пришел, и даже в сознании.

— Виноват, — кивнул я. — Исправлюсь.

— Да ещё и закрытый наглухо. Сам Соломон тебя почувствовал только у дверей.

Я промолчал. В памяти шевельнулись недавние похождения. Мои догадки даже здесь могут назвать безумными.

— От кого прятался? — Сонька продолжала болтать, перекладывая медикаменты на столе.

— Не знаю. Может, паранойя обострилась.

— Для нас это полезное расстройство. — Она посмотрела на меня и осеклась. На мгновение глаза остекленели, взгляд стал бессмысленным. — Не могу тебя прочитать.

— Это плохо?

— Это странно, — эхом повторила она. — Пошла вторая неделя. Ты уже должен был склониться. Сет обещал организовать тебе пару испытаний. Говорит, ты держался осторожно.

— Так он знал обо мне? А как же все эти... — Я запнулся, до меня начало доходить.

Сонька улыбнулась:

— Сенсер его уровня и опыта видит всё, что нужно. И силы ему не занимать, хотя чувствительности не хватает. Просто не хотел раскрываться. Так лучше для обучения. Если видишь рядом равного по силе и способностям, а не могучего наставника, который

подстрахует, начинаешь думать головой.

Я не стал спорить. Сонька — зрячая. Первая по силе в нашей ячейке, если не считать Соломона. Её оболочка переливается всеми цветами радуги. Сияние заметно, даже если специально не присматриваться. Ей виднее.

— Откуда он вообще? — Я решил перевести разговор. — Лысый весь, татуировки эти...

Сонька потянулась к небольшому окошку. Скрипнули старые жалюзи, пропуская в комнату легкий утренний свет. Косые тени поползли по бледному лицу. Она немного помолчала, собираясь с мыслями, и обронила:

— Он странный.

— Я заметил.

— Появился давно, ещё до моей инициации. Но появился сам.

— В смысле? — удивился я.

— Соломон его не обращал. И другие ячейки тоже не при чём. Он просто пришел.

— Такое возможно?

— Не знаю. — Она поморщила лобик. — Я слышала, что он был пророком в одной старой техносекте. Общался с самодельным божеством.

Мы переглянулись, Сонька покачала головой:

— Нет. Те, что в коллекторах, появились недавно. — Брови сдвинулись, губы сжались в тонкую линию. — Спасибо Сеченову.

Дверь приоткрылась, в проеме появилась голова Князя.

— Проснулся? Поднимайтесь наверх.

Напоследок я коснулся гладкой поверхности браслета и отдал мысленный приказ. В металлическом нутре что-то ожило, я почувствовал легкий укол в запястье. На дисплее забегали цифры. Семьдесят три часа. У меня есть трое суток до следующей процедуры.

На втором этаже кипела жизнь. В главном зале собралось полдюжины сенсеров. В углу развернули своеобразный наблюдательный пост — стол с мощным компьютером и двумя широкими плазменными панелями. Оператор ритмично стучал по клавишам, иногда переключаясь между мониторами, левая ладонь рисовала размашистые фигуры на сенсорной панели. Содержимое экранов транслировалось проектором на голую стену. По бетонной поверхности плясали столбцы символом, мелькали карты секторов, испещренные множеством пометок. Со стороны казалось, что оператор выполняет всю работу. Но я знал, он всего лишь переводит информацию. По обе стороны от терминала, свернувшись по-турецки, сидели двое зрячих. Оба в глубоком трансе, заряженные стимулирующими препаратами. На лбу у каждого электронный обруч, к вискам подсоединены матрицы крохотных электродов.

— Осторожно, — предупредил Князь. — Ребята сейчас очень чувствительны. Слушают старый центр и тринадцатый сектор. Так что, никакой сверхъестественной активности!

Он даже говорил вполголоса. Мы прошли мимо, и направились в другой конец комнаты. Соломон беседовал с двумя похожими, как две капли, сенсерами. Присмотревшись, я вспомнил — близнецы. В памяти мелькнула страница скудного реестра. Ирина и Стас из восьмого сектора, пост на границе санитарной зоны. Оба высокие, темноволосые, в грязно-голубых полевых комбинезонах экологов.

— Ещё двое тронулись, — без приветствий начал Соломон. — Южный въезд в закрытую зону придется оставить без наблюдения.

— Когда? — Мрачно поинтересовался Князь.

— Три дня, — резко ответил Стас. — Восьмой сектор подавили, как и ваш тринадцатый. Ребята оказались не готовы, потому что нас не предупредили об отправке колонны из Северной точки.

— Мы тоже не знали. — Соломон был холоден. — Соколову перекрыли канал связи, а он там обычный сержант.

— Из-за ваших проблем со связью, двое моих лучших сотрудников пускают слюни и ходят под себя! — Стас кипел. — Рона может и выкарабкается, а Павлу светит эвтаназия.

Все замолчали. Сам я не был знаком с пострадавшими сенсерами, но живо представил их состояние. За время скитаний по психлечебницам довелось видеть подобное. Ужасала мысль, что я сам мог оказаться на их месте, ведь мы с Князем в тринадцатом секторе попали под такой же удар. И до сих пор неясно, почему нормально пережили такую встряску. Молчание нарушил Соломон. Тщательно выбирая слова, он сказал:

— Я понимаю твою боль и скорбю о Павле. — О сошедшем с ума сенсере говорили, как о мёртвом. — Но сейчас мы должны сосредоточиться на текущей задаче.

— За месяц ячейка потеряла половину состава, — спокойно сказала Ирина. — Мы не будем ни на чём сосредотачиваться. Наши люди покидают Полис-6.

Снова повисло молчание. Соломон вздохнул. С лица сошел налет строгости и официальности, стали заметнее круги под глазами. Глава нашей ячейки превратился в обычного уставшего старика.

— Происходит то, чего я боялся. Сенсеры бегут из города. Все, кто чувствует угрозу, спешат убраться отсюда подальше.

— Разве это не лучшее решение?

— Бежать? — Теперь закипал Князь. — Куда? В другой Полис? Ира, если это началось, то другие города — вопрос времени. Мы не герои, и не фанаты. У нас нет выбора.

— Ты не можешь этого знать, — отмахнулась близнец. — Наверняка можно найти безопасное место.

— Безопасное место? — Князь распалялся всё больше. — Здесь одиннадцать миллионов! И они, ни сном, ни духом.

— Мы не подражалась спасти мир! — Вмешался Стас.

— Никто не говорит о целом мире. — Соломон примирительно поднял руки. — Я уже объяснил, нам нужна ваша помощь в сегодняшней операции. Если мы саботируем пуск первого энергоблока, у нас появится время. Нужны ваши менторы для создания массовки в старом центре.

— Время для чего? Что вы сделаете? Дюжина психов против системы!

— Это уже оставь нам. — Соломон снова собрался. — Наши ребята проверили приемники и сеть на водохранилище. Скоро разберемся и с вышкой. Главное, помогите нам сейчас.

Близнецы переглянулись. Не дожидаясь ответа, Соломон бросил:

— Князь, введи их в курс дела.

Затем старик взял меня за локоть и потащил в соседнюю комнату. Когда за нами захлопнулась дверь, он заговорщицки подмигнул мне:

— Я уже в курсе ваших подвигов. Сет отчитался.

— Мы старались по-тихому, — я начал оправдываться.

— Да теперь уже не важно, — оборвал Соломон. — Главное, с заданием справились, и тебе лишняя практика. Кстати, на берегу вас действительно ждали. Князь съездил туда,

нашел следы.

— Соломон, мне кажется, там был сенсер. Эти спецы на судне странно нас встретили...

— Исключено, — отмахнулся старик. — Сейчас я поголовно контролирую передвижения всех, кто еще остался в городе. А осталось нас немного.

— Ладно, — кивнул я. — Что сегодня затевается?

— Для тебя есть специальное задание. — Бледные губы скривились в ухмылке. — Держись подальше от того, что, как ты выразился, сегодня затевается.

— В смысле? — Глупо спросил я.

— В прямом. Сегодня мы проведем серьезную акцию вокруг энергоблока в центре полиса. Я стянул туда два десятка опытных сенсеров всех специализаций. Ты там ничем не поможешь. — Соломон говорил спокойно, словно о плановом собрании своего клуба. — Позже подтянется массовка из обычных людей. Без жертв не обойдется. А ты мне нужен живим.

— Очень тронут.

Меня задел его тон. Я сам привык категорировать вещи, но такой подход к человеческим жизням и способностям пугал.

— Не обольщайся. Это не от отеческой любви. Просто твой нераскрытый потенциал... — он замаялся. — Есть вероятность, что у тебя проявятся новые способности, недоступные даже мне.

— Какие способности?

— Пока рано говорить. Да и занят я сейчас. — Соломон посмотрел на дверь. — За этими детишками нужен глаз да глаз. А то разбегутся совсем.

— Так куда мне теперь? — спросил я.

Старик вздохнул:

— Я бы усладил тебя за город на недельку. Но полис сейчас в полувоенном положении, въезд и выезд контролируют. А новая личность и документы для тебя ещё не готовы. Даже вылазка на водохранилище была необдуманным риском. Так что, — он пригладил лысину, — отправляйся домой. Через пару дней мы с тобой свяжемся.

За спиной скрипнула дверь. Я одолел несколько ступеней и оказался на улице. Порыв ветра принес знакомый запах гари. Я поднял глаза и присмотрелся к веренице рыжеватых туч. Должно быть, ацетилцеллюлозный комбинат, или что там ещё дымит в этой части жилого кольца.

Перед тем, как двинуться дальше я ещё раз осмотрел улицу. На этот раз уже вторым зрением. Краски немного выцвели, на крышах жилых комплексов наметились крохотные дрожащие воронки, обозначая спутниковые антенны. Вдоль дороги тихо запульсировала линия электропередач, похожими возмущениями отметилась бетонная коробка понижающей станции. Всё как всегда. Руки привычным движением набросили капюшон. Я шумно вздохнул и зашагал прочь от базы сенсеров.

Спустя несколько минут мимо проплыл вестибюль станции метро. Почему-то лезть под землю сегодня совсем не хотелось. Сейчас меня вполне устраивало задымленное небо над головой. Взвесив все за и против, я направился к платформе общественного монорельса. Посмотрим на знакомый сектор с высоты.

Ближайшая станция оказалась дальше, чем я ожидал. Мой старый наладонник пришлось отдать Князю на ремонт. А без крохотной карты в кармане ориентироваться среди

одинаковых стеклобетонных стен я так и не научился. Только через четверть часа впереди показалась граница сектора и основание платформы, поднятой на два десятка метров над землей. Конструкция напоминала обрезанную вышку линии электропередач. Только наверху громоздилась широкая посадочная площадка, а вместо проводов мимо тянулся направляющий рельс и пара сверхпрочных стальных тросов.

Преодолевая дрожь в ногах, я со всеми предосторожностями поднялся по ржавеющей лестнице и сел на скамью в центре платформы. Подходить к краю и проверять прочность вареных перил совсем не хотелось. Боязнь высоты уже стала частью меня, и такая осторожность давно вошла в привычку. Люди на платформе поглядывали на меня без особого интереса. Мало ли у кого какие проблемы?

Даже по утреннему времени пассажиров немного: трое рабочих-коммунальщиков, пара курьеров и сонный охранник. Монорельс не пользовался особой популярностью. Менее скоростной и надежный чем метро, он стоил дороже. Я вспомнил о деньгах и проверил ветровку. Во внутреннем кармане нашлась потертая кредитка, которую дал мне Соломон. Баланс не заоблачный, но на текущие расходы хватит.

Скоро послышался скрежет металла, вдалеке показался обтекаемый серебристый вагончик. Внешне он походил на пулю, только двигался чуть быстрее семидесяти километров в час. Я так и не понял, зачем ему улучшенная аэродинамика на таких скоростях.

Свистнули тормоза, и вагон замер у платформы. Хлопнула пневматика, легкие створки разошлись в стороны. Вместе со всеми я зашел в тесный салон и занял место у окна. Ещё пара секунд, второй хлопок, и мы начали набирать скорость. Меня слегка вдавило в кресло, мир поплыл навстречу. Я испытал легкую оторопь, когда мимо замелькали опорные столбы. Всегда сложно соизмерять скорость в таком транспорте. В голове привычно собралась система уравнений, но я оставил расчеты для другого случая. Сейчас у меня есть дело.

Уже проплывая над границей секторов, я замедлил дыхание и начал погружаться в контролируемый транс. Глаза закрылись, и я сосредоточился на собственном организме. Ограничить активность нервной системы не так сложно. То, чего древние йоги добивались многочасовыми медитациями, простому сенсеру дается за пару минут. Когда пульс опустился до тридцати ударов, я открыл глаза и новым зрением обратился к проплывающему за окном миру.

Знакомый техногенный пейзаж помрачнел. И без того небогатые на краски жилые кварталы стали почти чёрно-белыми. Спасало картину бледное солнце. Холодный свет отражался в тысячах стеклянных, пластиковых и металлических зеркал, плясал на прозрачных крышах высоток. Это отвлекало внимание от грубых форм и железобетонных изысков типового строительства. По небу то и дело пробегала рябь — след разнородного электромагнитного излучения, пронизывающего воздух. Даже из крохотной кабинки на высоте двадцати метров я мог разглядеть три вышки сотовой связи. Вокруг них «рябило» особенно сильно.

Внутри сектора путь монорельса проходил над автодорогой между стеклянными стенами комплексов. Все окна, скрытые темной тонировкой, хорошо отражали свет. Потому, над улицей полз не один, а целых три вагона. Я даже смог рассмотреть свое отражение на одном из поворотов.

— Внимание. Выход на центральную площадь закрыт, — донеслось из динамика в потолке. — Следующая станция — коллекторный узел.

Пассажиры настороженно переглянулись и прильнули к окнам. Площадь перед выходом

из сектора пустовала. Я слышал, здесь демонстрантов было немного. Как и в моем секторе, их разогнали слезоточивым газом и другими относительно гуманными средствами. До подвижных электростанций и пси-подавителей здесь не дошло.

Сейчас на площади трудятся три фургона-чистильщика. Из цистерн поступает моющее средство, огромные щетки полируют брусчатку. Тихо и мирно. Только решетчатые заграждения и усиленный пропускной пост у ворот немного нарушают гармонию. Согласно инструкциям, основные улицы перекрыты, а в служебных помещениях у ворот находятся дватри взвода внутренних войск.

Я долго присматривался к пространству над площадью, к соседним кварталам, но ничего особенного не заметил. Быть может, не знал что искать. А может, следы человеческих эмоций слишком слабы, и с такого расстояния их не прочесть. Уже через минуту все пассажиры успокоились и заняли места. Я сделал несколько глубоких вдохов и вернулся к обычному зрению. Даже для сильного сенсера постоянно смотреть на мир, используя способности, слишком утомительно. Требуется много сил и сосредоточения.

Спустя полчаса вагон добрался до моего сектора. Едва за спиной хлопнули створки, я почувствовал себя дома. Странное чувство по отношению к огромному куску городского пирога с миллионным населением. Но для меня это действительно дом. Даже испорченный химкомбинатом воздух казался знакомым. Почти не глядя по сторонам, я спустился с платформы и зашагал по проспекту.

Мой сектор оставался одним из самых густонаселенных. Даже сейчас, когда время подбиралось к полудню, на улице былолюдно. Одинаковая серая одежда, одинаковые бледные лица — поведение таких людей хорошо поддается алгоритмизации. Внешний вид человеческой массы хорошо сочетается со скучной типовой застройкой уличных кварталов. Но я не боюсь потеряться здесь. Ориентируясь на далекий шпиль стометрового транслятора, я быстро нашел один из центральных бульваров, и ноги сами понесли меня в сторону окраинной новостройки.

Но добраться до тесной квартирki так и не вышло. Проходя мимо очередного переулka, краем глаза я заметил странную компанию: прилично одетого пожилого мужчину с кейсом, светловолосого парня в кожаной куртке и ярко накрашенную девочку-подростка в мини-юбке. До меня донеслось:

— Это неважно. Там в городе намного интереснее.

Еще не до конца понимая, я повернул голову, и очнувшееся второе зрение выхватило мерцание вокруг говорившего. Русский парень — сенсер. Его оболочка переливается розовым, по прозрачной поверхности выются алые разводы. Манипулятор. Причем, немалой силы. «Чем гуще цвет, тем выше потенциал», — толковывал мне Князь.

— У вас сегодня свободный день. Вы должны пойти со мной, — продолжал парень.

Я не стал следовать инструкции и приветствовать собрата. Наоборот, закрылся от его внимания и постарался ограничить активность в подкорке мозга. К счастью, незнакомый сенсер был слишком занят, чтобы заметить меня.

— Но моя работа... — Пожилой мужчина ещё пытался сопротивляться. — Меня накажут за опоздание.

Я отошел в сторону, и притворился, что изучаю мерцающую вывеску бара через дорогу. Компания осталась в поле зрения. Следуя неясному предчувствию, я продолжал наблюдать, хотя уже догадывался, чем всё закончиться.

— Работа подождет, — терпеливо продолжил сенсер. — В центре намечается

небольшая акция. Вы ведь примете участие?

Я кожей чувствовал, как русский гасит сознание мужчины, подчиняет его волю.

— Д-да... наверное. Вы покажете дорогу.

— Конечно. — Манипулятор дружелюбно кивнул. — Только возьмем с собой...

— Лику, — подсказала девочка.

Она уже смотрела на парня, не отрываясь. Сейчас он казался ей любимым киноактером, недостижимым кумиром. Женщины поддаются влиянию лучше. Наверное, потому, что сами не лишены способностей к управлению. Идеальный материал. Сенсер перевел взгляд на свою жертву, коснулся щеки, и в широко распахнутых глазах погасла последняя искра.

— Идем. — Он взял девочку за руку, все трое, как послушные дети пошли по улице.

Во мне боролись страх и любопытство. С одной стороны незнакомый сенсер и прямой приказ Соломона. С другой — аналитический интерес. Ведь это классика морального выбора. Иметь недоступные другим способности, и не использовать их во благо себе. Ведь русский манипулятор не обязательно работает по заданию. Возможно, он простой извращенец и решил затеять групповуху с парой молодых девиц и пожилым бизнесменом. Шикарное пополнение выборки для ветви Взаимоотношений.

Любопытство взяло верх. Я надвинул капюшон глубже и неспешно зашагал по тротуару, стараясь держать троицу в поле зрения. По дороге манипулятор дважды останавливался, проверяя зазевавшихся прохожих, но под контроль никого не взял. Он искал слабых и податливых, чтобы не тратить лишние силы. Так мы вышли из сектора и добрались до станции метро.

У входа в вестибюль шумно и людно. Хлопали крутящиеся двери, плевался стандартными фразами громкоговоритель. Когда сенсер направил ведомых вперед и смешался с толпой, я едва не запаниковал. Но стоило прикрыть глаза, как впереди вспыхивал тусклый розовый маячок, а обострившиеся чувства указывали направление. Русский тоже сохранял спокойствие, ведь чувствовал подконтрольных так же ясно, как я его.

Уже под землей, на платформе станции троицу остановил случайный патруль постовой службы. После недавних волнений все правоохранительные структуры перевели на режим повышенной готовности, и нарядов по городу стало втрое больше. Двое бойцов и сержант явно вознамерились проверить документы странной компании, но сенсер очередной раз проявил себя. Он легко приобнял девчонку за плечо и подошел ближе к ведомому мужчине. Все трое стали походить на благополучную семью. Когда страж порядка потребовал документы, русский улыбнулся и пояснил:

— Всё в порядке, сержант. Мы в центр регистрации, перепрошить электронную метку моей сестренке.

Девушка с готовностью протянула ручку, демонстрируя полоску штрих-кода над запястьем. На лице патрульного отразилась мучительная работа мысли. Спустя пару секунд, он оставил неблагоприятное занятие и выдал заученное:

— Предъявите карту, вытяните руку для сканирования.

Не переставая улыбаться, манипулятор протянул руку, легко хлопнул сержанта по плечу и повторил:

— Всё в порядке.

Сенсеру пришлось надавить. Я даже почувствовал легкий откат. Глаза патрульного стали пустыми. Он посмотрел сквозь собеседника, потом отвлекся на случайный звук и потерял к троице всякий интерес. Спустя мгновение наряд зашагал дальше.

Следующий час прошел в переездах между станциями кольцевой линии. Манипулятор заговаривал со случайными пассажирами, выходил на разных остановках и понемногу пополнял группу ведомых. Вопреки логике, чем больше становилось людей, тем проще он управлял ими. Включилось стадное чувство. Отдельные члены группы стали слабее сопротивляться, оставили попытки выйти из подчинения.

Я следовал за собратом на приличном расстоянии. Чутье не давало потерять его, потому я спокойно садился в соседние вагоны и растворялся в толпе. Когда количество людей в группе добралось до дюжины, я понял, что манипулятор на пределе. По его оболочке то и дело пробегали волны. Алые разводы на поверхности пульсировали и вытягивались. На очередной платформе, я выхватил взглядом его лицо. Безмятежное выражение и улыбка исчезли. Губы сжались в тонкую линию, проявились острые скулы. Сенсер был собран и сосредоточен. К счастью, не на мне. Я вообще начал сомневаться, что он способен заметить меня в таком напряжении.

Вскоре русский понял, больше людей ему не взять, и изменил маршрут передвижения. Все тринадцать человек организованной толпой вышли на очередной станции, и перешли на ветку, идущую в центр полиса. Я последовал за ними в следующий поезд и занял место у окна в конце вагона. В памяти всплыли слова Соломона. Я начал догадываться, куда едет манипулятор.

После получасового путешествия оцифрованный голос с потолка сообщил: «Второй энергоблок». Открылись двери, и дюжина ведомых вывалилась наружу. Уже на платформе сенсер перестроил людей, стал в центре, и толпа почти строевым шагом направилась к эскалатору.

Случайных людей вокруг стало меньше, мне пришлось отпустить группу вперед. Весь путь наверх я отлично чувствовал их передвижение. Но как только ступени вынесли меня на наземную часть станции, направление исчезло, а в сознании повис знакомый фон. Я оказался на поверхности в промышленной зоне возле старого центра города. Слишком близко от исполинской вышки и, открывшегося над ней разлома.

Первая минута ушла на то чтобы продышаться и восстановить контроль над ощущениями. Вторая — собраться с духом, чтобы сделать шаг за герметичную вертушку двери станции.

За время моих подземных переездов снаружи прошел дождь. И не простой. Над промышленным районом выпал щелочной осадок. Я понял это с первым вдохом, когда кислородный воздух зацепил в горле и заставил легкие судорожно выдохнуть.

По небу ползет рыжеватая туча. Сквозь прорехи вниз тянутся солнечные лучи. Но я уже не вижу химических красок. Моё внимание поглотила черная пропасть на границе районов. Воображение взбунтовалось, пытаюсь нарисовать зрительный образ, заполняя Надрыв клубящейся тьмой и россыпью тусклых символов. Семисотметровая вышка в нескольких километрах кажется исполинской иглой, протыкающей небо. Увенчанная тремя параболами антенн, вершина почти исчезает на фоне непроглядной тьмы разрыва. Воздух вокруг башни дрожит и тянется вверх, плывут очертания строительных лесов и утягивающей сетки.

Я с трудом оторвал взгляд от жуткого пролома и осмотрел улицу. Манипулятор с группой ушел недалеко. Люди остановились в переулке между высокими заводскими корпусами. Кроме русого в толпе угадывается еще один мерцающий силуэт — второй сенсер. Я перешагнул радужную поверхность маслянистой лужицы и, не скрываясь, направился к ним.

— Том, я ведь просил не брать несовершеннолетних. — Говоривший сенсер был облачен в длинный плащ и прятал лицо под капюшоном. — Здесь может быть опасно.

— Она сама подошла. — Русский оправдывался очень неуверенно, словно боялся собеседника. — Низкий порог. Куда я её теперь дену?

— Правильный вопрос. — Сенсер в плаще повернулся. Руки в обрезанных перчатках откинули капюшон, и я увидел лысый череп с татуированными бровями. — Вы уже познакомились?

— С кем? — Манипулятор обернулся.

— Ясно, — кивнул Сет. — Наш юный проспект закрылся от тебя.

— Мне следовало догадаться, что расстояние тебе не помешает. — Соломон продолжал отчитывать меня уже по инерции. Тонкие пальцы бегали по экрану планшета, на электронной карте промышленной зоны появлялись новые отметки. — Твои способности раскрываются, но это не повод лезть, куда не просят.

Я немного опустил голову, стараясь выглядеть виноватым. Кроме нас в подвальном боксе старого заводоуправления находились Князь и Сет. Оба занятые настройкой переносного терминала и самодельных коротковолновых передатчиков. Меньше чем за час в темном подвале развернулся маленький центр управления.

— Но раз уж ты здесь, — Соломон на секунду оторвался от экрана и бросил на меня строгий взгляд, — то будешь держаться рядом.

— Когда они начнут? — Я подтянулся к маленькому окошку под потолком и выглянул наружу.

В сотне метров от нас высится стена сеточных заграждений. За колючей проволокой и бетонным забором начинается территория атомной электростанции. Ближе к пропускнику административный корпус. Дальше здания реакторов и огромная башня градирни, от которой поднимается в небо столб сизого пара. Но мое внимание сосредоточилось на пестрой толпе у ворот.

Менторы собрали у входа на станцию больше сотни граждан. Издалека собрание кажется естественным, слышатся гневные выкрики, мелькают флаги. Но мне беспокойно. Где-то там бегают с мегафоном Сонька. Способности зрячей не требуются, потому она работает с людьми, добавляет шуму, чтобы акция казалась настоящей.

— Скоро. — Главный сенсер глянул на время, что-то прикинул в уме. — Массовка начнет по нашей команде. Мы ждем, пока подтянутся энергетики с оборудованием.

— Объясни ему толком, — отвлекся Князь. — Ну, картину в целом. А то ломанется людишек спасать.

Соломон поднял на меня глаза и тихо вздохнул. Я понял, сейчас меня посвятят в план операции и весь обратился в слух.

— Ладно, вкратце. — Соломон отложил планшет. — Завтра планируется пуск нового энергоблока АЭС для питания установки на трансляторной башне. Если она заработает на полную мощность, все сенсоры в черте Полис-6 погибнут, а аномалия Нарыва накроет весь город. Это ясно?

Я послушно кивнул.

— Под видом акции экологов, наши менторы собрали массовку у ворот станции. В нужный момент они организуют некоторый... отвлекающий маневр. Тогда пара местных работников поможет группе наших энергетиков проникнуть на станцию. Ребята соберут

кольцо... — он запнулся, подбирая слова, — объединят усилия и создадут толчок напряжения в управляющей сети. Цепи управления выйдут из строя, пуск энергоблока будет отложен...

— И у нас появиться время разобраться с кризисом, — закончил я.

— Или убраться из полиса подальше, — добавил Князь. — Кстати, держи.

Он протянул мне мой КПК. Я осмотрел наладонник: целый экран взамен треснувшего пара новых разъемов на боку.

— Спасибо.

— Я сменил прошивку, оживил передающий модуль. — Он пригладил бороду. — Теперь можешь связаться с центральным терминалом в случае крайности. Или с обычными коммуникаторами, но это в пределах квартала. Для безопасности.

Терминал у стены зашипел, на мониторе замелькало изображение.

— Есть связь, — констатировал Сет. — Энергетики.

Плавающая картинка превратилась в лицо. Бритоголовый мужчина по ту сторону деловито поправил очки и прошелся по панели наручного коммуникатора. Помехи ослабли, и до нас донеслось:

— Соломон, мы на месте. Где ваш работник?

— Должен быть с минуты на минуту, — ответил сенсер. — Сколько вас?

— Четыре энергетика, один пробивающий.

— Где ещё трое? — удивился Соломон.

— Один отказался, двое бежали.

— Группа неполная. Вы справитесь?

— Должны. — Мужчина замялся. — Сюда бы Сета. Тогда бы наверняка.

— Его способности скоро понадобятся здесь, — ответил Соломон. — Готовьтесь.

Сейчас начнет работать массовка.

Энергетик кивнул, и изображение исчезло.

— Вызывай Соню. Пусть начинают.

Но едва Князь коснулся клавиатуры, как зрячая сама вышла на связь. Её коммуникатор был проще, появившаяся картинка дрожала и прыгала. Но даже сквозь помехи было видно, Сонька растеряна. На заднем плане замелькали люди, поднялся многоголосый крик. Из динамика донесся прерывистый голос:

— Ребята, вы слышите? — Она зачем-то оглянулась по сторонам. — У меня нет картинки.

— Соня, это Соломон. Группа на месте. Пускайте людей, пусть ломают ворота.

— Какие ворота? Район оцепляют! — Сонька была напугана. — Два ментора с группами пропали на подходе.

— Соня, спокойно, — подключился Сет. — Объясни толком, что происходит?

— Отряд по борьбе с демонстрантами! — Сонька перекрикивала шум. — Группа внутри станции, и оцепление... ворота открываются! Газ...

Связь оборвалась. Динамики захлебнулись помехами, изображение превратилось в серую кашу. По коже пробежала дрожь электромагнитной наводки. Внутри всё сжалось. Я сам не заметил, как оказался у стены, как руки вцепились в высокий подоконник, подтягивая меня к грязному стеклу. Снаружи разворачивался стандартный сценарий: оставляя едкий шлейф, в толпу летели дымовые шашки, с двух сторон на людей надвигались стены пластиковых щитов.

— Запасной канал, — приказал Соломон.

— Тоже забит, — ответил Князь. — Нас глушат помехами!

— Нужно предупредить энергетиков. — Соломон на секунду задумался. — Сворачивайте оборудование. Я попробую связаться мысленно.

— У них нет телепата, — сказал Сет. — Некому принимать...

В соседнем помещении грохнуло, в комнату ворвался столб пыли и дыма. Через секунду в комнату ввалился один из зрячих, оставленных на входе. Комбинезон в пыли, по бледному лицу стекает кровь.

— Нас взрывают! — Он закашлялся. — Группа захвата. Два фургона.

— Где Карл?

Вскрик и два выстрела из соседней комнаты стали ответом. Князь выхватил откуда-то короткий дробовик, передернул цевьё. Соломон переменялся в лице:

— Сет, Юра в кольцо! Князь, задержите их!

Без лишних слов меня схватили за руки и потащили в центр комнаты. Когда мы собрались в маленький хоровод, Соломон кивнул Сету:

— Давай пси-шторм! — Глянул на меня. — Юра, просто откройся, нужен твой потенциал.

Едва я закрыл глаза, все чувства обычные чувства ослабли. До меня доносились звуки перестрелки, но тихо, словно отраженное эхо. Я чувствовал неудержимый энергетический поток, который проходил сквозь руки, от Соломона к Сету и по кругу. Он быстро набирал обороты, раскручивался, как смерч, впитывая мои силы. Скоро я совсем перестал чувствовать тело, стал частью потока.

В сознании проявились очертания подвала, наметились огоньки сознания копошащихся людей. Огромная черно-синяя воронка сформировалась внутри нашего «кольца» и, оторвавшись, пошла по комнатам. Там, где она проходила, огни сознания гасли, телесные оболочки людей валились на пол, сливались с окружающим серым фоном. А потом всё погасло и для меня. Я потерял сознание.

— Вставай, вставай.

Сет встряхнул меня за плечи, и это помогло. Я самостоятельно поднялся на ноги и сделал несколько шагов.

— Всё в порядке парень. Ты справился. Теперь уходим.

Он бросил на шею сумку и поставил плечо Князю. Тот успел получить ранение в бедро, но дымящийся дробовик из рук не выпустил.

— Соломон, как там?

Сенсер поднялся с колен. У его ног лежал зрячий с простреленной головой. По полу расплзлась темно-красная лужа.

— Никак. Уходим.

Когда мы вышли в соседнее помещение, в нас никто не выстрелил. Полдюжины камуфлированных спецназовцев ползали и катались по цементному полу. Ближайший к нам сидел без шлема, прижимая руки к ушам. Из-под обрезанной перчатки по шее текла струйка крови.

— Быстрее! — Скомандовал Сет, подхватывая на плечо короткий пистолет-пулемет.

На улице нас ждала похожая картина. Два пустых бронированных автобуса и десятков ошеломленных людей. Но здесь пси-шторм достал не всех. Как только мы вышли, пара очнувшихся бойцов открыла огонь. Над нами прошла косая очередь. Сет среагировал

мгновенно. Полуавтомат трижды дернулся в его руке, выплевывая остаток обоймы. Один из стрелков схватился за бок и упал.

Я повалился на землю в поисках укрытия. Разум отказывался верить в реальность происходящего. Страха не было, словно я прохожу видеоигру. Сказывалась потеря энергии.

— Ниже голову, — прошипел Соломон. — Давай к автобусу.

Сам он стал на колени и выбросил вперед руки. Я понял, что он делает, когда заметил троих бойцов, вынырнувших из ближайшей подворотни. Двоих сразу повело в стороны, словно они разучились ходить. Но третий заметил нас и вскинул автомат. Когда в обшивку автобуса у моей головы врезалось несколько пуль, я очнулся. Небольшое усилие, и в стрелка полетел нездоровый образ. Ближайший фонарный столб ожил, отрастил пару железных рук и выдрал себя из тротуара. Ещё секунда и плод моей фантазии набросился на перепуганного бойца. Поначалу тот пытался стрелять в железного монстра, но скоро бросил оружие и побежал.

Перестрелка за нашей спиной тоже стихла. Второй нападавший получил заряд дроби в бронежилет и завалился на спину.

— Ничего не понимаю. — Соломон встал с коленей. — Они знали об акции. Ведут огонь на поражение, словно вычищают банду...

В следующее мгновение над нами хлопнул глушитель, и сенсеру разорвало горло. Соломон схватился руками за шею и упал, заливая асфальт кровью.

— Крыша! — крикнул Князь.

Сет поднял глаза. Лицо исказил звериный оскал, татуированные брови сошлись на переносице. На крыше здания через улицу встал камуфлированный боец. Я в ужасе наблюдал, как он медленно поднимает винтовку, засовывает дуло в рот. Сет тихо зарычал, усиливая давление. Ещё один хлопок, глухой хрип, и бездыханное тело летит на асфальт.

— Князь, за руль. — Голос Сета стал глуше. — Юра, помоги положить его в салон.

Скрипнула резина и фургон полетел к границе промышленной зоны.

— Что с остальными? — не отрываясь от дороги, спросил Князь.

— Мы им уже не поможем. — Сет говорил спокойно, словно отстранился от происходящего. — Это конец организации.

Вырваться из района на фургоне спецназа Князь не рассчитывал. Машина подбросила нас на пару кварталов севернее, к выходу коллекторной системы. Там Сет выволок меня наружу и потащил к темной трубе под мостом. Я ещё не оправился от шока и с трудом передвигал ноги.

— Отсюда выберемся в санитарную зону. — Он не объяснял, а скорее планировал наши действия на ходу. — Там тихо. Мертвые кварталы. Может ещё и проскочим....

За спиной скрипнули колеса, фургон покотился к следующему сточному каналу.

Глава 12 Тень прошлого

— Это важно для меня, — упрямо повторил Кронекер. — Вам ведь нужна моя сознательная помощь?

Крохотное изображение собеседника на дисплее Ассистента искажалось и подрагивало — толстые стены заброшенного бомбоубежища гасили сигнал. Старая модель наручного терминала ограничивала четкость и цветопередачу, но даже так Кронекер видел реакцию советника Анхи.

— Маркус! — Собеседник был немного на взводе. — Мы отдали вам в подчинение группу не для того, чтобы вы рассекретили нашу сеть на востоке полиса!

— Мой юный друг. — Кронекер тоже начинал заводиться. — Я зашивал цианид в воротник ночной рубашки, когда ваша организация ещё брала под контроль продажу спиртного на шахтерских базах. Я всё спланировал. Нас будет только трое. Риск минимальный.

Мужчина на дисплее устало откинулся в кресле и снял очки. Несколько секунд он что-то взвешивал, потом тяжело вздохнул:

— Но что вы там надеетесь найти? Это же серьезный проект. Наверняка, всё уже вывезено и уничтожено.

— Серьезным этот проект был, пока им руководил я, — отрезал Кронекер. — Уверен, Круст не удосужился даже нормально заморозить лабораторию. Для него это был лишь способ вывести меня из игры.

Ещё несколько секунд советник сверлил Кронекера взглядом и, не дождавшись реакции, по-армейски отрезал:

— У вас есть сутки. Завтра к вечеру весь личный состав должен прибыть на центральную базу.

Кронекер кивнул и коснулся панели Ассистента. Дисплей погас.

— Ну что, Док? — На койке за спиной перевернулся Веер. — Центр даёт добро?

— Даёт, — ответил Марк. — Собирайся, выходим через час.

Рослый парень спустил ноги с лежака, приладил волосы на небритой половине черепа, жирная прядь упала на глаза.

— Так солнце ещё не село. Куда спешить?

— Через час, — повторил Марк. — Пока дойдем, как раз стемнеет. Не знаю, сколько там придется пробыть.

— Ладно. Куда идем-то?

— На моё прежнее место работы. — Кронекер криво усмехнулся. — Здесь, внутри санитарной зоны.

— Хорошо, что внутри. — Веер встал и потянулся. — Периметр укрепили. В жилое кольцо теперь только по тёмному можно. А в центр даже под землей нормально не выбраться.

Свободный час Марк потратил на изучение карты заброшенных районов, которая нашлась на стене в центральном зале бомбоубежища.

Оставленная военная часть внутри городской пустоши оказалась отличным местом для ячейки Анхи. Окруженная километрами пустырей и расселенных кварталов, она сливалась с апокалиптическим пейзажем. Десяток анархистов спокойно жили здесь уже несколько лет,

совершая ночные вылазки в разные части полиса. Внешне часть оставалась такой же брошенной, как после эвакуации, чтобы регулярная спутниковая съемка, или пролетающий винт не обнаружили новых жителей. Но комплекс подземных сооружений использовался по полной программе. Анхи оборудовали внутри несколько спальных помещений, столовую и медпункт. Водопровод поддерживался в сносном состоянии, старенький генератор давал электричество в ночные часы.

После эвакуации из части почти ничего не вывезли. Своим ходом из автопарка ушла рабочая техника, были перевезены склады боеприпасов и горючего. Остальное свалили в казармах и бросили на полтора десятка лет. Потому практичные неформалы быстро приспособили истлевшие остатки материальной части для своих нужд. В пункте РХБ-разведки осталось полсотни комплектов химзащиты. Рассохшимся резиновым плащам и чулкам применения не нашлось. А вот противогазы и респираторы очень помогали, когда на район проливались токсичные осадки, или опускалось облако газа.

Неожиданно для себя Марк стал комендантом маленькой крепости. После пары вылазок местные бойцы признали в нем «своего», а совет Анхи сделал назначение. Веер остался полевым командиром.

Ассистент на руке завибрировал, до выхода осталось семь минут. Марк оставил карту и вернулся в тесный бокс, чтобы собраться.

Армейский комбинезон с серыми разводами городского камуфляжа лег на плечи. Руки прошлись снизу вверх, застегивая пуговицы. Над поясом затянулся широкий ремень. На всём обмундировании присутствовал только один отличительный знак — металлическая бляха анархии. Шила лично приштопала раскосую букву «А» в стальном овале к левому плечу комбинезона.

Со снаряжением дела поправились. Кроме одежды, Марк разжился у неформалов высокими шнурованными ботинками. Местный умелец даже вставил в них железные «стаканы». В набедренной сумке появились медикаменты и небольшой инструментарий — что-то среднее между чемоданчиком слесаря и хирургическим набором. В довершение ко всему, среди спасенных из камеры вещей нашелся старый пневматический пистолет и набор дротиков с разным наполнением. В первую же свободную ночь Кронекер перебрал оружие и снарядил две обоймы парализующими и смертельными инъекциями.

На единственном живом компьютере Марк умудрился влезть в сеть и за пару часов обновил программное обеспечение Ассистента. Теперь наручный терминал содержал в себе подробную карту покинутых кварталов и мог связаться с любым беспроводным средством связи в радиусе пяти километров.

Когда Кронекер при полном параде вошел в переходник бункера, ожидавшие там Веер и Шила встали, приветствуя командира. Марк слегка опешил:

— Это вы к чему?

— Порядок такой. — Веер улыбнулся, ветвистый шрам на щеке пошел сетью морщин.

— Порядок, это хорошо. Готовы?

— Мы готовы, — подала голос Шила. — Только зачем нам лишний ствол? — Она кивнула на кобуру, на правой ноге Марка. — Если что, у Веера есть обрез, но мы ведь не хотим шуметь?

Двухметровый панк хлопнул по плащу, под резиновой тканью проявился выступ.

— Это не огнестрельное. — Кронекер коснулся застежки на широкой, почти ковбойской кобуре. — Для спокойствия. Нет у меня здоровья, цепями махать.

Веер усмехнулся и сказал в потолок:

— Север, мы готовы. Выпускай!

Динамик под потолком зашипел, раздался сонный голос:

— Снаружи тихо. Выпускаю. Готовность три... два... один...

Свет в помещении моргнул. Лязгнул запор, и тяжелая стальная дверь наружу приоткрылась. Веер налег плечом, расширяя проход. В подземелье ворвался легкий сквозняк, по бетонному полу потянулись лучи вечернего солнца.

Когда дверь захлопнулась за спиной, Марк остановился и с удовольствием втянул прохладный вечерний воздух. Сказывались дни, проведенные под землей.

Пейзаж вокруг мало изменился: на плац нанесло мусора, у дальнего казарменного бокса провалилась крыша. Пустые здания смотрели на Марка черными провалами окон и дверей. А остов гниющего грузовика в тусклом свете выглядел и вовсе зловеще.

— Грустно здесь. — Шила нарушила молчание. — Куда вести?

Марк тряхнул головой, сбрасывая наваждение.

— Я знаю дорогу.

— По карте? — Уточнил Веер. — Она тут старая...

— Я жил здесь недалеко, — перебил Кронекер. — Ещё до... эвакуации.

Никто не стал спорить. Группа двинулась к покосившимся воротам. На ходу Марк прошелся по панели Ассистента и поставил его в режим пассивного приема. Крохотный динамик ответил тихим шипением эфира. Теперь любая радиопередача на стандартных частотах не пройдет мимо.

За воротами Кронекер свернул направо и повел группу по разбитой трассе. Вдалеке показались высотки жилых корпусов. Такие же, как в кольце, только без единого огня в окнах.

— Давайте ускоримся. — Веер оглянулся по сторонам. — Идем тут, как на ладони.

Марк последовал совету, он тоже неуютно чувствовал себя на открытом пространстве. Спустя полчаса опасения оправдались. Когда тройка ускоренным походным шагом добралась до окраины района, вдалеке послышался нарастающий рокот.

— Бегом! — Скомандовал Веер.

Группа сорвалась с места и за считанные секунды преодолела расстояние до стоянки гаражного кооператива. Веер первым влетел между рядами ржавых железных коробок и заскочил в одну из них. Шила прыгнула на стену двухэтажного бокса, подтянулась, и через секунду ноги исчезли в узком окне. Марк успел добежать до крайнего гаража и забился в щель между постройками. Через несколько секунд в небе показался огромный грузовой вертолет. Рассекая воздух парой огромных винтов, воздушный корабль поплыл в сторону промышленной зоны.

Кронекер подождал ещё минуту для верности и вылез наружу. Пыхтя и отряхиваясь от ржавчины, из железного коробка появился Веер. У выхода он облокотился на край ворот. Раздался скрежет, косая створка с грохотом упала на землю. Последней вернулась Шила. Из окна на уровне двух метров показалась бритая голова, в воздухе мелькнули подошвы, и девушка изящно приземлилась на землю.

— Обошлось, — прокомментировал Веер. — Теперь ходим только дворами.

Дальше дорога пошла внутри пустого микрорайона. Мимо потянулись подъезды домов, безлюдные дворы, остова сгнивших автомобилей. Почти не глядя на местные красоты, Кронекер сворачивал из одного переулка в другой и уверенно вел спутников сквозь

каменные джунгли. Через полчаса такого марша неформалы добрались до противоположного края застройки. Впереди показался просвет — за стыком очередной пары высоток мелькнуло серое небо. Кронекер ускорил шаг.

— Там на краю метеобашня, — вспомнил Веер.

— Да, — усмехнулся Марк. — Метео...

— Ты работал синоптиком, Док? — Вклинилась Шила.

— Главным синоптиком глобальной корпорации, — отшутился Марк.

Неформалы переглянулись. Они всерьез решили, что у трансконтинентальной корпорации «Лик» с её планами мирового господства есть местный отдел метеослужбы. Марк посмотрел на озадаченные лица и вздохнул:

— Ну, вот смотрите...

Они обошли последний нежилой комплекс и остановились. Впереди открылся вид на пригородный пустырь. Посреди заросшего поля высилась сорокаметровая метеобашня: стандартный бетонный поплавок, двухэтажное здание в основе и прямая железная мачта. На сером синтетическом куполе, венчавшем конструкцию, виднелись пятна копоти и черная гарь — следы пожара. В нескольких местах плотная ткань прогорела насквозь. Сквозь дыры просматривалась площадка с обгоревшим оборудованием.

— Подумай, зачем на метеовышке спиральные антенны, система отражателей? — Кронекер указал на прореху. — Рефлектор вон пятиметровый...

— Док, я тебя боюсь, — улыбнулась Шила. — Не бросайся такими словами.

Марк хотел ответить, но в это время дверь здания в основании башни открылась. Веер первым заметил движение и повалил своих спутников на землю. От неожиданности Кронекер не успел сгруппироваться и ткнулся лицом в чахлую траву.

На пороге показался рыжий парень в кожаной куртке. С расстояния сотни метров Марк рассмотрел старую рацию на поясе и пяточок переговорного устройства на плече.

— Диггеры? — прошипела Шила.

— Дети подземелий, мать их... — Веер презрительно прищурился. — Вечно копаются где-нибудь.

Парень рассеяно глянул по сторонам, почесал бороду и скрылся внутри здания. Через пару секунд из темного проема показалась тренога с тепловизором. Рыжий вынес прибор из помещения и занялся установкой.

— Это неформальные детишки Вяземского. — Кронекер вспомнил заведующего постом экологов и немного успокоился. — Помогают ему за пропуск в санитарную зону. Неофициально.

— Интересно, сколько их там? — Веер приподнялся, пытаясь рассмотреть движение в окнах.

— Двое-трое, не больше, — ответила Шила. — Днем большую группу через периметр не провести. Тем более, сейчас.

— Будем ждать, пока уйдут?

— Времени мало. — Кронекер задумался. — Может, они вообще устраиваются здесь на ночь. Ждать нельзя.

Веер подозрительно посмотрел на Марка.

— Ты собираешься их...

— Головорез, — поморщился Кронекер. — Сделаем изящно.

Спустя пару минут рыжий диггер оставил прибор и вернулся в здание. Кронекер дал

команду, троица поднялась с земли и двинула к башне. Меньше чем через минуту Веер и Марк уже стояли по обе стороны от двери. Сжимая в руке короткий дробовик, рослый неформал прислушивался к шорохам внутри. Кронекер сменил обойму в пневматике и проверил давление. Пальцы подняли предохранитель.

— Поехали, — одними губами произнес панк.

Он первым прокрался в дверь и сразу направился к лестнице на второй этаж. Шила и Кронекер свернули налево в единственную открытую дверь. Посреди заваленной хламом комнаты лежали два добротных рюкзака и мощный светодиодный фонарь. Из дальнего угла слышался шум. Кронекер присмотрелся и заметил рыжего. Тот стоял на коленях у перевернутого железного шкафа и возился с замком.

Марк уже поднял оружие, но Шила взглядом остановила его. По-кошачьи мягко ступая между кучами мусора, она двинулась к незадачливому искателю. Когда до жертвы осталось несколько шагов, под каблуком хрустнул обломок. Диггер повернул голову на звук, но в ту же секунду Шила прыгнула ему на спину и сделала захват шеи. Парень попытался сбросить противницу, но жесткий носок ударил его под колено, и он завалился на бок.

Не теряя времени, Марк подбежал к парню и открыл сумку. На свет показался тонкий шприц с желтоватой жидкостью. Шила схватила парня за волосы и потянула назад. Кронекер воткнул иглу в незащитную шею и ввел инъекцию. Рыжий задергался от боли, но спустя десять секунд обмяк и вырубился.

На втором этаже слышалась возня, зазвенело стекло. Грохнул выстрел. По лестнице за спиной загремели торопливые шаги. Слишком легкие для сапог Веера. Марк обернулся и успел заметить, как мимо дверного проема мелькнула фигурка в сером плаще. Пальцы перехватили рукоять пистолета, и Кронекер бросился к выходу.

Пока он выскочил на улицу, девушка едва сделала два десятка шагов. Не надеясь на механический сустав, Кронекер припал на колено и вцепился в рукоять двумя руками. Секунда, потраченная на прицеливание, оправдалась. Свистнул сжатый воздух. Спустя мгновение тонкий дротик догнал беглянку и воткнулся пол правую лопатку.

Поначалу Марк испугался, что игла не пробила плащ — слишком бодро девушка продолжала бежать. Расстояние увеличилось, жертва вышла за пределы дальности старой пневматики, и Марк опустил пистолет. Но через полсотни метров девушка начала спотыкаться, петлять и скоро свалилась.

— Док, что там? — В дверях показалась Шила.

— Достал. — Марк поднялся с колена. — Где Веер?

— Здесь я. — Парень подвинул Шилу и вывалился наружу. — Всё нормально. Там больше никого нет.

— Кто стрелял? Я же сказал, без пальбы.

— Она на меня шкаф уронила! — Веер был скорее восхищен, чем обижен на девушку-диггера. — Такая маленькая и такая злая...

Лысая Шила молча ударила его в бок и демонстративно отвернулась. От неожиданности панк подавился остатком тирады, но ухмылка стала шире.

— Теперь для них мы обычные мародёры, — вздохнул Марк. — Веер принеси сюда девушку. Мы с Шилой вытащим рыжего.

Спустя пять минут два бесчувственных тела сидели связанные спиной к спине у входа. При ближайшем рассмотрении девушка оказалась вполне симпатичной. Ладную фигурку не скрыл даже глухой плащ. Глядя на густые темные волосы, Кронекер едва не впал в ступор —

такую гриву носила Катрин, когда они познакомились. В памяти встал образ высокой гордой женщины, острые черты лица, бездонные глаза. А потом вспомнилась безвольная кукла, пустая оболочка — всё, что осталось от любимой Кэт. Из забытья вырвал голос Шилы:

— Док, сколько они так проваляются?

— Инъекции хватит часов на шесть. — Марк тряхнул головой, сбрасывая наваждение. — Их найдут раньше. Включим передатчик перед уходом. До периметра километров семь. На посту засекут сигнал и вышлют вертушку. Но сначала закончим здесь.

Кронекер прихватил фонарь диггеров и направился к лестнице. На нулевом этаже вместо входа в тесный подвал оказалась массивная стальная дверь. Луч фонаря прошелся по обшивке. На месте запора обнаружилась развороченная дыра. В бледном свете Марк даже рассмотрел механические внутренности замка.

— Как же они умудрились, — Веер подошел ближе, пальцы коснулись отвернутого листа стали. — Вдвоем-то...

Вместо ответа Марк осветил бетонный пол. На нем лежал опрокинутый термос и терморубашке и лом.

— Жидкий азот, — прокомментировала Шила.

— Кто здесь похоронен, что вы все сюда ломитесь?

— Здесь проводились исследования, — Марк глубоко вдохнул, собираясь с мыслями. — Я и ещё несколько специалистов пытались выяснить, как другой проект корпорации... та огромная вышка в центре подействует на информационную оболочку пространства. Знаешь, что такое ноосфера?

Веер неопределенно пожал плечами.

— В общем, мы озаботились слишком глобальными проблемами, — вздохнул Марк. — Оттянули часть средств, задержали проект. А это не в духе корпорации.

— Ну, ясно, вас закрыли, исследования свернули. Что теперь мы здесь ищем?

— Нас не закрыли, — тихо поправил Кронекер. — Небольшая авария, паника, пожар. Гибнет несколько рядовых работников и... руководитель проекта. Очень удобно.

— Неплохо двигаешься для погибшего... — Шила легко ткнула его в плечо.

Кронекер бросил на неё ледяной взгляд. Девушка осеклась и отступила.

— Займемся делом. — Марк подобрал с пола лом, взвесил в руке. — Друзья-диггеры не доломали дверь. Попробуем закончить их труды.

В этот момент Ассистент на руке завибрировал, из динамика раздался шелест и треск. Слишком резкий для обычных эфирных помех.

— Рядом. — Кронекер бросил лом и принялся колдовать над терминалом.

— Может случайная наводка? — Осторожно спросил Веер.

— Мы внутри санитарной зоны, — заметила Шила. — Под бетонным перекрытием, ниже уровня земли.

— Похоже на передачу. — Марк продолжал скрести по панели, выжимая информацию. — Наверное, новая кодировка...

— Может, вернулись друзья диггеров? — Предположила девушка.

— А может патруль периметра... — добавил Веер.

— Наружу, быстро!

Все трое бросились к лестнице. На ходу Марк успел развернуть электронную карту, терминал определил направление на источник сигнала:

— Северо-восток, примерно два километра.

— Вертушек не слышно. — Веер выскочил на улицу. — Мы здесь, как на ладони. Нужно вернуться в микрорайон.

Никто не стал спорить, группа двинулась к жилым кварталам. На бегу Кронекер отстраненно заметил, что тело восстановилось и набрало часть былой формы. Стресс не отдавался слабостью в голове, а каждый шаг не грозил больше обмороком. Даже боль в полумеханической левой руке ослабила хватку.

Вопреки опасениям, троица успела добраться до пустых кварталов. Не сбавляя темп, Веер провел спутников через пару дворов и первым влетел в темный провал одного из подъездов. Едва Марк переступил порог, как в нос ударил сухой прелый запах. Неподвижный воздух внутри бетонного коробка оказался тяжелым и спертым.

Группа не стала подниматься по пыльным ступеням, искать укрытия на пустых этажах. Шила привалилась к стене и опустилась на корточки. Марк сел на холодную ступень, пальцы забегали по вытертым кнопкам Ассистента, треск из динамика усилился. Веер остался у дверного проёма, чтобы просматривать двор.

— Что там видно, Док?

— Не понимаю, — покачал головой Марк. Отметка на электронной карте двигалась неровно, пространство вокруг неё плыло и искажалось. — Электромагнитные волны в широком диапазоне... изменение всех параметров... смешанная модуляция. Я не смогу декодировать.

— Я не об этом. — Веер осторожно выглянул наружу. — Скажи, где источник, и как быстро он движется?

— Три квартала на север. Точнее не скажу. — Марк нажал ещё пару клавиш. — Но это точно не винт. Скорость меньше сотни километров.

— В той стороне есть сносная трасса сквозь пустошь. — Веер поморщился, вспоминая планировку. — Её иногда пользуют для переброски мелких грузов и...

— И подопытного материала, — холодно закончил Кронекер. — Я вспомнил. Её не отмечают на картах.

Шила и Веер настороженно посмотрели на лидера, но вслух не прозвучало ни слова.

— Поднимайтесь. Здесь можно срезать.

Через две минуты запыхавшиеся неформалы вылетели из очередного двора к старой асфальтированной дороге на краю района. Не дожидаясь команды, Веер лег в канаву и окопался за кучей мусора. Шила и Марк добежали до обочины, ржавый остов грузовика скрыл их от посторонних взглядов.

— Далеко, Док? — Шила глянула на трассу сквозь раму лобового стекла.

— Рядом.

Вдалеке показались клубы пыли. В лучах заходящего солнца Кронекер различил силуэт фургона спецперевозок. Над тонированным стеклом блеснула голограмма психиатрического приемника.

— Обычный рейс концентратора. — Марк привалился спиной к ржавому борту и выдохнул. — Пусть проходит.

— Правильно, Док, — одобрила Шила. — Не хватало ещё психов спасать...

Свист приемника стал глуше, резкий треск утонул в густом шуме. Кронекер почувствовал, как виски сдавила боль.

— Док, смотри. — Шила указала на дорогу.

Фургон несколько раз вильнул и выскочил на обочину. Из-под колес полетели камни и

мусор, словно водитель утопил педаль газа. Шорох Ассистента стал пульсирующим. Громкость крохотного динамика оставалась маленькой, но у Марка заложило уши. Шила схватилась за голову и стала сползать.

На бешеной скорости фургон пролетел мимо их укрытия. Кронекер успел заметить безумное лицо водителя. Через полсотни метров фургон резко ушел влево. Бронированный кузов повело набок, машина трижды перевернулась и полетела в кювет. Динамик Ассистента взвизгнул последний раз и затих. В ту же секунду головная боль ослабила хватку. Марк сделал несколько глубоких вдохов, и пульс перестал стучать в ушах.

— Что это было? — Шила коснулась виска, глаза стали осмысленными.

— Не знаю. — Кронекер поднялся на ноги и бросил взгляд на дорогу. — Но теперь придется посмотреть.

В тридцати шагах из мусорной кучи поднялся Веер. Неформала качнуло, но он лишь мотнул головой, сбрасывая наваждение, и сделал пару шагов.

Скоро все трое пришли в порядок и направились к разбитому фургону. На ходу Кронекер достал пистолет и проверил давление. Веер тряхнул левой рукой, из рукава с шелестом развернулась цепь.

— Сильно их помяло. — Шила обошла лежащий на боку транспорт, заглянула в кабину водителя. — Этот готов.

Кронекер заглянул в разбитое стекло и поморщился — водитель висел на ремне, шея вывернута под неестественным углом.

— Подушки не сработали, — прокомментировал Веер.

Внутри фургона послышался шорох.

— Кто-то шевелится. — Марк обошел машину сзади, попробовал запор на дверях. — Веер помощи.

Вдвоем они приоткрыли одну из помятых створок.

— Твоя очередь, — Веер кивнул Шиле. — Залезай, ты любишь психов.

Девушка фыркнула, и смело полезла в кузов. Терминал Кронекера скрипнул помехами. Внутри фургона что-то грохнуло, послышалась возня. Через секунду обе створки распахнулись, и Шила вылетела вперед спиной. Следом появилась худенькая девушка в разорванной смирительной рубашке. Хрупкая, бледная с короткими светлыми волосами. Марк только удивился, как она пережила аварию. Среди видимых повреждений была только царапина на лбу и содранные кулачки.

Кронекер поднял пневматику, но Веер положил ладонь на ствол и улыбнулся:

— погоди. Пусть моя девочка разомнется.

Шила быстро поднялась на ноги и шагнула к сопернице. Та отстраненно посмотрела сквозь неё. Но как только подруга Веера схватила её за руку, безмятежное личико исказила гримаса злости, и хрупкая былиночка бросилась на обидчицу.

Около минуты Марк наблюдал настоящую «кошачью драку». Шила оказалась техничным бойцом. На её стороне был вес и физическая сила. Но светленькая девушка оказалась не так проста. Она брала скоростью и напором, ловко ныряла под размашистые удары. Тонкие ручки плели невероятные кружева, пытаясь сломать или вывихнуть сопернице конечность.

— Ладно, — вздохнул Веер. — Потешились и хватит.

Он шагнул к сцепившимся девушкам, но успел только коснуться светленькой. Она оттолкнула Шилу и повисла на нём. Ладонка прижалась к бритой половине черепа, и через

мгновение двухметровый неформал осел на землю. Затем девушка перевела взгляд на Марка. В серых глазах отразилось отчаяние.

Кронекер ощутил невидимый удар. В голове взорвался фонтан боли, виски сдавило с новой силой. Приемник Ассистента разразился резким хрипом. Мир качнулся навстречу, но Марк собрал волю в кулак и устоял. «Она боится. Её силы имеют предел», — мелькнуло в голове. Действуя интуитивно, он поднял оружие и надавил спуск. Свистнул сжатый воздух, тонкий дротик впился девушке в шею.

Пытка продолжалась ещё несколько секунд. По телу носились фантомные боли, под ногами кружилась земля, в ушах стучал пульс. Наконец, светленькая потеряла сознание, и Кронекер вновь обрел контроль над своим телом.

На то, чтобы привести спутников в сознание потребовалось три инъекции стимулятора.

— Что она такое? — Прохрипел Веер, едва снова смог говорить.

— Боюсь, здесь я не смогу разобраться, — шепотом ответил Марк. — Мы забираем её с собой.

— Ты в своём уме?!

— Более чем...

В поисках носилок Марк заглянул в фургон. Внутри кузова всё было перевернуто. На полу два неподвижных тела — санитары. Ни один не подавал признаков жизни.

— Привязывай крепче. Уходим.

Глава 13 Новый дом

Я проснулся на полу пустой пыльной комнаты. Так же, как и заснул: привалившись к стене и вытянув ноги. Несколько секунд взгляд блуждал по углам, отмечая обломки мебели, истлевшие вещи, выгоревшую тонировку на грязном окне. После пяти часов рваного сна голова работала плохо. Постепенно ко мне вернулись последние сутки. В памяти пронеслась прогулка по жилому кольцу, замелькали огни поездов подземки. За ними показались стены промышленной зоны, градирня энергоблока, полторы сотни людей перед закрытыми воротами. С жуткой ясностью вспомнился штурм подвала и перестрелка на улице, окровавленное лицо Соломона и наше бегство. Потом перед глазами поплыли скользкие стены городской канализации и, наконец, пустые кварталы мертвого кольца в санитарной зоне Полис-6.

Рука привычно потянулась в карман за наладонником, но на полпути остановилась. Время можно даже не смотреть. Наверняка сейчас 4:14 утра. Интересно, что оставит меня раньше, рассудок или привычка просыпаться в одно и то же время?

Сквозь грязную тонировку сочится утренний свет. Хозяева квартиры заблокировали окна до эвакуации, потому стеклопакет выстоял два десятилетия. Даже оставили вверху щель для проветривания, наверное, надеялись вернуться.

Я прислушался. В соседних комнатах ни звука. Куда делся Сет? Прошлой ночью, после многочасовых блужданий по коллектору, мы выбрались на поверхность в черте городской пустоши. Руководствуясь непонятным чутьем, он долго водил меня по заброшенным кварталам, пока не выбрал этот жилой комплекс. Падая с ног от усталости, мы поднялись на одиннадцатый этаж, ввалились в пустую квартиру. Последнее, что сохранила память — я заползаю в пыльный угол, натягиваю капюшон, руки сами прячутся в рукава. В соседнем углу опускается Сет. Значит, засыпали мы рядом.

Теперь в прояснившейся голове мелькнула здравая мысль — Сет мне ничем не обязан. После уничтожения структуры сенсоров пропали последние условные обязательства. Да и выбраться за внешний периметр в одиночку у него больше шансов. Сразу стало холодно и зябко. Шевельнулся голод. Я понял, что остался один. В пустой квартире. В мёртвом районе. В чужом городе. Внутри шевельнулось чувство — простая детская обида.

Для очистки совести я всё же сосредоточился на втором зрении. Едва пальцы коснулись висков, краски вокруг потеряли яркость, а стены стали полупрозрачными. Переход дался неожиданно легко. Я осмотрелся по сторонам и сразу вжался в стену от страха. Взгляд пронизывал насквозь многоэтажный жилой комплекс и полквартала вокруг. Стекло, бетон и другие материальные преграды стали несущественны. У меня даже закружилась голова от виртуальной высоты.

Я сделал несколько глубоких вдохов и начал осматриваться. Взгляд скользил по пустым квартирам, оборванным линиям электропередач, но не находил пульсирующих нитей и воронок. Мертвое кольцо внутри санитарной зоны казалось относительно спокойным, а его оболочка — целой.

Я уже собрался вернуться к нормальному восприятию, когда вдалеке мелькнул крохотный светляк. На границе видимости проявился голубоватый силуэт энергетика. Сет не бросил меня. Мерцающая фигурка двигалась к подъезду комплекса. Довольный разведкой, я медленно выдохнул и опустил руки. Всё вокруг мгновенно обрело плотность, бетон и стекло

сомкнулись со всех сторон.

Спустя пять минут на лестничной площадке послышались шаги. Сет вошел в комнату, когда я шнуровал второй сапог. Сенсер тяжело дышал, но в остальном казался спокоен.

— Проснулся? Это хорошо.

— Напомни, — я мельком глянул на него, — зачем мы забрались на одиннадцатый этаж?

— Ностальгия, — буркнул сенсер. — Я жил на одиннадцатом. Вчера вот накрыло... воспоминаниями.

Пальцы затянули последний узел, до меня дошло:

— Ты галлюцинировал? Когда была последняя химия?

— Не совсем. Я себя контролирую. — Сет снял с плеча сумку, привалился к стене. — И... сорок девять часов.

— Многовато, — я покачал головой. — Сколько у тебя времени?

Мужчина махнул рукой:

— Ещё почти сутки. И две ампулы в браслете.

Я немного успокоился. За это время можно успеть многое.

— Я стал видеть больше. Это второе зрение... — я замялся, подбирая слово.

— Зрак, — подсказал Сет. — В моей секте это называлось Зрак истины.

— Пусть будет зрак, — кивнул я, игнорируя слово «секта». — Мне легче. Я почувствовал тебя за квартал. Почему?

— Ты растешь. Новый стресс, взаимодействие с сознанием других сенсеров... — Сет задумался, татуированные брови нахмурились. — Всё это заставляет тебя раскрываться, проявлять способности.

Повисло молчание. Мы оба поняли, что говорим о второстепенном, уходим от тяжелого разговора. Прошла минута, прежде чем я собрался с духом и спросил:

— Что будет с остальными?

Сенсер даже не шевельнулся. Он уже ответил на этот вопрос для себя и теперь просто повторил вслух:

— Располземся по углам и выйдем потихоньку.

— Я не про сенсеров, в общем! — Меня задела его невозмутимость. — Я о тех, кого оцепили на площади. Как выберутся они?

Сет внимательно посмотрел на меня и спокойно ответил:

— Власти просто разогнали людей. Мы собрали у ворот полторы сотни ведомых. Уверен, наши менторы спокойно затерялись в толпе. Даже если кто-то задержан... — Сет перевел взгляд на окно, — у всех привлеченных сенсеров есть фиктивная личность, документы и даже штрих коды.

— Сет, очнись! Нас брали штурмом, как вооруженную банду. — Я начинал выходить из себя. — При тебе погибли трое сенсеров. Я до сих пор не отмыл руки... Корпорация знает о нас!

— Исключено, — отрезал он. — Нас могли принять за радикальных антиглобалистов, или даже за группу диверсантов Анхи.

— А если нет? Если у кого-то из задержанных ингибиторы на исходе? Нужно вытаскивать их...

— Если ты не заметил, — оборвал сенсер, — мы ещё не вытащили себя! И организации больше нет. Сдавать нечего. Текущая задача — обнести наш склад с химией раньше, чем на

него выйдут люди корпорации. Иначе мы и недели не протянем.

Опять повисло молчание. Сет расставил всё по местам. Сухие факты привели меня в чувство. Пока в моей голове носились варианты развития событий, сенсер сел по-турецки и постелил на пол обрывок пакета. На импровизированном столе появилась плитка сухого рациона, плоская фляжка, две горстки капсул и таблеток.

— Мы ведь не справились. Что будет с полисом? — Я не притронулся к пище.

— Ты же видел подавление тринадцатого сектора? — Сет хлебнул из фляжки, поморщился. — Тотал контрол... может даже с массовым программированием.

— С чем? — Я весь подобрался.

— Вспомни водохранилище. Думаешь, мы намного сложнее рыб? — Сет провел ладонью по лысине. — Ну, допустим, мы с тобой сложнее... и уязвимее, кстати. Но обычные люди...

— Не может быть. — Я мотнул головой. — Слишком круто даже для моей паранойи.

— Юра, неужели ты ещё не понял? — Сенсер посмотрел устало. — Это огромный полигон, испытательная площадка. Лучшие умы корпорации давно работают над идеальной социальной моделью.

Я хотел возразить, но за окном послышался нарастающий рокот. Я мгновенно прикинул частоту, воображение нарисовало транспортный винт, рассекающий воздух над пустыми кварталами. Сет прикрыл глаза, но через секунду вскочил:

— Сели на крышу!

— Какого... — Я тоже поднялся на ноги.

— Не знаю, но они нас нашли. — Он подхватил сумку. — Вниз, быстро!

Мы выбежали на лестничную площадку и бросились вниз. Когда мимо пролетел восьмой этаж, я услышал наверху звон стекла.

— Спускаются на тросах, — бросил Сет, перепрыгивая ступени. — Давай быстрее!

Мы одолели ещё три этажа, когда над головой послышался топот. Сет спрыгнул на площадку четвертого. Подошвы сапог проехали в пыли, и он остановился. С нижних этажей донеслись торопливые шаги, замелькали тени.

— Юра, удержи верхних! Я попытаюсь пробить...

Ответом ему стала короткая очередь в просвет между перилами. Несколько пуль ударили в стену, одна звонко срикошетила о металл. Но сенсер уже ушел в себя — голова наклонилась, пальцы коснулись висков, взгляд устремился сквозь бетонный пол.

Не теряя времени, я упал на ступени и использовал зрак. Едва стены вокруг обрели прозрачность, я посмотрел вверх. Двумя этажами выше по лестнице двигались два алых стукта. Они шли убивать, потому я видел их сознания в красном спектре. Времени на сложные смысловые галлюцинации не было, пришлось использовать самое доступное — страх. За доли секунды я аккумулировал собственную панику и ужас. Легкие сделали глубокий вдох, холодная волна прокатилась по телу, и я потянулся к чужому сознанию.

Спецназовцы находились в одном пролете, когда их коснулось моё внушение. Алая палитра заволновалась, огненные краски выцвели. Им на смену пришли едкие желтые пятна и разводы. Оба бойца остановились, как вкопанные. Краем уха я услышал, как бряцнуло о бетон оружие. В этот момент внизу грохнули выстрелы, раздался крик. Мои жертвы отпрянули: один, спотыкаясь, бросился вверх по лестнице, другой выскочил на площадку пятого этажа и выбил дверь жилого бокса.

Дальше наблюдать за паникой я не смог, из-за резкой отдачи сил меня выбросило в

реальный мир. На несколько секунд я оказался опустошен — страх и волнение вложились в ментальную атаку, а новые эмоции ещё не пришли. К счастью, Сет не дал мне скучать. Судя по стрельбе на нижних этажах, он сумел взять под контроль пару бойцов группы захвата. Но удалось ему это непросто. Пошатываясь из стороны в сторону, бледный сенсер водил руками, как сумасшедший кукловод. По лбу катились капли пота, голубоватый силуэт вокруг бился и пульсировал.

Я поднялся на ноги и сделал шаг, словно мог помочь товарищу. В этот момент Сет опустил руки, в меня уперся осмысленный взгляд:

— Не пробьёмся. — Ладонь смахнула пот. — Внизу их слишком много.

— На этаж, — тихо скомандовал я.

Следуя чутью, я свернул на лестничную площадку. Сет молча последовал за мной. Нам повезло — дверь в один из боксов оказалась распахнута. В памяти всплыла карта стандартной застройки, я вошел в брошенную квартиру и сразу свернул на кухню к стеклянной стене. Память не подвела — за грязной тонировкой показалась такая же стена соседнего комплекса.

— Помоги, — попросил Сет.

Он понял намек, крепкие пальцы вцепились в створку окна. Общими усилиями мы оторвали вросшую раму, в стеклянной стене появился полутораметровый проём. Я выглянул на улицу, сердце сразу ускорило ритм. Воображение живо нарисовало, как я лечу с пятнадцатиметровой высоты на грязный асфальт. За спиной послышалась возня.

— В сторону, — просипел Сет.

Едва я отпрыгнул от проема, как мимо меня пролетел обломок чугунной батареи. Импровизированный снаряд одолел пару метров и ударил в стеклянную стену соседнего комплекса. Раздался хруст, оконный блок третьего этажа с сухим треском провалился внутрь.

— Ты первый, — бросил Сет.

— Я н-не могу... — я начал запинаться. — Высота...

В коридоре раздался очередной выстрел.

— Ну, тогда оставайся!

Он взял короткий разгон и прыгнул. Полы плаща взметнулись вверх, в голове мелькнула безумная надежда, что Сет умеет летать. Но бессердечная гравитация рассудила по-своему. Сенсер по наклонной влетел в оконный проем и покатился по битому стеклу.

Из прихожей донесся глухой удар, открытая дверь хлопнула о стену, послышался топот. Сейчас или никогда. Легкие судорожно втянули воздух, я оттолкнулся и шагнул в пустоту. За полторы секунды свободного падения перед глазами пронеслась вся никчемная жизнь. В стеклянной стене мелькнуло смазанное отражение, и я понял, что не долечу.

Из оцепенения меня вырвал тяжелый удар. Оконная рама врезалась в грудь так, что легкие выплюнули остатки воздуха. Ноги не нашли опоры, носки скользнули по стеклу. Руки судорожно вцепились в край, обломки стекла врезались в пальцы.

— Куда?!

Надо мной показалось испуганное лицо с татуированными бровями. Сильные руки схватили за куртку и потащили вверх. Ещё несколько усилий, и Сет втянул меня в окно. Едва я перевалился внутрь, сенсер схватил меня за шиворот и потащил вглубь квартиры. За его спиной в стену вошла автоматная очередь.

Сапог очередной раз погружается в грязь, ладонь опирается о шероховатую стенку тоннеля, чтобы сохранить равновесие. Легкие втягивают воздух, свинцовые ноги напрягаются для нового шага.

До меня дошло, что я уже не обращаю внимания на окружающий мир — подсветки КПК едва хватает рассеять темноту коллектора, тяжелое дыхание заглушает посторонние звуки. Я сосредоточен на боли в мышцах, стуке в висках и усталости. Больше часа мы с Сетом блуждаем подземными коммуникациями городской пустоши, уходя от вероятной погони.

— Стой, — выдохнул я. — Так мы далеко не уйдем. Надо передохнуть.

Темный силуэт впереди сделал ещё пару шагов и привалился к стене. Силы Сета тоже имеют предел. Я догнал спутника и остановился рядом.

— Как они нас нашли? — прошипел сенсер. — Никаких маячков, передатчиков, меток в телах... но они нашли!

— Утром ты выходил, — начал я. — Может случайная съемка, или патруль...

— Я похож на идиота? — перебил Сет. — Я осмотрелся во всех спектрах! Ни одной живой души в радиусе двух километров, а до периметра все пять. И облачность такая, что ни один спутник не пробьет. Вертушка летела именно за нами, больше здесь никого нет!

На минуту воцарилась тишина, каждый сосредоточился на дыхании. Между вдохами в голове мелькнула догадка.

— Сет, ты лучше меня знаешь, — осторожно начал я. — Сильные сенсоры чувствуют друг друга на значительном расстоянии.

— Если специально не закрываться и проявлять активность... — Он замолчал, в меня уперся подозрительный взгляд. — Юра, ты серьезно?

— А какие ещё есть варианты? — Я оставался спокоен, за меня говорила беспощадная логика. — Нас ищет сенсер. Причем, достаточно способный. Кто-то из наших мог перейти на сторону корпорации...

— И стать почетной подопытной крысой, — закончил Сет. — Ты понимаешь, как это звучит?

Я развел руками:

— Найди другое объяснение.

Несколько секунд мы смотрели друг на друга, потом сенсер отвел взгляд и вздохнул:

— Принимаем порошок, подавляем нервную активность. Дальше двигаемся на пяти базовых чувствах.

— У тебя есть смесь?

— Есть составляющие. Только нужно выбраться наружу. — Он достал из рукава крохотный фонарик, темноту тоннеля прорезал тонкий луч. — Смешивать в темноте я не рискну.

— Уверен? А если снова... воздух?

— А если я спутаю дозировку? — Передразнил сенсер. — Брошу лишний грамм, и ты впадешь в кому.

— Убедил.

— Не паникуй. — Спутник хлопнул меня по плечу. — Здесь недалеко выход на поверхность, окраина района. За жилыми кварталами трасса и военная часть. Окопаемся там, примем зомби-порошок и спать. А ночью, как в сознание придем — через периметр.

Спустя четверть часа мы добрались до ржавой лесенки наверх. Тяжелая крышка люка оказалась сдвинута, сквозь щель в канализацию проникал холодный утренний свет. Кто-то

сорвал прикипевший стальной пятак совсем недавно. На полу виднелись засохшие отпечатки обуви, а на железных скобах — следы грязи. Когда я спросил, Сет только поморщился и махнул рукой.

На поверхности наступило утро. Небо скрывали плотные серые облака, но сквозь пелену проникало достаточно света. Едва я выбрался наверх, в лицо потянул прохладный ветер. Руки машинально накинули капюшон и застегнули молнию куртки.

Сет рассчитал правильно, мы выбрались за черту крайнего микрорайона. Стена покинутых высоток осталась позади. Перед глазами раскинулся заросший пустырь и полотно пересекающей его трассы. Вдалеке виднелся остов бензоколонки, пара облезлых цистерн и брошенная стройка.

С виду обычный пейзаж, но что-то царапнуло моё восприятие. Я осмотрелся ещё раз, медленно и внимательно, и лишь потом догадался использовать зрак. Как только мир потерял краски, воображение заработало на полную. Вдалеке, на фоне серой застройки проявилась цветная иллюминация. С расстояния нескольких километров я увидел, как рябит и переливается насыщенная информационная оболочка.

Сет окликнул меня, но я уже не слушал. Сосредоточение пришло само собой. Презирая остальные чувства, сознание потянулось к радужной аномалии. Но едва я коснулся источника, тот настроился на меня. Аномалия запульсировала быстрее, в мою голову ворвался каскад зрительных образов и телесных ощущений. Мне отвечал чужой разум.

Несколько секунд я удерживал контакт. В голове взорвался фонтан чужой боли. Меня бросило в жар, хотя собственное тело чувствовало холод. Воображение успело перевести несколько образов. Перед глазами возникли три неоновые трубки на потолочной плите, поплыли стены тесной комнаты без окон. Картинка сменилась, мимо пронеслась больничная каталка, стол, заваленный медикаментами в цветных упаковках. Последнее, что я разобрал — силуэт человека в медицинском халате. Он стоял спиной, натягивал перчатку на левую руку. В кадре мелькнула чья-то тень и изображение погасло.

Передача прекратилась, я успел заметить, как пульсации прекратились, и аномалия сошла на нет. Через мгновение меня выбросило в реальный мир. Перед глазами поплыли круги, ноги подкосились, я начал оседать. Губы шевельнулись в последнем усилии:

— Сет, меня накрывает...

Спутник оказался готов. Крепкие руки схватили меня за плечи и осторожно посадили на жухлую траву.

— Я почувствовал откат, но не разобрал. — Голос сенсера был глух и бесцветен.

Я оперся руками о землю, сделал несколько вдохов. Слабость отступила.

— Он настроился для передачи мгновенно. Радужная оболочка... это зрячий! — Хотелось вывалить весь поток информации на Сета. — Передача сбивчивая, много лишней информации, скоро начнется распад без химии...

— Юра, стой! — Сет поднял руки. — Продышись. И по порядку, пожалуйста.

Несколько глубоких вдохов, и голова прояснилась. Я поднялся на ноги и выдал:

— Со мной связался зрячий. Прямая передача, без подготовки и предупреждения.

— Какой зрячий? — Осторожно спросил Сет. — Юрий, мы всё ещё в санитарной зоне.

— Ты видел аномалию? — Я махнул рукой, указывая направление.

Сенсер посмотрел вдаль, на секунду глаза затуманились.

— Там ничего нет. Жилое кольцо дальше... — Он повернулся ко мне. — Ничего необычного.

— Наверное, погасла. — Я вздохнул. — Должно быть, сенсер потерял сознание. Надо проверить.

— Ещё раз. — Сет начинал терять терпение. — Ты почувствовал сенсера, которого не вижу я. Принял передачу, хотя этому еще не учился. Увидел аномалию, которой теперь нет.

— Я знаю, как это звучит...

— Когда была последняя химиотерапия? — Сенсер заглянул мне в глаза, ища следы безумия.

Я молча оттянул рукав, показывая браслет с таймером. Сет глянул на крохотный дисплей и вздохнул:

— Ладно, верю.

— Далеко мы уйдем, если будем сомневаться в рассудке друг друга, — заметил я.

— Вот именно, что далеко. — У Сета было своё мнение. — Давай серьезно.

— Вспомни, кого из зрячих привлекли ко вчерашней операции? Кто-то мог выскользнуть, как мы и теперь просит помощи.

Сет задумался, между татуированными бровями собралась морщина.

— Никого.

— Уверен? — Я немного опешил.

— Точно, — кивнул сенсер. — Семнадцать манипуляторов, пять энергетиков, два пробивающих и телепат... универсалы — я и Соломон. Зрячие там были не нужны.

В памяти мелькнуло грязное окошко подвала, маленькая фигурка с мегафоном. Внутри похолодело от ужаса.

— Соня...

От произнесенного вслух стало ещё страшнее. Сет переменялся в лице, словно только вспомнил.

— Да, но она работала с массовой... — Он посмотрел на меня и запнулся.

— У нее химиотерапия на прошедшую ночь. Она плывет!

Спустя минуту мы уже бежали вдоль старой трассы, в сторону бензоколонки. В небе никто не появлялся, и мы благополучно пересекли открытый участок местности. Презируя осторожность, я несколько раз переходил на зрак и осматривал окрестности в поисках невидимых следов. Сет, напротив, положился на логику и отобрал у меня КПК. На маленьком дисплее замелькали обрывки карты и спутниковые снимки района.

— Нам повезло, — бросил сенсер, не отрываясь от наладонника. — Здесь не такая плотная застройка.

Я в очередной раз вернулся к нормальному зрению и нервно выдохнул:

— У меня ничего. Она слишком далеко... или под землей.

— Сорок один дробь два, — выдал Сет.

— Что?

— Заброшенная военная часть, — ответил спутник. — Ничего серьезнее поблизости нет.

— Веди.

После короткого броска по пересеченной местности мы остановились у покосившихся ворот. Пока Сет входил в транс я осмотрелся. Территорию окружал высокий бетонный забор. На плитах сохранились ржавые огрызки колючей проволоки и крепления. Сама часть казалась большой. Кроме административных зданий и казарм вдалеке виднелись гаражи автопарка, ряды складских помещений. Искать здесь человека обычными методами можно

очень долго.

— На поверхности ничего, — протянул Сет, плавая на границе реальности. — Но под землей отсвечивает... движение. Есть электричество. Трехфазная сеть. Рябит... генератор. Отсюда не разобрать.

Сенсер шумно вдохнул, глаза открылись. Я не дождался объяснений:

— Всё-таки ты энергетик. Что с людьми? Кто вообще здесь может жить?

— Слабый фон, — вздохнул Сет. — Люди есть, но сколько и где... сквозь бетон и землю не разобрать.

Я коснулся виска и сделал глубокий вдох, но Сет схватил меня за локоть:

— Не трать силы. Есть кое-что получше.

Он распахнул полу плаща, рука скользнула во внутренний карман. Через секунду на свет появился белый пластиковый пенал.

— Личная аптечка, — прокомментировал Сет.

Порывшись, он достал сверток фольги и принялся бережно разворачивать.

— Держи. Это под язык.

Я присмотрелся к прозрачной пластинке на ладони.

— Что это?

— Сенсibiliзирующее, — ответил Сет. — Обостряет чувствительность. Раньше его использовали связные телепаты. Будешь нашими глазами.

— А ты?

— Мне нельзя. — Он мотнул головой. — Это сокращает время до химии. А у тебя есть запас.

— Это не очень опасно? — Я осторожно лизнул пластинку.

— Не опаснее, чем лезть туда вслепую, — ответил сенсер. — Действует четверть часа.

Потом вколем тормозящее и промоем желудок.

— Желудок-то зачем? — Поморщился я.

— Потом расскажу. — Тон стал жестче. — Времени мало! Принимай. Или оставим Соньку здесь?

Я зажмурился и положил пластинку под язык. Во рту появилась резкая горечь, желудок ответил рвотным спазмом.

По мере всасывания препарата в кровь, я чувствовал, как проясняется голова, учащается сердцебиение. Через минуту я смог рассмотреть нервную сетку в собственных руках. Сет превратился в светящийся силуэт, картинку из школьного учебника биологии. Мир вокруг изменился, стал подробным. Казалось, я чувствую, как гудит мозг, справляясь со шквалом новой информации.

— Веди, — бросил сенсер.

Едва мы вошли на территорию части, я почувствовал на себе взгляд — бесстрастное нечеловеческое внимание — и потащил спутника в укрытие. Короткий осмотр обнаружил три зрачка видеокамер, просматривающих сектор у ворот. Система видеонаблюдения оказалась дырявой. Пользуясь обостренными чувствами, я легко вывел Сета из зоны внимания. Двигаясь вдоль забора, мы обошли здание КПП и стали недосягаемы для камер.

Спустя минуту плац и казармы остались позади, и мы остановились у спуска в бомбоубежище. Сет шагнул вниз, но я схватил его за плечо. Над ступенями повисли несколько тусклых лучей, на стенах проявились невидимые обычному глазу точки фотоприемников.

— ИК-барьеры, — пояснил я. — Повторяй за мной.

После ряда акробатических миниатюр мы вплотную подошли к ржавому шлюзу. Пока Сет разбирался с электроникой запора, я потянулся вниманием сквозь толщу бетона. В нескольких метрах проявился тусклый силуэт. Должно быть, оператор системы безопасности.

Я сосредоточился, пытаюсь распознать уровень нервной активности. Человек бодрствовал, но казался спокойным. Нашего проникновения не заметил. Пульсации слабые — устал или хочет спать. Сейчас организуем. Я собрался с силами и надавил на чужое сознание. Спустя несколько секунд оператор отключился, нервный силуэт поблек.

— Наблюдатель спит, — прошептал. — Открывай.

Сет положил одну ладонь на вытертый терминал, другую на обшивку двери. Я ощутил серию электромагнитных толчков. Что энергетик сделал с управляющей электроникой, для меня осталось загадкой. Но через секунду внутри стальной брони зашуршала механика, лязгнул запор, и тяжелая дверь приоткрылась. Сет пошатнулся, манипуляция далась нелегко. На всякий случай я коснулся его плеча.

— Нормально, — кивнул сенсер. — Иди вперед.

В тесной комнате за переходником было пусто. Взгляд сразу отметил пару подгоревших неоновых трубок на потолке, сырые стены и рваную резину на полу. Это явно не отделение корпорации.

Судорожно вспоминая войсковые планировки, я двинулся вглубь бомбоубежища. Внутри обостренные чувства оказались полезны. Я перешел на зрак и увидел группу местных обитателей сквозь стену. Судя по активности, они спали. Тихо ступая по темному коридору, мы с Сетом миновали два спальных бокса с ярусными койками. Я различил шесть тусклых силуэтов. Радужной оболочки зрячего сенсера здесь нет.

— Там. — Сет указал на следующий дверной проём. — Санузел...

Опытный сенсер без стимулятора почувствовал человека внутри соседнего помещения. До нашего слуха донесся шелест воды.

Мы стали по обе стороны от двери. Готовый ко всему, я первым ворвался в комнату... и оказался в душевой. В комнате работал один кран. Под струей воды стояла стройная девушка. Совершенно лысая, но от этого не менее привлекательная. Взгляд невольно скользнул по округлым бедрам, крепким ножкам.

Она повернулась на звук. В глазах мелькнул испуг, но девушка быстро овладела собой. Я замер, не в силах обрушить ментальную атаку на такое милое существо. Не стесняясь наготы, девушка шагнула в мою сторону, тонкая рука сделала неуловимое движение.

Секунда, и в воздухе мелькнуло что-то белое. Скулу царапнул осколок плитки. Ещё мгновение, девушка оттолкнула меня с дороги и бросилась в коридор. За спиной послышались звуки борьбы, раздался женский крик. Когда я выскочил следом, беглянка лежала на полу. Уже без сознания. Сет припал на колено, всматриваясь в темноту прохода. Я скользнул по стенам вторым зрением. Внутри похолодело. Люди соседних боксов очнулись и пришли в движение, как по тревоге.

Мы бросились по коридору вглубь убежища. По пути единым ментальным ударом смели двоих сонных бойцов. Несмотря на скорое поражение, те успели достаточно нашуметь.

— Дальше только медпункт! — Крикнул я, уже не скрываясь.

— Давай за мной...

Сет с трудом держался на ногах. После двух стремительных выбросов, силы покинули

его. Несмотря на слабость, он обошел меня и рванул калитку медицинского отсека. Ответом ему стал гулкий выстрел. Большая часть дробы вошла в обшивку двери, остальное разорвало правый рукав плаща. Сенсер завалился на бок и осел.

В приступе ярости я собрал остатки сил и бросил «сгусток безумия» в алый силуэт за дверь. Атака получилась достаточно мощной, виски сдавило болью. Зато стрелок внутри бросился в противоположную стену бокса и потерял сознание.

За спиной послышались крики. Я втащил раненого Сета в комнату и запер дверь. У стены нашелся тяжелый шкаф. Несколько усилий, и его угол подпер створку. Лишь после этого я позволил себе осмотреться и заметил среди комнаты две каталки. На одной из них в больничной рубашке лежала знакомая фигурка.

В свете неоновой лампы личико казалось мертвенно бледным. Холодея от ужаса, я бросился к Соньке, пальцы легли на шею. Пульс есть! Но слабые толчки под кожей ещё не значат, что она очнется. Без своевременной химиотерапии необратимые изменения в подкорке наступают очень быстро.

Я положил ладонь на холодный лобик, попытался сосредоточиться.

— Не так быстро, молодой человек.

Из-за стойки с препаратами вышел пожилой бритоголовый мужчина. Лицо иссечено морщинами, правую бровь делит шрам. Медицинский халат накинут поверх камуфляжного комбинезона. Пистолет в руке смотрит мне в грудь.

— Вы не понимаете...

— Никаких резких движений, — отрезал доктор.

Он повел оружием в сторону. Присмотревшись, я понял — пистолет пневматический. Ноги подогнулись, я сложился пополам и бросился к мужчине. Но его рука не дрогнула. Раздался хлопок, плечо пронзила боль, но меня это не остановило. Открытая ладонь с размаху врезалась в челюсть соперника. Тот потерял равновесие и перевалился через пустую каталку. Не теряя времени, я провел рукой по плечу и выдернул острый дротик. Остается надеяться на измененный состав крови и обещанный Соломоном иммунитет.

В углу заворочался Сет:

— Держи.

Целой рукой он успел раскрыть планшет и теперь протягивал мне тонкий шприц.

— Введи половину. Потом толчок... только легкий!

Левая часть тела начала отниматься. Я схватил шприц и дрожащими руками сделал Соне укол. Правая ладонь легла девушке на лоб. Собрав остатки сил, я легко коснулся спящего сознания. Внутри билась одна мысль — «Только бы успеть!».

За спиной послышался шорох. Я повернулся и увидел, как доктор наводит на меня тяжелый дробовик.

— Поигрались, и будет. — Из разбитого носа текла струйка крови, но это не мешало мужчине говорить сдержанно.

Я попытался нанести новый ментальный удар — бросил в соперника приступ боли. Но он лишь поморщился:

— Ещё один псих...

Сухие пальцы передернули цевье, на пол упала стреляная гильза. «Это конец», — мелькнуло в голове. Но в этот момент рядом раздался тихий всхлип. Соня судорожно вдохнула и открыла глаза. У меня отлегло от сердца.

— Почти сутки я пытаюсь привести её чувства... — Доктор тоже проникся, дуло

опустилось. — А вы потрогали лобик, и всё в порядке.

— Это не так просто, — устало выдохнул я.

— Нам пора объясниться, — констатировал мужчина.

— Юрий, вы точно не можете войти нормально?

Марк приложил к глазам бинокль. В объективе показались штабеля разноцветных металлических контейнеров, крытые стоянки и корпуса. Издалека огромный склад напоминал детскую комнату с разбросанным по полу конструктором. Сходство усугубляла старая железная дорога, протянувшаяся сквозь многокилометровый пестрый пейзаж. В свете заходящего солнца Кронекер различил вереницу грузовых платформ во главе с тепловозом.

— На это нет времени. — Темноволосый парень в ветровке мотнул головой, его взгляд был прикован к экрану наладонника. — Контейнер зарегистрирован на подставную организацию. Искать документы, карты и ключи некогда. Смесь, которую приготовил Сет, просто тормозит процесс. Чтобы достать препараты у нас меньше четырех часов.

— А потом? — Спросил Веер.

— Потом Соня сойдет с ума! — Вскинулся парень. — И умрет. Ещё через сутки — Сет. А потом поплыву и я...

— Спокойно, — поморщился Кронекер. — Мы уже здесь. Склад в черте жилого кольца. Успеем даже с дорогой... если всё пройдет нормально.

Затея не нравилась ему с самого начала. Трое бредящих экстрасенсов смешали все планы: светловолосая девушка едва не вскипятила мозги Шиле, а её друзья почти навели охрану периметра на убежище Анхи. Теперь Марк с Веером вывели самого адекватного — Юрия — за пределы санитарной зоны, чтобы добыть особые лекарства. Всё это казалось рискованным и нерациональным, но Марк чувствовал, что сможет использовать сенсеров. В голове вертелось нехитрое размышление: если одна девушка в полубморочном состоянии положила двоих бойцов, а пара психов нашла подземное убежище, то они чего-то стоят.

— Лучше бы дождаться темноты. — Веер посмотрел вдаль. — Сетка по периметру, камеры на углах...

— У нас нет лишнего времени, — повторил Юрий.

— Слишком спокойно, для человека, которому остались сутки. — Марк опустил бинокль и присмотрелся к спутнику.

— Я уже давно живу по часам. — Юрий спрятал наладонник. — А мои нервы никому не помогут.

— Первая здравая мысль, — кивнул Веер. — И на всякий... нас двое, и Дока твои внушения не берут. Попробуешь взять за голову — тут и останешься.

Юрий только поморщился. На секунду его взгляд стал отрешенным, внимание потянулось вдаль.

— Что там?

— Есть слепая зона, — выдохнул сенсер. — Дырявая система видеонаблюдения. Кажется, я знаю, где мы войдем.

Парень накинул капюшон, руки спрятались по карманам, и зашагал в сторону трассы. Марк и Веер переглянулись, но последовали за ним. Спустя пять минут тройца уже стояла на обочине грузовой магистрали. Скоро вдалеке показалась одинокая фура.

— Серьезно? — Неформал оглянулся, на открытых пространствах он чувствовал себя неуютно. — Автостопом прямо до главных ворот?

— Почти, — ответил Юрий. — Доверьтесь мне.

Когда до грузовоза осталась сотня метров, парень вышел на середину дороги. Раздался тяжелый гудок, водитель понадеялся на чужой инстинкт самосохранения. Машина не сбросила скорость, но Юрий остался на месте.

Веер взял Марка за рукав и потащил дальше от дороги:

— Она груженная. Щас перевернется и размажет твоего шизика...

Водитель ударил по тормозам в последний момент. Засвистела резина, крепления ответили тяжелым скрежетом, и фуру начало заносить. За секунду до столкновения Юра шагнул в сторону. Многотонный грузовик пролетел рядом и замер в двадцати метрах.

Веер тихо сматерился, у Марка вырвался облегченный вдох. В окне мелькнул желтый комбинезон, щелкнула дверь. Из кабины вывалился ошалевший водитель с монтировкой.

— Пора спасать экстрасенса.

Веер шагнул вперед, но Марк придержал его.

— Стой. Этот псих на нас не рассчитывает.

Юрий молча смотрел на приближающегося рабочего. Даже руки из карманов не достал. Обозленный водитель выкрикнул что-то бранное и бросился к нему. Но за пару шагов до цели остановился, словно налетел на невидимую преграду. На лице отразился ужас. Юрий шагнул навстречу, левая ладонь коснулась небритой щеки рабочего. Тот застыл, словно мышь перед змеей. Рука с монтировкой опустилась, бесполезная железка упала на асфальт.

Кронекер почувствовал, как волосы на коже зашевелились. Недоразвитым шестым чувством он ощущал тяжелое внимание, направленное на водителя.

— Он выворачивает ему мозги, — прошептал Веер.

— Хочешь поучаствовать? — Голос Марка потерял интонацию.

Оторопевший неформал уставился на него:

— Док, с кем мы связались?

— С кем-то очень полезным.

Наконец, Юрий повернулся к спутникам и махнул рукой. Когда Марк и Веер подошли, водитель уже не проявлял агрессии. Взгляд стал отрешенным, лицо — спокойным. Без вопросов он вернулся к машине и открыл кузов.

— Загружайтесь, — бросил Юрий.

— Кузов проверят, — сказал Марк. — Мы не въедем так на территорию.

— Не въедем, — кивнул сенсер. — Мы выйдем раньше. Там должна быть дорожка.

— Должна?

— Отсюда точнее не скажу.

Ничего больше не объясняя, Юрий вскочил на бампер и исчез в кузове. Водитель молча побрел к кабине. Когда завелся двигатель, Марк хлопнул Веера по плечу и оба влезли в машину. В нос ударил острый запах аммиачной селитры. В полумраке Кронекер различил штабеля белых мешков и ящиков — тонны пестицидов и удобрений.

Юрий устроился по-турецки прямо на полу. Из-под капюшона донеслось:

— Прикройте дверь. Стартую.

В подтверждение его слов двигатель взревел громче. Кузов тряхнуло, и фура тронулась. Веер притянул тяжелую створку и щелкнул запором. Света стало ещё меньше.

— И далеко мы так уедем? — Спросил Марк. — Что с водителем?

— Он под моим контролем. — Сенсер говорил спокойно, широко распахнутые глаза смотрели сквозь собеседника.

— Он в курсе, куда нам надо? — Веер подергал дверь в поисках щели. — Отсюда не

видно ничего.

— Я смотрю его глазами, — объяснил парень. — Всё скажу, когда разберусь...

Следующие две минуты прошли в молчании. Марк даже вздрогнул, когда Юрий неожиданно поднялся на ноги и выдал:

— Есть сектор. Выходим.

Повинуясь беззвучному приказу, машина сбросила скорость. Веер приоткрыл створку и спрыгнул на дорогу. За ним покатился Кронекер. Оба вскочили и бросились к штабелю контейнеров на обочине. Сенсер вышел последним. Хрупкая фигурка в два кувырка погасила вращение и ловко стала на колесо. Не поднимаясь в рост, Юрий приложил пальцы к вискам и закрыл глаза.

Марку показалось, что парень достал головой об асфальт. Он уже решил вернуться и забрать его с дороги, но в этот момент удаляющаяся фура резко свернула влево и протаранила ограждения. Несколько сеточных секций влетели внутрь, как картонные. Основной удар приняла стена контейнеров. Раздался металлический скрежет. От столкновения железные тела подвинуло на несколько метров. Второй этаж накренился. На кабину водителя упал многотонный коробок, и двигатель захлебнулся.

— Бегом! — Веер хлопнул Марка по спине и бросился к пролому.

Юрий тоже поднялся на ноги и побежал. Уже на ходу Марк отметил, как точно выбрано место: ни видеокамер, ни случайных постов, даже рабочих поблизости не видно.

Через полминуты троица влетела на территорию и затерялась в складском лабиринте. После очередного поворота Юрий потащил спутников с прохода в щель между контейнерами.

— Куда? — запротестовал Марк. — Там нет прохода...

— Тихо, — оборвал сенсер. — Слушай.

Вдалеке послышался рокот мотора. Через несколько секунд мимо пролетел серый джип местной охраны.

— Сейчас здесь будет половина персонала! — Веер выглянул из-за контейнера. — Надо уходить дальше.

— Что с водителем? — спросил Кронекер. — Он видел нас.

Сенсер на секунду прикрыл глаза.

— Он без сознания. В ближайшие часы от него ничего не добьются...

— Если он вообще выживет, — подсказал Веер.

— Если выживет, — кивнул парень. — У нас есть дело. — В руках появился КПК мигнул дисплей. — Мы будем уже далеко.

Дальше группу повел Юрий. Марк подозревал, что он не был тут раньше и не знаком с планировкой. Но парень ориентировался по спутниковым снимкам склада и уверенно вел в северную часть территории.

Ещё трижды мужчины прятались от персонала и службы безопасности. Мимо проносились погрузчики, бегали испуганные рабочие — люди и техника стягивались к месту аварии. Но потом группа перешла через железнодорожные пути, и вокруг стало тише. Здесь хранились контейнеры долгосрочной аренды.

— Мы ищем конкретный бокс? — спросил Веер. — Или запасы фармацевтов?

— Ни одна фирма не производит таких препаратов. — Юрий посмотрел вдаль, пальцы забегали по экрану. — Это наш склад, неприкосновенный запас центральной ячейки.

— Мы не в курсе вашей структуры, — заметил Марк.

— Это не страшно. Её больше нет.

— Почему, нет? — Веер неожиданно проявил интерес. — Что случилось? Я, вообще, смутно понимаю, кто вы?

Лицо Юрия потеряло всякое выражение. После секундной заминки он обронил:

— Несущественно для текущей задачи.

— Давайте оставим это до возвращения в убежище, — рассудил Марк. — Далеко нам ещё?

— Рядом... — парень указал наверх.

Марк поднял глаза и увидел над штабелем контейнеров стрелу автокрана. Желтая мачта с крюком стоит неподвижно, со стороны машины не доносится ни звука.

— Похоже, там никого, — заметил Веер.

Юрий качнул головой:

— Двое рабочих.

— Откуда ты всё...

— Знаю, — оборвал парень. — Работаем тихо. Никого не калечить.

Кронекер расстегнул кобуру с пневматикой. Веер проверил обрез под плащом. Не сбавляя шаг, Юрий свернул за угол и направился к шестиколесному подъемнику посреди площадки.

Рабочие поздно заметили их приближение. Когда водитель повернулся на шорох, Веер был уже в двух шагах от кабины. Сильные руки вытащили рабочего наружу, тяжелая пощечина отбила охоту к сопротивлению. Второй грузчик оказался проворнее и успел замахнуться на Юрия железным костылем. Сенсер нырнул под удар и вцепился рабочему в шею. Правая ладонь сползла на лицо, и через пару секунд мужчина повалился на землю в конвульсиях. Кронекер так и остался позади со взведенным транквилизатором в руках — прикрытие не понадобилось.

Потеряв интерес к первой жертве, Юрий повернулся к водителю:

— Он нужен.

Веер отступил в сторону, Марк опустил оружие — оба настороженно уставились на сенсера. Парень снял с рабочего кепку, левая ладонь легла испуганному крановщику на лоб. Лицо мужчины исказила гримаса боли, глаза закатились, тело вздрогнуло, как от удара током. пытка продолжалась несколько секунд, потом рабочий обмяк и свалился под колеса машины.

— Они ничего не знают. — Юрий тяжело вдохнул. — Случайная сортировка товара. Я должен был проверить.

— Жестковато, — заметил Веер.

— На тонкие манипуляции я сейчас не способен. А на допросы нет времени.

— Они... — начал Марк.

— Очнутся через несколько часов, — закончил сенсер. — Положите их в кабину, и за мной. Мы пришли.

Пока Марк и Веер упаковывали рабочих, Юрий сверился с наладонником и нашел нужный контейнер. Неприметный синий коробок в первом этаже пестрой стены выглядел обычно. Только при ближайшем рассмотрении Кронекер заметил, на воротах нет никаких замков или панелей.

— Он вообще открывается? — Веер постучал по железной створке.

— Должен. Я ищу. — Юрий положил ладони на стенку и прислушался. — Здесь

электронный замок. Рассчитан на таких, как я. Но если села батарея...

— Сталь толстая. Резать нечем, — бросил Марк. — Ищи лучше.

— Сейчас...

Юрий закрыл глаза и сосредоточился. Кронекер почувствовал, как волосы на руках зашевелились. Под рукавом тревожно пискнул Ассистент. Память подсказала ассоциацию: похожее ощущение бывает, когда к станции подходит маглев.

— Нашел. — Юрий открыл глаза. — Сейчас подберу последовательность.

Приемник на руке зашипел, пытаясь разобрать пульсирующее магнитное поле. Чтобы не расстроить аппаратуру, Кронекер отступил на несколько шагов от сенсера.

Скоро внутри контейнера раздался скрежет. Щелкнул запор, и левая створка дрогнула. У Юрия вырвался тяжелый вздох, руки опустились. Веер вцепился в край и рванул. Тяжелая дверь поддалась, во внутренности контейнера проник слабый вечерний свет.

— Веер, фонарь, — попросил Кронекер.

Бледный луч врезался в полумрак, выхватывая очертания стеллажей и коробок. Контейнер оказался забит герметичными ящиками, термосами и канистрами. Все химические вещества и медицинские препараты законсервированы для длительного хранения. В дальнем углу нашлась пара спортивных сумок и прочный черный баул.

— Быстро загружаемся и уходим. — Юрий принялся перебирать батарею бутылок с растворами. — Я покажу нужные препараты.

— Здесь много, — сказал Веер. — Нужно как-то вывозить.

— Берем, сколько сможем унести, — ответил Юрий. — Второго похода не будет.

— А остальное? Пропадет ведь...

— Вы не понимаете всей опасности, — оборвал сенсер. — Чудо уже то, что склад ещё не раскрыли. Сама эта вылазка — безумие.

— Ты перегибаешь, парень. — Неформал усмехнулся.

— УВБ корпорации вело нас даже в санитарной зоне. Спроси Марка, насколько это серьезно.

Маркус Кронекер настороженно глянул на парня, но промолчал. Все трое сосредоточились на сборе химикатов. За пять минут нервных поисков самое необходимое переключало в сумки. Вскрыв очередной контейнер, Марк заметил ленту дротиков для транквилизатора. Но в этот момент Юрий положил руку на плечо:

— Тихо.

Кронекер медленно обернулся и увидел, что спутник рассматривает потолок контейнера. Потребовалось несколько секунд, чтобы понять — сенсер смотрит сквозь металл.

— Эй, — Веер осторожно потянулся к парню. — Ты чего?

— На выход! — Банка физраствора полетела на пол, Юрий схватил сумку и бросился к выходу. — За мной пришли.

Не задавая лишних вопросов, Марк и Веер последовали его примеру. Все трое выбрались на площадку перед автокраном и остановились. Вокруг ничего не изменилось: машина на месте, рабочие в кабине, никаких признаков охраны.

— Юрий... — Марк осмотрелся по сторонам. — В чем дело?

Сенсер поднял глаза к вечернему небу и выдохнул:

— Воздух.

Спустя мгновение на границе слышимости появился тихий рокот. Веер поднял руку,

призывая к тишине.

— Винт. Легкий. Не из местных грузовиков.

— Они слышали меня. — На лице Юрия отразился страх. — Это за мной...

— Бегом, — прошипел Кронекер.

Группа подхватила сумки и поспешила покинуть открытое место. Рокот за спиной усилился. Марк оглянулся на ходу и заметил, как обтекаемый черный вертолет опускается в складской лабиринт. Вдалеке проснулся вой сирены.

— Охрану оповестили. — Юрий остановился. — Сейчас нас запрут здесь.

— Не паникуй, — отмахнулся Веер. — Здесь двадцать квадратных километров долбаного лабиринта. Затеряемся до темноты...

— Не выйдет. — Юрий посмотрел растеряно. — Они видят меня.

В подтверждение слов рядом взревел двигатель. Из-за ближайшего поворота выехал серый внедорожник. Марк и Веер втащили спутника в боковой проход. Машина пролетела мимо.

— Что ты несешь? — Веер встряхнул сенсера за плечи. — Соберись! Или у тебя тоже крыша съехала?

— Он видит меня! — Юрий оттолкнул неформала. — Чувствующий на вертолете! Такой, как я, но сильнее. Я не могу закрыться. Если мы останемся втроем, вас тоже возьмут.

Кронекер принял решение мгновенно:

— Разделяемся. Мы достаточно рисковали.

Парень кивнул:

— Я увожу группу захвата. А вы двигайте к железнодорожным путям.

— Уйти той же дорогой не получится, — заметил Веер. — Там половина местной охраны.

— Вам нужно добраться до грузового состава. — Юрий указал направление. — Транспортники не в курсе, поезд уйдет по расписанию.

Тяжелый рокот стал нарастать, винт снова поднялся в небо. Над рядами контейнеров заскользил луч прожектора.

— Сенсер на земле. — Юрий замер, взгляд стал отрешенным. — Они высадились у нашего склада.

— Да кто вы такие?! — взревел Веер.

— Нет времени, — оборвал Кронекер. — Юра, ты понимаешь, чем мы рискуем?

— Я выберусь. — Парень глянул вверх. — А даже если нет... без этих препаратов у меня примерно сутки. Я не успею выдать вашу ячейку.

Вертолет сделал новый заход, луч прожектора прошел опасно близко.

— Расходимся, — скомандовал Марк. — Веер, дай ему обрез.

Панк распахнул плащ и протянул дробовик.

— Донесите химию. Сет всё приготовит. — Сенсер передернул цевье. — Когда выберусь, я вас найду.

Марк и Веер отошли на сотню метров, когда позади раздался первый выстрел.

— Псих, — зло выдохнул Кронекер.

— Надо было пристрелить его самим.

Несмотря на опасения, до грузового состава они добрались без проблем — рабочие исчезли, местная служба безопасности потянулась в другую сторону. По редким выстрелам Веер определил, Юрий уводит преследователей в южную часть склада.

Когда Марк добрался до последней грузовой платформы, знакомый вертолет пролетел над головой и пошел на посадку за пределами складской базы.

— Они даже не напрягаются. — Веер проводил взглядом хищную машину. — Думают, что уже взяли его.

— Так и есть, — процедил Кронекер. — Скоро он выйдет к южным воротам, там его и припрут.

— Ты его видел сегодня? Он что-то задумал.

— Не знаю. — Марк прислушался. — Надо перехватить его.

— Забудь. — Веер покачал головой. — Слышишь рокот? Локомотив готов, состав скоро тронется.

— Если этого психа возьмут живым, управление безопасности разнесет нашу базу уже к утру. — Кронекер достал пневматику, проверил обойму. — Здесь пара смертельных инъекций. Я попробую достать его.

— Бред. — Неформал растерялся. — Он ведь плел про эти наркотики...

— Рискнешь? Поверишь ему?

Несколько секунд Веер боролся с собой, затем махнул рукой:

— Иди. Только тихо. Если не выйдет — сразу назад!

— Я быстро, — кивнул Марк. — Загружайся пока в последний вагон, там стройматериалы.

Кронекер спрыгнул к железнодорожной колее и, согнувшись пополам, побежал к голове состава. Чтобы обойти рабочих у тепловоза, пришлось взять левее и углубиться в лабиринт контейнеров. Спустя минуту Марк выбрался на площадку недалеко от ворот и занял позицию на одном из контейнеров.

Долго ждать не пришлось. Рядом грохнул выстрел. Юрий вылетел из-за поворота и упал на землю за парой бочек. «Как по нотам», — проворчал мужчина, прицеливаясь в сенсера. В этот момент на площадку вышел ещё один человек — высокий светловолосый парень в приталенном серо-стальном плаще. Никакой группы захвата, местных оперативников или бойцов городского спецназа. Только один неуместно чистый и невозмутимый парень. Но стоило Кронекеру навести оружие на новую цель, картинка перед глазами поплыла, а руки отказались слушаться. Сверхсущество коснулось Марка рассеянным вниманием и отпустило, а он едва не потерял контроль над телом.

Не в силах двинуться с места, Кронекер почувствовал, как тяжелый взгляд обращается на Юрия. Давление ослабло, но внутри забился ужас. «Сейчас этот стерильный блондин сломает парня, а потом вскипятит мне мозги», — пронеслось в голове. Но Юрий сумел подняться на ноги и вскинул дробовик. Блондин вытянул руку, усиливая давление. Плечо Юрия дернулось, схваченное судорогой. Грохнул выстрел, порция дроби ударила в стену контейнера. Сенсер зашипел от боли, оружие упало на землю.

За спиной блондина послышались торопливые шаги. Из-за угла выбежала пара бойцов в синих комбинезонах местной охраны. У обоих в руках табельные пистолеты. Парень на секунду отвлекся, и Юрий предпринял последнюю попытку. Один из охранников дернулся, как от пощечины. С лица сошли все эмоции, глаза опустели, дрожащие руки направили оружие в грудь светловолосого.

Блондин нахмурился, левая рука сделала небрежный взмах, и оба охранника упали без чувств. В следующую секунду тяжелое внимание направилось на Юрия. Не в силах больше сопротивляться, сенсер упал на колени и обхватил голову.

Кронекер собрал волю в кулак и заставил тело потянуться назад. Равновесие нарушилось, и он полетел на землю с высоты контейнера. Боль и тошнота от удара, отрезвили сознание. Марк поднялся на ноги и побежал. В голове гудело, мышцы едва слушались, но слепой страх гнал мужчину вперед. Кронекер столкнулся с тем, о чем строил бредовые догадки в стенах корпоративной лаборатории.

С каждым шагом чужое присутствие отпускало. Впереди послышался гул газотурбинного тягача и перестук колес. Кронекер прикинул расстояние и побежал наперерез. Когда он выскочил к путям, грузовой состав уже тронулся. Но скорость была невысокой, и мужчина сумел запрыгнуть на последнюю платформу. Из щели между контейнерами высунулся наполовину выбритый череп, крепкая рука схватила за шиворот и втащила внутрь.

— На пол, быстро! — Прошипел Веер.

Часть 3 Крайние меры. Глава 15 Часть нового порядка

— Просыпайся...

Спокойный голос. Он идет издалека, короткое эхо кажется вполне уместным.

— Проснись.

В сознание просачиваются другие ощущения. Появляется вес и объем — моё тело. Ломота в мышцах, боль от ссадин и ушибов упрямо тянут в реальность.

— Ну, хватит. Я же вижу показатели. — Голос немного обиделся. — И не надо обманывать, сорок ударов в минуту для тебя самое то.

Тело судорожно изогнулось, в грудь и предплечья врезались фиксирующие ремни. Легкие сделали глубокий вдох, и я распахнул глаза. В сознание ворвался слепящий поток. Пришлось зажмуриться.

— Ну, вот и молодец. Можно убрать лампу.

Свет отвернулся. Я снова поднял веки и попытался рассмотреть говорившего. Передо мной стоял невысокий седой мужчина в белом халате. Приятная улыбка, аккуратная белая борода и очки — добрый доктор из детской книжки. Только ситуация не вяжется с образом. Оказалось, я нахожусь в вертикальном положении, привязанный ремнями к стоящей койке. А из одежды на мне только серая больничная распашонка с завязками чуть пониже спины.

— Где... я? — Пересохшее горло едва позволяло говорить.

— Правильный вопрос. — Улыбка стала шире. — Попробуй осмотреться.

Я последовал совету. Помещение вокруг походило на процедурную комнату современной клиники: чистота и стерильность, шкафы с медикаментами, жуткие диагностические приборы на столах. В потолке батарея ламп дневного света. Одна из стен целиком прозрачная. За плотной тонировкой — очертания высотных зданий, сплошной железобетонный лес, блики на стекле и пластике.

— Сороковой этаж.

Мужчина подошел к стене и коснулся крохотного пульта. Тонировка растворилась, в комнату ворвался дневной свет. А моё сознание придавила знакомая тяжесть. Способности очнулись мгновенно, зрак потянулся к бездонной пропасти вдалеке. Сквозь тонны стекла и бетона я почувствовал близость Надрыва. С губ сорвалось:

— Мы в промышленной зоне.

— Верно. — Доктор немного смутился. — На самой окраине. Вы быстро приходите в себя. Это интересно. Авель не зря вами увлекся.

— Авель?

— Светловолосый юноша, который вас... — Мужчина замялся, подбирая слово. — С которым вы имели общение прошлым вечером. Это он услышал вашу активность на складе и помог группе захвата.

Подозрения оправдались. Сенсер-предатель на поводке корпорации. Но я всё же спросил:

— Демонстрация у энергоблока... это он навел вас?

— И энергоблок, и ваша беготня в санитарной зоне, — с сожалением закивал доктор. — И даже вылазка на водохранилище. Он хорошо помогает нашим оперативникам. Удачный эксперимент, кто бы мог подумать...

— Эксперимент?

— Коррекция личности. Авель не всегда был Авелем. — Мужчина развел руками, всем видом выражая сожаление. — Зато теперь он сотрудничает безоговорочно.

— Личный экстрасенс? — Во мне шевельнулась злость.

Снаружи скрипнул металл, на противоположный дом упала тень. За прозрачной стеной проплыла кабина навесного монорельса. Доктор провел его взглядом и ответил:

— Да, если хотите. Тайная организация вне нашего контроля — недопустимо. Даже теперь, после разгрома вашей местной сети, мы ничего не знаем об остальных.

В горле поднялся ком, стало труднее дышать. Глаза закрылись, и я сконцентрировался на пульсирующем светляке нервной системы доктора. Препрежней мощи не чувствовалось, но сил должно хватить. Вежливый садист заплатит за всё.

— Но о твоих друзьях мы поговорим позже...

Связанный по рукам и ногам, я потянулся к мужчине. Внимание отметило десяток уязвимых нервных узлов. Но едва я начал давить, в изголовье койки пискнул динамик. Доктор повернулся мгновенно, в руках мелькнула указка, и меня пронзил электрический разряд. Шокер ткнулся в бедро, мышцы схватила судорога, к горлу подкатила тошнота. Сосредоточение пропало, ментальная атака провалилась.

— Я вернул тебя в сознание не для того, чтобы ты вскипятил мой мозг. — Мужчина журил меня, как непослушного ребенка. — В тебе пол-литра качественных ингибиторов и синтетических наркотиков, а не этот ваш суррогат. Цени хотя бы это.

— Зачем я вам? — Спросил я, едва смог говорить. — И кто вы?

— Ещё один правильный вопрос, — улыбнулся мужчина. — Ты должен кое-что увидеть. Но об этом позже. А меня можешь называть... — Тонкие пальцы поправили халат. — Например, Доктор.

С этими словами он подошел к неприметной двери и нажал пару кнопок на терминале. Пластиковая панель отъехала в сторону, и в комнату вошли двое санитаров. Типовые крепкие ребята в серых комбинезонах. Такими я их и помнил. У одного в руках сверток.

— Отвязывайте, — кивнул Доктор и повернулся ко мне. — Здесь только одежда. КПК, браслет и остальное тебе не понадобится. Приводи себя в порядок. Нам предстоит маленькая экскурсия.

— У меня есть выбор? — попытался усмехнуться я.

— Есть, — ответил мужчина. — В отличие от твоих собратьев. И скоро ты его сделаешь.

Когда санитары отвязали меня от койки, я едва не упал — затекшие конечности оказывались слушаться. Из свертка появилась моя обычная одежда: белье, ветровка, тертые джинсы и сапоги на шнуровке. От всего остро разит дезинфектантом. В карманах пусто. С помощью санитаров за пять минут я привел себя в подобающий вид.

— Последняя деталь...

На моей шее застегнулась пластиковая петля с крохотным прибором, похожим на пульсометр.

— Всего лишь мера предосторожности, — пояснил Доктор.

Скоро мы вчетвером покинули «процедурную» и зашагали по коридорам комплекса. Я насчитал девять похожих палат и две дюжины боксов поменьше. Но по пути нам не встретился ни один человек.

— Где все?

— Это сороковой этаж, — ответил Доктор. — Последний. Основная часть персонала

сосредоточена на нижних уровнях. Там у нас небольшой садок.

Я решил не уточнять. После недолгого перехода мы вышли к распахнутым дверям лифта. Как только вошел последний санитар, створки захлопнулись, и кабина полетела вниз. Возникла иллюзия падения, внутри шевельнулась боязнь высоты. За прозрачными пластиковыми стенами замелькали плиты шахты, побежали лампы этажей. Поддавшись привычке, я пересчитал огни.

После семнадцатого пролета кабина резко сбросила скорость. Бетонные стены шахты сменились прозрачным желобом из оргстекла. Взгляду открылось огромное полутемное помещение казарменного типа. Ровные ряды этажных коек тянулись вдаль, сколько хватало глаз. Я заметил только одинаковые белые пижамы и гладко выбритые головы спящих. Лифт сполз на следующий этаж.

— Спальный блок, — прокомментировал Доктор. — Ничего интересного.

Дальше мимо нас проплыл огромный спортзал. На этаже расположилось полсотни различных снарядов и тренажеров. Здесь освещение оказалось лучше. В свете неоновых ламп я рассмотрел занимавшихся. Все люди, как один, одеты в бело-голубые спортивные костюмы. Прическа одна на всех — стильный полубокс. Взгляд с трудом отличал мужчин от женщин. Движение у всех скованные, механические, лишённые любых особенностей.

— Кто эти люди?

— Новое поколение. — Мужчина посмотрел сквозь пластик, взгляд стал отрешенным. — Люди, какими они должны быть.

По спине пробежал холодок. Я почувствовал нерушимую уверенность в голосе — эхо одержимости. Такой она бывает у людей, поглощенных сверхидеей.

Секунда, и спортзал проплыл мимо. Стеклоплексный желоб сменился бетоном. На следующем этаже лифт остановился.

— Выходим, — бросил доктор.

Створки разошлись, дюжие санитары взяли меня под руки и вывели в коридор. После короткой прогулки среди одинаковых стен и затемненных окон мы пришли к массивной бронированной двери. Она больше походила на вход в бункер или космический шаттл. Стальные створки разукрашены предупреждающими знаками. Слева в стене мерцает компьютерный терминал с множеством управляющих органов. На дисплее стандартная корпоративная заставка — лицо-маска с черными глазами.

— Оставьте нас. — Доктор перевел взгляд на меня. — Надеюсь на твоё благоразумие.

Дальше последовала длительная процедура идентификации. Мужчина ввел несколько паролей, дал просканировать левую ладонь и даже подставил глаз для сличения узора сетчатки. Только после этого терминал удовлетворенно пискнул, и створки распахнулись. Доктор отошел в сторону, пропуская меня вперед.

Я сделал глубокий вдох, и шагнул в полутемное помещение. Как только подошва коснулась пола, в комнате зажегся свет. Одна за другой очнулись неоновые лампы, замигали мониторы компьютеров, раздалось гудение кулеров. Я оказался в маленьком подобии диспетчерской вышки. Только вместо посадочных полос и здания аэропорта за окнами — сборочный цех какого-то предприятия. Внизу копошатся бритоголовые работники в одинаковых серых спецовках, ползут конвейерные ленты, искрит шлифовальные станки.

— Мой рабочий кабинет. — Доктор подошел к окну, поправил очки.

За спиной раздалось шипение, тяжелые створки сошлись. Шевельнулось тревожное предчувствие, я решил не тянуть время:

— Вы хотели мне что-то показать?

— Хотел, — ответил мужчина, не отрываясь от окна. — Вы должны понимать, корпорация Лик стремиться навести порядок в некоторых сферах жизни Полис-6 и страны в целом.

— Установить контроль над всем и всеми, — уточнил я.

— Установить контроль... — Доктор поморщился. — Мы стремимся достичь некоторого влияния, но лишь для того, чтобы направить людей, сформировать новое общество и принять меры для выживания государства в это непростое время.

— Организация сети полисов — одна из таких мер? — Спросил я.

— В некотором роде, — уклонился мужчина. — Здесь много целей, но всё для благополучия людей. Вы задумывались, что нужно, чтобы построить идеальное общество? Сильное, монолитное, безотказный механизм?

— Прощить всем мозги, — зло улыбнулся я. — Запрограммировать всех и каждого по одному шаблону, как промышленную робототехнику.

— Похвальная прозорливость и недостойный скептицизм. — Доктор повернулся ко мне. — Вы слышали о клонировании сознания?

— Фантастика, — отрезал я. — Больные фантазии писателей прошлого века. Копировать можно содержимое жесткого диска, но не головного мозга.

— Такая уж фантастика?

Доктор улыбнулся. От этой улыбки внутри похолодело. Тонкие пальцы проšli по клавиатуре, на ближайшем мониторе появилась строчка «Протокол эвакуации. Ожидание...». Через секунду сквозь стены помещения проник звук заводской сирены. Я шагнул к окну и выглянул в цех.

На стенах и потолке мерцали маячки, тревожный вой не стихал. Работники быстро, но без суеты останавливали оборудование и вставали с мест. Доктор нажал ещё пару кнопок, сирена изменила тон. Бритоголовые, как один, повернулись и зашагали к центру помещения. Посреди цеха выросла колонна. Работники быстро находили пару, брались за руки, словно послушные дети, и замирали в ожидании следующего сигнала.

— А теперь отбой, — сказал бородатый кукловод и нажал «Отмену».

Сирена стихла. В течение десяти секунд рабочие вернулись по местам, ленты конвейеров поползли дальше.

— Этого не может быть. — Я отказывался верить, голова стремительно опухала от множества догадок. — Вы их выдрессировали. Это просто дисциплина.

— Смотри внимательней, — посоветовал Доктор. — Используй свои способности. Я отключил ошейник.

Я глубоко вдохнул и перешел на зрак. Картинка потеряла цвета, окна и стены обрели прозрачность. Полсотни рабочих внизу превратились в тусклых светляков. С такого расстояния я не видел подробностей. Но даже на первый взгляд они казались слишком слабыми. Бледные даже для обычных людей, и совсем несравнимые с блеском оболочки сенсера. Значит, высшая нервная деятельность ограничена. Но меня больше испугало отсутствие любых индивидуальных особенностей. Никаких ярких цветов, уникальных форм или пульсаций.

— Они же одинаковые. — Я судорожно выдохнул, вернулось обычное зрение.

— Верно, — подтвердил Доктор. — Идеальный строительный материал.

— Что вы с ними сделали?! — Я повернулся и встретил холодный взгляд.

— Дал вторую жизнь! — Голос мужчины стал жестким. — Это отбросы. Преступники, незаконные иммигранты и душевно больные. Семьсот сорок три человека. Их нет в реестре полиса, как и вас, кстати. Если я смог превратить в образцовых граждан этот сброд, то основное население Полис-6 будет и вовсе идеальным!

— Вышка в центре... — Меня прошиб холодный пот. — Проект «Маяк»?

— Быстро схватываете, — кивнул Доктор.

— Но как?!

Мужчина подошел к компьютеру, пальцы забегали по клавиатуре. Одно из окон потеряло прозрачность, на матовой поверхности завертелось трехмерное изображение — обнаженное человеческое тело. По сторонам поползли показатели жизнедеятельности, кардиограмма и ряд незнакомых графиков.

— Это ИГ-9. Результат шестилетней работы отделения генной инженерии, — пояснил Доктор. Физическое и умственное развитие соответствуют двадцати пяти годам. Гермафродит. Это и есть наш «шаблон».

— Идеальный Гражданин? — Расшифровал я.

— Верно, — кивнул Доктор. — А в голове у него...

— Комбинированный алгоритм, — продолжил я. Пальцы застучали по клавиатуре, вместо человеческого тела на экране появилась трехмерная паутина графов и разноцветные строки программного кода. — Адаптивная структура с подстройкой под входные данные для имитации обучения и интеллектуального роста.

Повисла тишина. Перед глазами плавно поворачивалась огромная модель человеческого сознания. Я едва не забыл дышать, подавленный величием. Сила порядка. Наверняка, не всё совершенно, но работа проделана огромная. Моё Древо по сравнению с этим — детская поделка.

— Поразительная осведомленность, — выдохнул Доктор. — Тем лучше. Вы быстро поймете глобальность нашей задачи и свою роль.

— Роль? — Я с трудом сбросил оцепенение.

— Клонирование сознания — сложный процесс. Не все испытуемые переносят процедуру нормально. — Доктор подошел к окну. — Это связано с психологическими особенностями... очень тонкие материи. Мы не можем фиксировать изменения вовремя. В итоге получаем психические расстройства, необратимые изменения и даже летальные исходы. Часть людей не переносит коррекцию.

— Какая часть?

— Незначительная. — Доктор вздохнул. — Семь процентов.

— В масштабе полиса это сотни тысяч, — осторожно заметил я.

— Для этого мне нужны вы. — Доктор повернулся на каблуке. — Ваши экстрасенсорные способности... Вы можете отслеживать весь процесс напрямую, без нашей измерительной техники. Может, даже сумеете вмешиваться по ходу процедуры, я не знаю границ ваших способностей! И после прошивки многим нужны более тонкие вмешательства. Новому обществу понадобится много таких диагностов и поводырей.

— Вам нужна не только моя помощь. — До меня начало доходить. — Вы собираетесь повторить сознание сенсера.

— В идеале, — кивнул Доктор. — Всё для блага будущего общества. Вы можете стать частью нового порядка.

— Для блага? А как же подавление? Тринадцатый сектор... и восьмой, и другие? — Я

попытался заглянуть в глаза пожилому социопату. — А уничтожение нашей сети? Это тоже часть великого замысла для общего блага?!

— Цена становления нового порядка, — отчеканил Доктор.

Я не нашел в его глазах и тени сомнения. Это стало последней каплей. В груди что-то оборвалось.

— Когда «Маяк» заработает на полную мощность, все чувствующие в черте полиса погибнут. — Я уже не пытался его убедить, просто констатировал факты. — Ваш сенсер... Авель, наверняка, говорил вам о Надрыве. Это чудовищная информационная аномалия, дыра в ноосфере...

— Он находит его очаровательным, — перебил меня мужчина.

Внутри словно расправилась пружина. Я бросился на Доктора и сбил его с ног. В падении мужчина смел содержимое стола, на пол полетели бумаги и разный мусор. Прежде чем я понял, что делаю, руки сомкнулись на шее социопата. Мужчина захрипел и попытался меня сбросить, но я справился. Всё сошлось на нём. Его смерть развяжет узел.

Доктор оставил попытки сбросить меня, левая рука зашарила по полу. Я успел заметить в ладони стилус для планшета. Через секунду стальное перо впилося в моё правое плечо. Я зашипел от боли и ослабил хватку. Соперник воспользовался этим и оттолкнул меня.

Когда я выдернул стилус и бросился второй раз, в руках у Доктора уже появилась знакомая указка. Я успел ударить, разбитые очки полетели в сторону. Резким движением мужчина взвел батарею, спустя секунду моё тело пронзил электрический разряд. Боль вспыхнула в боку и мгновенно пронеслась по телу. Сердце зашло в истерику, легкие забыли о работе. Стянутые судорогой мышцы отказались слушаться. Меня, как тряпичную куклу отбросили в сторону.

— Санитаров сюда! — Доктор шмыгнул разбитым носом и глянул на меня. — Ты сделал выбор.

Я получил ещё несколько ударов по ребрам, даже сбился со счета. К горлу подкатила тошнота, перед глазами поплыли темные круги. Следующие минуты я рассматривал половую плитку в коридорах и мелькающие подошвы Доктора. Пара дюжих санитаров волокла меня, словно манекен. Когда я снова овладел телом, меня грубо встряхнули и заставили идти самостоятельно.

Скоро впереди показались распахнутые створки грузового лифта. Кабина намного шире предыдущей, никакого оргстекла и пластиковых панелей, только металл.

— Куда вы меня ведете? — Я спросил скорее из интереса, для страха не осталось места.

— Теперь тобой займется Авель. — Доктор снова разговаривал спокойно. — Он очень обиделся, когда мы забрали тебя. Пришлось дать ему другую игрушку.

— Обиделся?

— Мы развиваем только его экстрасенсорный потенциал. Интеллектуальное развитие остановлено на уровне дошкольника. Капризный маленький мальчик проще в обращении.

Я оторопел, внутри шевельнулось жуткое предчувствие.

— Что за игрушку вы ему дали?

— Интересную. — Мужчина пожевал губами. — Не такую интересную, как ты, но всё же.

— Кого вы ему отдали?!

Доктор бросил на меня удивленный взгляд, но быстро потерял интерес.

— Из последней партии. Ирина. Может, вы даже знакомы.

Новый приступ гнева бросил меня вперед, но крепкие санитары быстро подхватили под руки.

— Экономь силы. — Доктор даже не обернулся на возню. — Они тебе понадобятся.

Снаружи лязгнуло, кабина остановилась, створки разъехались в стороны. Наша маленькая процессия вышла на крышу корпоративной высотки. В лицо пахнул прохладный ветер, воздух наполнился острым запахом газа. Глазам открылся унылый стеклобетонный лес и огромный разлом над высоким горизонтом промышленного центра.

Вдалеке послышался женский вскрик. Внутри всё сжалось. Я с трудом оторвал взгляд от аномалии в небе и попытался осмотреть крышу. Даже не используя зрак, я почувствовал присутствие Авеля. Пульсации насыщенной бело-голубой оболочки резали чувства. Никакие материальные предметы не могли заслонить её от моего внимания. Рядом угадывалась и другая — блеклый радужный шар. Но на фоне ослепительного следа юноши я не смог ничего разобрать.

Меня провели сквозь лес антенн и россыпь горбатых вытяжек. За очередной надстройкой показался край. На свободном пятачке у самой пропасти по-турецки сидели два человека. В первом я сразу признал светловолосого сенсера, всё в том же серо-стальном костюме и распахнутом плаще. А вот вторым оказалась Ирина — темноволосая сенсер-близнец восьмого сектора.

Издали могло показаться, что это просто пара проводит время в необычном месте. Лишь когда мы подошли ближе, я заметил заплаканное лицо девушки и темную лужицу крови на полу. В кулачке мелькнуло крохотное лезвие. Между бровей собралась морщинка, Ирина закусила губу и провела новый разрез над левым запястьем. Из раны побежала кровь, раздался всхлип.

Шевельнулся страх. До меня дошло — девушка режет себя под чутким руководством Авеля. Юный сенсер сидел неподвижно, положив руки на колени, словно сосредотачивался для медитации. Но я чувствовал натянутую нить между двумя сознаниями. Он полностью подавил волю Ирины, оставив немного свободы, чтобы чувствовать боль и ужас происходящего.

— Авель, дорогой, отвлекись на минуту. — Доктор заговорил скучным будничным голосом. — Мы нашли тебе новую игрушку.

Сенсер повернулся, в меня уперся тяжелый властный взгляд. Такой может быть у пожилого мафиози, но не у молодого парня. «Кем ты был? И что от тебя осталось?», — захотелось спросить. Ирина за его спиной судорожно вздохнула и прижала порезанную руку к груди.

— Вы забрали его! — В чистом голосе звучала детская обида.

— Это было необходимо. — Доктор примирительно поднял ладони. — Но теперь он твой.

— Совсем? — Авель оживился. — Больше не заберете?

— Не заберем, — подтвердил мужчина. — Он больше не нужен. А вот с Ириной ты поступаешь некрасиво. Давай её отпустим?

— Нет! — парень мотнул головой. — Мы не доиграли.

Ирина коротко пискнула и завалилась на бок. Тело выгнулось дугой, девушка оказалась в опасной близости от края.

— Ладно-ладно. — Доктор улыбнулся и сделал шаг назад. — На твоё усмотрение.

— На моё, — кивнул Авель.

Ирина вернула контроль над телом и быстро отползла от края.

— Только не играй допоздна, — бросил мужчина, удаляясь. — Завтра нам понадобится твоя помощь.

Авель дождался, пока в отдалении хлопнут створки лифта, и лишь потом заговорил:

— Ты долго прятался. Ты и твой друг. Вы убежали от меня первый раз.

— Я подозревал, что нас ищет сенсер.

— Не называй меня так, — поморщился искусственный экстрасенс.

— А как тебя называть? — Сквозь страх проникло любопытство. Мне даже стало интересно наблюдать за парнем.

— Авель! Только Авель, — ответил блондин.

— Хорошо, Авель. — Я принял правила. — Чего ты хочешь от меня?

— Ты будешь драться. Со мной. Сейчас.

Ответ меня удивил. Во время нашего единственного поединка парень смял меня, почти как обычного человека. Спасибо садисту Доктору, что вернул меня в сознание. Чудо, что я остался в своем уме.

— Зачем?

— Ты сопротивлялся, — ответил Авель. — Никто так не сопротивляется, все слабые. Были двое интересных. Одного застрелили в центре, другой убежал с тобой. Теперь есть ты. Ты будешь драться.

Я помолчал несколько секунд, осмысливая сбивчивый монолог.

— Я не буду драться.

— Тебя отдали мне. — Авель был непреклонен. — У тебя нет выбора.

— Ты не понимаешь. — Я заглянул в пустые глаза, пытаюсь найти что-то человеческое. — Мы не враги. Эта пропасть в небе...

— Дерись! — Перебил парень.

В следующую секунду я почувствовал, как «захрустела» под давлением естественная ментальная защита. Авель почувствовал препятствие и усилил напор. В оставшиеся секунды я успел припасть на колени и коснуться холодной плиты. Бетон чувствуется хуже обычной земли, но мне удалось сконцентрироваться на многотонной статичной конструкции и ограничить нервную активность. Ассоциируя себя с твердыней, я замер и постарался рассеять прущую в меня энергию.

Почти минуту Авель то усиливал, то ослаблял напор, пытаюсь задавить силой. Стоило мне на мгновение потерять сосредоточение, пустить любую мысль или чувство, как их сметало чужой волей. Я уже почти потерял сознание, когда давление вдруг ослабло. Легкие сделали глубокий вдох, обычные чувства начали возвращаться, перед глазами появилась картинка.

— Дерись нормально! — Крикнул парень, пытаюсь восстановить дыхание.

— Не буду, — ответил я, едва смог говорить. — Ты сильнее. Ты уже победил меня там, на складе.

— Ты боролся в пол силы, — обиженно бросил Авель. — Отвлекал внимание от тех людишек, уводил за собой.

— Ты их видел? Тогда почему...

— Они не интересны, — перебил парень. — Борись, или я тебя заставлю!

— Попробуй. — Никакой уверенности не было, но я старался сохранить лицо.

Авель присмотрелся внимательнее. Наверное, я не смог закрыться полностью. Он

мгновенно прочитал мою тревогу и бросил взгляд на притихшую Ирину.

— Вы знакомы. — Он повел рукой, девушка дернулась, как от удара током. — Я сделаю ей больно.

Прежде чем я ответил, парень отдал мысленный приказ. Ирина, словно кукла, поднялась на ноги и побрела к краю крыши.

— Стой! Она не нужна тебе.

— Не нужна, — подтвердил Авель. — Нужен ты. Борись.

Тело девушки дернулось. Повинуясь чужой воле, Ирина несколько раз ударила лезвием порезанную руку. До меня донесся сдавленный всхлип. В опухших глазах застыло отчаяние.

Я потянулся к сознанию девушки чтобы лишить её чувств. Но парень легко отмел мою попытку. В ответ я сам получил шокирующую «пощечину» и едва не потерял контроль над телом. Давление на девушку Авель всё же ослабил. В ту же секунду она осела.

Преодолевая слабость и шум в ушах, я попытался нащупать вниманием позвоночный столб соперника и достать группу периферических нервов. Наверняка искусственный экстрасенс такого не умеет. Моих сил хватило лишь на короткое воздействие. Но и этого хватило, чтобы Авель зашипел от боли и припал на колено парализованной ноги.

Ответный удар заставил меня повалиться на четвереньки. Вестибулярный аппарат взбунтовался, по телу пошли острые фантомные боли. На несколько жутких секунд показалось, что мне вскрывают череп. С трудом выталкивая воздух, я прошипел:

— Я твой. Убери девушку с края. Она тебе не нужна.

— Не нужна, — снова согласился парень. — Пусть уходит.

Ирина поднялась на ноги и повернулась к краю. В широко раскрытых глазах отразился ужас. В следующую секунду девушка занесла ногу над пропастью и шагнула вперед.

В голове взорвался фонтан боли. Из горла вырвался звериный крик. Ломая все законы битвы разумов, я бросился к Авелю и сгреб его за грудь. В глазах парня мелькнуло недоумение, но прежде чем он усилил напор, я дотащил его до края и отправил вслед за Ириной.

Следующая минута выпала из памяти. Голова раскалывалась от каждого сердечного толчка, рвотные спазмы сгибали тело. К счастью, последние сутки я ничего не ел, а потеря полулитра жидкости ничем критичным не грозила.

Повинуясь интуиции, я добрался до другого края крыши и нашел крепление машины для мойки окон корпоративной высотки. Огромный пыльный агрегат оказался рабочим. Не знаю, какие силы помогли оживить электронику, но уже через минуту я полз по стеклянной стене, вцепившись в гигантский валик.

Агрегат замер на уровне тридцать первого этажа. После пятиминутного ожидания вдалеке послышался металлический скрежет. Я дождался, когда кабина монорельса пройдет подо мной и, очередной в раз попрощавшись с жизнью, прыгнул.

От удара я едва не потерял сознание. Алюминиевая крыша слегка промялась, но автоматика, не запрограммированная на редких самоубийц, не среагировала, и транспорт продолжил движение.

Глава 16 По колено в...

В лицо дыхнул прохладный ветер. На ходу Марк застегнул верхнюю пуговицу комбинезона и поднял воротник. К вечеру температура упала. Оранжевый край солнца сполз за горизонт, унося остатки тепла. Последние лучи с трудом освещали пригородную полосу жилого кольца, постепенно уступая темноте территорию воинской части и пустую дорогу до ворот.

Маркус Кронекер шагал по самому центру трассы, ни от кого не скрываясь и не глядя по сторонам. Много часов тщательного планирования и инструктажа остались позади. Все нервы и волнения остались с ними. Теперь всё получится. Или нет. Осталось только действовать.

Под сапогом зашуршал щебень обочины. Марк прикинул расстояние до ворот и ускорил шаг. Пришлось взять ближе к забору, чтобы не попасть в поле зрения единственной камеры контрольно-пропускного пункта. Когда до здания поста осталось полсотни шагов, Марк повернулся лицом к забору и принялся расстегивать ремень. Ноги стали шире, левая ладонь оперлась о бетонную поверхность. Его фигура на фоне серой плиты отлично заметна даже в наступивших сумерках.

Ждать пришлось недолго. Через пару минут дверь открылась, и на пороге КПП показался пухлый бритоголовый солдат — самый заядлый курильщик из всего наряда. Короткие ручонки поправили автомат на плече и подтянули ремень. Он даже успел раскурить сигарету и сделать пару затяжек, прежде чем заметил постороннего у забора.

Для убедительности Марк завозился с молнией на ширинке. Захотелось вспомнить какую-нибудь похабную песню, но в голове ничего подходящего не нашлось. Потому Кронекер продолжил молча мять одежду в ожидании окрика. Скоро слева послышались торопливые шаги и нагловатый голос спросил:

— Эй, дед? Ты охренел?

«Дед? Неужели я так паршиво выгляжу?», — мелькнуло в голове. Вместо ответа Кронекер заторможено повернулся на голос и сделал испуганные глаза.

— Ты в курсе, что на забор военного объекта ссышь? — Продолжал солдат.

— Я? Не... нет! — Марк замотал головой. — Я просто остановился... отдохнуть.

— Отдохнуть? Вижу я. Сколько выпил?

— Я ж не потому, что... — замямлил Кронекер. — Это ж, чтоб выжить!

— Вали отсюда, пока я наряд не вызвал, — посоветовал солдат.

Продолжая бурчать, Марк почти минуту возился с пуговицами, потом принялся искать что-то на земле. Солдат быстро оценил состояние «клиента» и попытался прощупать карманы Марка.

— Посмотрим, что у тебя есть...

Кронекер оттолкнул бойца и неожиданно для себя выдал:

— Станция Железный пруд далеко?

— Щас я тебе устрою станцию! — Ответил пухлый вояка и снял рацию с пояса.

Палец надавил «Прием», рация захрипела помехами. На лице солдата отразилась работа мысли, брови сошлись над переносицей. Несколько секунд он сосредоточенно щелкал переключателями, но ничего кроме шума в эфире не нашел.

Кронекер уже заметил силуэт за его спиной и решил отвлечь внимание вопросом:

— Может... батарея? На зарядку там...

— Да иди ты! — Огрызнулся солдат.

Спустя мгновение радия выпала из рук, на лице отразился страх. За спиной раздался шорох. Медленно, словно сонный, солдат повернулся на звук и оказался лицом к лицу с рослым мужчиной в плаще. Лысый сенсер с татуированными бровями положил ладонь на лоб бойца. Вояка замер, глаза закатились, и спустя пару секунд он осел без сознания.

— Почему так долго? — Возмутился Марк.

— Разбирался с камерой. Кстати, первоклассный спектакль. — Сет улыбнулся. — На посту не заметили.

— Обход каждые тридцать минут. — Кронекер глянул на дисплей «Ассистента». — У нас осталось двадцать три.

— Значит, поспешим, — кивнул Сет.

Оба двинулись к входу на КПП. Перед дверью Сет ненадолго остановился и прикрыл глаза.

— Двое, — прошептал сенсер. — Один, похоже, спит.

— Ясно. — Кронекер взвел пневматику. — На три...

Сет рывком распахнул дверь. Марк нырнул в проём первым. Почти сразу хлопнула пневматика. Солдат, сидевший в коридорчике, получил дротик транквилизатора в шею. Кронекер бросился к нему и прижал к стене, дожидаясь, пока подействует препарат. Сет пробежал мимо. Из соседней комнаты послышались звуки борьбы, что-то грохнуло на пол.

Через несколько секунд всё закончилось. Подстреленного Марком солдата парализовало. А его заспанный товарищ получил от Сета шокирующее касание и забылся более крепким сном.

После быстрого осмотра в караульном помещении нашелся терминал с дюжиной экранов от местных видеокамер. На ближайших двух танцевали помехи, наведенные Сетом. Еще несколько чернели пустотой. На остальных худо-бедно различались подходы к основным объектам части.

Почти минуту Кронекеру пришлось потратить на внесение коррективов в разработанный маршрут. Наконец, «Ассистент» одобрительно пискнул, и Марк выдохнул:

— Идем через столовую, потом автопарк.

Вдалеке раздался скрип тормозов, и скоро за дверью послышались легкие шаги. За секунду до стука Кронекер распахнул створку, держа пневматику наготове:

— Шила? Входи.

Лысая подруга немного отшатнулась от дула пистолета, но на пороге не задержалась.

— Семь мониторов, — вместо приветствия сказал Сет. — Смотри за выходом из восточной казармы. Держишь связь с Маркусом.

Не дожидаясь ответа, сенсер на секунду прикрыл глаза и коснулся переносицы.

— Они здесь. Выходим.

Марк зашагал вглубь караулки и приоткрыл дверь на территорию части. Снаружи его дожидалась пара сенсеров: мрачный и собранный Юрий и недавно ставшая на ноги Соня. Сет бесшумно вышел следом и прикрыл дверь.

— Может, всё-таки оставим её здесь? — Без особой надежды спросил Кронекер.

— Нет, — отрезал Сет. — Она закроет тебя в случае чего.

— На плацу пусто, — доложил Юрий. — Вечерние занятия закончились, патрулей не видно. Двинули?

— Маршрут немного изменился, — добавил Марк. — Они добавили несколько камер.

— Странный запах... — Сет повел татуированный бровью.

— Туалет у самой стены, — буркнул парень, отряхивая колени. — Гении военной инженерии...

Спустя минуту группа уже двигалась вдоль стены хозяйственного блока. Минуя центральные дороги, Кронекер быстро вышел к внутреннему дворику кухни. Не дожидаясь приглашения, Сет дернул тяжелую дверь и вошел в здание.

Марк шагнул следом. В нос ударил душный запах общественной столовой. Слух уловил мерный рокот старых вытяжек. Внутри помещения, заполненного печами, столами и гигантскими пароварками, трудились две поварихи. Ближайшая к выходу дородная бабка в необъятном фартуке среагировала мгновенно:

— Эй, бойцы! Ужин через час! — Здоровенный черпак с остатками жареной капусты переместился в правую руку.

— Всё в порядке, мы уходим...

Сет успокаивающе коснулся её руки, и у дюжей поварихи закатились глаза. Оседая на пол, тетка потащила за собой сорокалитровую кастрюлю с сомнительным варевом. Гулкий удар, и парующая красноватая жижа разлилась по плитке. Вторая работница вскрикнула, но к ней устремился Юрий, и через пару секунд она тоже растянулась у плиты.

Группа быстро пересекла хозяйственные помещения и пустой обеденный зал. Перед тем, как выбраться наружу, Кронекер активировал передатчик «Ассистента»:

— Шила? Глянь въезд на автопарк. Что там?

— У КПП оформляют грузовик, — донеслось сквозь помехи. — Оба дежурных там. Можно идти.

Короткими перебежками, минуя открытые места, диверсанты добрались до небольшой пристройки у склада ГСМ. Как только замыкающая Сонька прокралась мимо входа в кладовую, лязгнул засов и тяжелая дверь открылась. В проеме показался престарелый прапорщик в запыленной рабочей форме. Почти полминуты Марк наблюдал, как он роется по карманам, раскуривает сигарету.

Сет указал на воображаемые наручные часы. Кронекер кивнул. Через мгновение хлопнула пневматика, и тонкий дротик впился в шею незадачливому вояке. Спустя полминуты неподвижное тело уже лежало внутри кладовой, а группа собралась в проеме между зданием и бетонным ограждением автопарка.

— Слишком нервно, — выдохнула Соня.

— Отстаем на минуту. — Кронекер огляделся. — Здесь лезем через забор и уходим направо за ближайший гараж.

На бетонных плитах внутренней части автопарка колючей проволоки не оказалось. Солнце окончательно исчезло за горизонтом, и в наступивших сумерках никто не заметил четыре тела, по очереди перемахнувших через ограду.

Дальше маршрут пролегал через открытую стоянку автопарка. Кронекер без проблем провел сенсеров сквозь лабиринт старой военной техники и тягачей. Последний бросок пришлось сделать на границе зрения видеорегистратора заправочной станции.

Только миновав последний гараж, Марк свернул за угол бетонного ограждения и позволил группе остановиться.

— Мы рядом? — Спросил Сет.

— Почти пришли. — Марк выглянул из укрытия. — Это старое здание штаба. Вон

ступени. Оружейная в подвале.

— Снаружи никого. — Взгляд Юрия стал отрешенным, уперся в стену.

— Внутренний наряд, три человека. — Объяснил Кронекер. — Смена только через час.

Запоры — механика. Хотя бы один нам нужен в сознании.

— Приводи себя в порядок, и начинаем, — приказал Сет.

Марк быстро поправил камуфлированный комбинезон, застегнул воротник. Чёрный берет старого образца появился из-за пояса и занял место на бритой голове. Легкие нервно втянули воздух, Кронекер последний раз осмотрел себя и зашагал прямо к бронированной двери в подвал. Сенсеры рассредоточились у входа вдоль стены, вне досягаемости глазка камеры.

На ходу Марк заложил большой палец за ремень и постарался придать лицу наглое выражение. Остановившись прямо перед панелькой переговорного устройства, трижды грохнул в дверь кулаком. Несколько секунд ничего не происходило, затем динамик терминал треснул помехами и прохрипел:

— Личность и цель прибытия.

Кронекер надавил кнопку и выдохнул в микрофон:

— Доброе утро, Вьетнам!

На том конце что-то упало и затарахтело по бетонному полу. Через несколько секунд терминал снова ожил:

— Личность... и цель прибытия, — запинаясь повторил дежурный.

— Лейтенант! — Рывкнул Кронекер. — Ты совсем охренел?!

— Товарищ... кхм... Назовите личность и уровень...

— Что ты мямлишь?! — Оборвал Марк. — Буди свой наряд и тащи их к переговорнику.

Щас я вам устрою инструктаж!

Неожиданный напор выбил инициативу у дежурного. Динамик замолчал на полминуты. Переминаясь с ноги на ногу, Кронекер уверял себя, что молодой боец сейчас действительно будит сослуживцев, а не вызывает оперативную группу.

Сенсеры по сторонам сохраняли образцовое спокойствие. По правую руку Юрий и Сет сцепились друг другу в плечи и закрыли глаза. «Настраиваются», — одними губами прошептала Соня.

Наконец, динамик снова зашипел. Не дожидаясь ответа, Кронекер выпалил:

— Ну что?! Собрались, вояки хреновы? Меня все слышат?!

— Так точно, товарищ... кхм...

— Смирнов с вами?

— Какой... Кто?

Марк сделал шаг влево. На виски легли холодные ладони Сони, словно хрупкая девушка пыталась уберечь старого социопата. Кронекер даже вздрогнул от неожиданной заботы. В голове мелькнуло кареглазое воспоминание, внутри шевельнулась невыносимая тоска. Но через мгновение сенсеры нанесли удар. Затылок взорвался болью, но Соня сработала четко, и сознание начало меркнуть.

На минуту Марк погрузился в забытие. Гаснущие чувства сообщили, как подгибаются ноги, как чьи-то тонкие ручки укладывают неподвижное тело на землю. Взгляд упирается в темнеющее небо. По серой глади идут круги, грязно серые тучи тянутся вниз, складываются в знакомое женское лицо. На несколько секунд тело забывает о дыхании, остекленевшие глаза смотрят вверх, пытаясь запомнить получше дорогие черты.

Но образ начинает меняться. Сложный рисунок упрощается, глазницы проваливаются в темноту. Изящное лицо Кет превращается в примитивную маску — эмблему корпорации.

Внутри что-то обрывается. Воли больше нет. Но тело требует новый вдох, удушье не дает провалиться глубже. Картинка перед глазами вздрагивает раз... другой... мираж рассеивается. Третий удар по щеке окончательно возвращает Кронекера в реальность. Сквозь шум крови в ушах доноситься:

— Марк! Ты с нами? — Юрий по-прежнему сдержан. — Соня, ты уверена, что соизмерила...

— Я едва погрузила, — оправдывалась зрячая. — Он сам начал уходить.

— Я здесь, — выдавил, наконец, Марк. — Всеё получилось?

— Прошло нормально, — ответил Юрий. — Сейчас Сет работает с одним из бойцов.

С помощью парня Кронекер поднялся на ноги. Мир немного качнулся, но быстро стал на место. Старший сенсер стоял, прижавшись лбом в бронированной поверхности, правая рука плавно перемещалась по железу, иногда останавливаясь и сдвигая воображаемые запоры. Наконец, до Кронекера дошло, по ту сторону двери движения Сета повторял морально подавленный лейтенант. По спине пробежал холодок.

— Кукольный театр... — поморщился Марк.

Наконец, тяжелая бронированная створка глухо лязгнула замками и приоткрылась. Ещё несколько секунд молодой солдат стоял на пороге, потом Сет повел рукой, и безвольная кукла повалилась на землю. Дальше по коридору нашлись ещё двое — пси-волна достала весь наряд.

— Внутрь, быстро, — скомандовал Кронекер. — Смена придет на КПП через семнадцать минут.

— Веди, — кивнул Сет.

Шесть драгоценных минут ушли на обыск оружейного склада. В темном подвале среди стеллажей с боеприпасами и амуницией даже Кронекер ориентировался плохо.

— Нашёл! — Марк припал на колени у штабеля опломбированных деревянных ящиков. — В одном из них... срывай!

Щелкнули кусачки, одна за другой на пол полетели две тяжелые крышки. В тусклом свете фонаря блеснула металлическая поверхность и матрица одинаковых кнопок.

— Есть! — Марк завороченно провел рукой по бронированной крышке массивного кейса.

— Вскрывать некогда, — бросил Сет. — Вынести успеем?

— Он тяжелее, чем кажется. — Голос Кронекера подрагивал от волнения. — Юра помоги... взяли!

Железный ящик показался целиком. С предельной осторожностью Марк опустил его на землю.

— Ронять нельзя. Часть детонаторов на пассивном взводе.

— Сколько здесь? — Спросила Соня, но осеклась под взглядом Сета.

— В тротиловом эквиваленте... — продолжил Юра.

— Почти полтонны. — Кронекер криво усмехнулся и поднес левую руку к губам.

Приемник «Ассистента» с готовностью треснул помехами. Из динамика донеслось:

— Слушаю, Док.

— Шила, передай, пусть Веер подгоняет фургон в угол на северо-востоке.

— Там же гигантский нужник? — Связная немного удивилась.

— И такая же гигантская выгребная яма, — добавил Марк. — И сама уходи.

— Принято, — ответила Шила и прервала связь.

Сет осмотрел спутников и скомандовал:

— Юра, подхватили! Кронекер, веди.

— Ох, не отстираемся, — заметил Юрий, хватаясь за железную ручку.

— Рождаются по колено в дерьме... — зачем-то вспомнил Марк. — Пророк хренов...

Глава 17 Гуманизм

Порыв ветра распахивает куртку. Холодный утренний свет отражается в грязной тонировке стен соседних корпусов. Я стою на крыше брошенного комплекса и смотрю вниз. Под ногами пустые кварталы — санитарная зона Полис-6. На часах 4:27. Мне уютно. Тысячное дежавю.

— Это самоубийство... — Сонька оторвалась от созерцания заброшенных кварталов и посмотрела на меня.

— Не сгушай. — Я прищурился, глядя на холодный блик. — Шансы есть.

— Какие шансы? Вы собираетесь в старый центр!

— Сейчас там заканчивается эвакуация. — Я уже не надеялся её убедить, просто успокаивал себя. — На вышке останется только техперсонал и центр управления. Уверен, все члены совета сейчас за чертой полиса.

— Ты не знаешь наверняка, — не отступала Соня. — Ты вообще веришь этому Кронекеру? Бывших сотрудников такого уровня не бывает...

— Верю. Наблюдения Соломона... наши наблюдения согласуются с тем, что он говорит. Вмешиваться надо сейчас.

— Сейчас нужно бежать! Может, потом мы что-нибудь придумаем...

— Одиннадцать миллионов населения, — оборвал я. — Они не побегут. Соня, я видел Алгоритм. Если Маяк заработает... людей здесь не останется.

Девушка прикусила губу. На лице отразился испуг. «Она боится отпустить меня», — дошло, вдруг.

— А Надрыв? — Соня сделал последнюю попытку. — Никто из сенсоров не подобрался так близко.

Я посмотрел на чернеющую пропасть в небе, по спине пробежал холодок.

— У мен высокий порог. А Сет покрепче нас всех будет. Мы справимся.

— Тогда я иду с вами, — заявила девушка.

— Нет, — тихо выдохнул я. — Не идешь.

— Ты не сможешь запретить мне! — В решительный тон закралась дрожь.

— Не смогу.

Я повернулся к Соне и взял её за плечи. Девушка напряглась для сопротивления, но я ослабил хватку. Правая рука убрала прядь светлых волос со лба. На меня внимательно смотрели чистые серые глаза. Я притянул Соню к себе, и наши губы соприкоснулись. Я почувствовал, как сильные ручки впились в мой комбинезон, и обнял её крепче. На несколько секунд окружающий мир перестал существовать.

Когда она освободилась, я понял, что угадал. Такого «нападения» она не ожидала. В следующую секунду мои пальцы коснулись её виска. Легкий шокирующий толчок, и Сонька без сознания повисла в моих объятьях.

— Не перестарайся. — Сет появился незаметно. — Им ещё выбираться.

— На пару часов хватит, — успокоил я, подхватывая Соню на руки. — Князь успеет увезти её достаточно далеко.

— Не завидую я ему. — Сенсер улыбнулся. — Нам пора.

— Ты не передумал? — На всякий случай спросил я. — Затея опасная.

Сет покачал головой:

— Я уже давно мертв. А это обещает быть занятым.

— Ты не перестаешь меня пугать, — пробурчал я.

— Бывает полезно. — Тень улыбки исчезла с лица Сета. — Всё готово. Борода выведет

Кронекера на точку через полчаса.

Я кивнул:

— Переодеваемся и выходим.

Хлюпающее эхо шагов металось между стенами тоннеля. Освещая дорогу маленькой группе, впереди плясал светляк фонаря. Кронекер отвлекся на секунду, и промокший сапог с мерзким чавканьем погрузился в грязь.

— Чёрт... — тихо выругался Марк, доставая ногу из маленького болота.

— Привыкайте, Док, — не оборачиваясь, пробасил дюжий проводник. — Если я правильно понял, обратно выбираться будем бегом.

Уже почти час Веер, Шила и Кронекер блуждали по зловонным лабиринтам городского коллектора, следуя за местным проводником Бородой.

— Как ты здесь ориентируешься, Борода? — Веер дышал глубоко и шумно, увесистый баул на плече не давал расслабиться.

— Поживи здесь с моё — узнаешь, — ответил проводник, запахивая полы необъятной плащ-палатки.

— Надеюсь, не придется.

— Береги дыхание, боец, — посоветовал Кронекер.

Остаток пути прошел в молчании. Только когда за очередной развязкой группа уперлась в тупик, Борода подал голос:

— Похоже здесь. Док, сверьте карту.

Несколько минут Кронекер вглядывался в крохотный дисплей «Ассистента», пытаясь разобрать в хитросплетениях коллектора их маршрут.

— Да, это здесь. — Марк подошел к стене, потрогал ржавую решетку сточной трубы. — Переборка тонкая. Бетон и кирпичная кладка. За ней старая котельная и какие-то подвалы. Убежище должно быть ниже.

— Мы глубоко, — заметил Борода. — Уверены, что всё это не обрушится?

— Маловероятно, — отмахнулся Марк. — Шила минируй. Отходим глубже.

Девушка сбросила ранец со спины и припала на колено. Скоро на свет появились три свертка с направленными зарядами. Кронекер не стал дожидаться, пока она установит взрывчатку и отошел вглубь тоннеля. Борода и Веер последовали его примеру и укрылись за поворотом.

Спустя пару минут раздались хлюпающие шаги, и Шила вернулась со взрывателем.

— Все готовы? — спросил Веер. — Берегите уши.

— Давай, — приказал Марк.

— Три... два... один...

Грянул взрыв, земля под ногами дрогнула, по тесным тоннелям метнулось гулкое эхо. На несколько секунд всю группу оглушило. Сквозь звон в ушах Кронекер услышал рев проводника:

— Жду здесь сорок минут! — Напомнил Борода. — Появятся бойцы УВБ — ухожу. Опоздаете — ухожу.

— Двинули! — Скомандовал Веер и выхватил из-под плаща автоматический дробовик.

Маленький штурмовой отряд бросился к пробойне в стене. За проломом сгустилась темнота. Маленький подствольный фонарь с трудом рассекал её, выхватывая очертания громоздких котельных агрегатов и мертвого оборудования.

— Я веду. — Кронекер полез первым, к фонарю Веера добавился голубоватый луч от «Ассистента». — Мы должны выбраться в центральный канал как можно быстрее.

Следующие минуты потерялись в темном лабиринте технических помещений. Взламывая очередную дверь, Веер не выдержал:

— Вот нахрена здесь городить отопительную систему?

— Здесь был целый комплекс, — ответил Марк, не отрываясь от карты. — Над нами три метра фундамента и северные опоры телебашни. Здесь можно пережить небольшой ядерный взрыв.

— Наверняка, это секретная информация, Док, — заметила Шила. — И ты опять в курсе.

— У меня здесь забронирован номер... — обронил Марк. — Был забронирован.

Лязгнул запор, и дверь подалась в сторону. Узкий коридор за ней оказался освещен. Под потолком мигали несколько неоновых трубок.

— Теперь к оружию. — Марк расстегнул кобуру, в правую руку легла старая «беретта» с глушителем. — Здесь могут быть рабочие. Веер не спеши с дробовиком... и береги нашу посылку.

Рослый неформал пропустил Кронекера вперед. Шила достала из ранца короткий пистолет-пулемет и заняла место слева. В таком порядке группа обследовала несколько помещений и продвинулась глубже. Скоро на границе слуха появился тихий рокот.

— Генераторная, — отметил Марк. — Мы близко.

— Док, может здесь и заложим? — Спросил Веер. — Лезть к посту внутренней безопасности не хочется.

— Нет! — Тон Кронекера стал жестче, в глазах сверкнул фанатичный огонь. — Взрыв должен разнести опоры. Я знаю место...

Скрипнула железная створка, впереди открылась дверь, и в коридор вышел рабочий в спецовке. Кронекер мгновенно вскинул оружие. Глухой толчок, и технар с простреленной головой полетел на пол.

— Твою... — Веер подавился фразой.

— Бегом! — Рыкнул Марк. — Магистраль рядом. Шила доставай направленные.

Пролетев мимо нескольких машинных залов, группа выбралась к подземной развязке. Ещё двое случайных рабочих погибли, срезанные скупой очередью от Шилы.

— Куда теперь? — Спросил Веер.

Марк остановился, вспоминая расположение блоков:

— Эскалатор и грузовой лифт на поверхность... — Он махнул рукой. — Здесь за поворотом!

Через полминуты отряд добрался до площадки подъемника. Сама кабина уже уползла наверх, к посту внешней охраны.

— Закладывай все, что есть. — Скомандовал Кронекер. — Если не достанет блокиратор, скоро здесь будет опергруппа.

Пока Веер и Шила укладывали направленные заряды, Марк «вправил мозги» щитку управления. Хлопнул предохранитель, схема заискрилась, в воздухе появился запах гари. Лифт для персонала замер в шахте.

— Готово! — Крикнул Веер.

— Стой... — Кронекер подхватил у бойца тяжелый баул. — Самоубийца. Если это сдетонирует, твой ирокез выйдет на орбиту!

Когда группа отошла на безопасное расстояние, Веер надавил на спуск. Раздался взрыв, со стен посыпалась облицовка. Подъемник замер.

— У нас есть немного времени, — на ходу сказал Марк. — Пока они расконсервируют аварийный ствол шахты.

Маленький отряд свернул в административную часть и сразу попал под огонь. С первыми выстрелами Кронекер бросился на пол. Левое плечо обожгло огнем. Рядом вскрикнула Шила, а через мгновение над головой загромыхал дробовик. Когда Марк выхватил пистолет, перестрелка уже закончилась. Двое охранников лежали разорванные крупной дробью. Рядом стонала девушка.

— Док?!

— Нормально. Царапина, — ответил Марк.

Веер припал на колени и склонился над подругой. Шила перевернулась на спину, с правой стороны на ребрах расплылось красное пятно.

— Зас... зацепило... — Девушка попыталась сесть, зашипела от боли и сползла на руки Вееру.

— Молчи, — приказал неформал. — Если легкое задето... Док, её надо вытаскивать.

— Заберем на обратном пути, — отрезал Кронекер. — Поднимайся.

Веер оторопел, в глазах мелькнул испуг.

— Ты забыл, зачем мы здесь? — Надавил Марк. — Время уходит, поднимайся, или мы все здесь останемся!

— Док... — выговорил Веер. — Ты же Док, нельзя так оставлять её.

— Ранение не смертельное, — начал разнос Кронекер. — Выходного отверстия нет, внутреннее кровотечение силой мысли я не остановлю. Прислони её к стене, пусть прижмет рану.

Спустя минуту Веер уже шагал рядом. Лицо каменное, руки сжимают оружие до хруста. По пути от крупного дробовика разлетелись ещё трое охранников и один зазевавшийся техник. Вместо шумного неформала Марк получил молчаливую машину убийства. Сам Кронекер тоже работал на пределе. В голове крутилась карта административного корпуса, тяжелая «беретта» то и дело толкалась в плечо отдачей.

Они несли с собой смерть. Когда граната вынесла тяжелые двери, Кронекер первым вошел в зал заседаний. Дым от взрыва ещё не рассеялся, а в стенах уже заметались звуки выстрелов и крики раненых. Спустя пять секунд вокруг длинного стола лежали полдюжины трупов. Перешагивая тела и лужи крови, Кронекер направился к единственному выжившему. Приличного вида седобородый мужчина в медицинском халате даже не успел покинуть место во главе стола. Дрожащие руки стянули с лица очки, в Кронекера уперся затравленный взгляд.

— Док, ты куда нас привел? — Нарушил молчание Веер.

Кронекер проигнорировал вопрос. Всё его внимание поглотил заложник. В тяжелой тишине раздался шаг. Захрустела стеклянная крошка. Кронекер остановился в двух шагах от мужчины и тихо произнес:

— Добрый день, Кристофер. Ты меня не забыл?

Пожилого мужчину передернуло, но он промолчал. Казалось, его вот-вот хватит удар.

— Док, мы должны заложить бомбу. — Веер с трудом сдерживал ругательства.

— Оставь её и убирайся, — проронил Марк, не сводя глаз с заложника.

— Ты с ума сошел?!

Марк повернулся к своему полевому командиру, «беретта» повела стволом.

— Я не хочу убивать тебя. — Голос Кронекера стал спокойным и отстраненным. —

Оставь заряд и уходи. Я сам закончу здесь.

В глазах Веера мелькнуло удивление, но ему хватило ума не спорить. Рослый анархист опустил баул на стол и спиной попятился из зала. Скоро тяжелые ботинки застучали по коридору.

Марк отошел от заложника и открыл сумку. Из нее появился увесистый металлический цилиндр, сплетенный разноцветными проводами. Пальцы прошлись по клавиатуре у основания, и на электронном дисплее замигали цифры обратного отсчета.

— Узнаешь свою игрушку? — Спросил Кронекер.

Круст нервно мотнул головой.

— Зач... чем? — От волнения его голос сел.

— Я поставлю жирную точку в своем проекте, — пообещал Марк.

Он вернулся к собеседнику, свободная рука принялась отстегивать подсумок от пояса.

— А с тобой у нас будет разговор...

Сумка шлепнулась на стол, внутри что-то звякнуло. Скоро на свет появился небольшой хирургический набор.

— Долгий... и непростой. — Попутно Кронекер уже наполнял шприц.

— Снаружи полно моих людей. — Круст начинал паниковать. — Ты же не самоубийца!

— Не будь так уверен. Люди меняются.

Полумеханическая левая рука вцепилась мужчине пониже затылка.

— Марк, зачем тебе это?! — Взмолился заложник.

— Ты отнял у меня всё, — ответил Кронекер, занося шприц. — Теперь моя очередь.

Через мгновение игла вошла в шею.

Звон в ушах. Мерзкий тяжелый звон. Перед глазами пляшут блестящие огоньки, в голове противная слабость. Чтобы не упасть, я припал на колени. В полированном полу шевельнулось моё отражение. Не дожидаясь, пока силуэт оживет, я перевел взгляд на окружающую обстановку.

На смотровой площадке светло. За широкими окнами промышленный пейзаж: верхушки заводских корпусов, стальная паутина лесов и пути навесных монорельсов. На полу вокруг меня корчатся полдюжины бойцов ведомственной охраны. Крови мало. Почти все в сознании, но помешать уже никому не смогут. Чуть дальше Сет копается в щитке подъемника.

— Ты как? — Бросил сенсер через плечо.

— Нормально, — ответил я. — Уже восстановился.

Нужно отдышаться и навести порядок в голове. На нижний уровень старой телебашни мы выбрались, но впереди ещё полторы сотни метров по вертикали до центра управления.

— Следи за дыханием и латай оболочку, — посоветовал спутник. — Похоже, придется подниматься пешком.

Чужие документы и пропуска провели меня и Сета за внешний периметр, но на этом везение закончилось. Мы успели добраться до скоростного лифта, но уже на пятом этаже

кабина резко затормозила, и створки распахнулись, выпуская нас на уровень. К счастью, четверка охранников замешкалась — два безоружных технаря в серых робах не показались им опасными. Нас попытались задержать. За неосторожность весь наряд поплатился сполна. По меньшей мере двоим Сет обеспечил легкую контузию.

Ещё двое патрульных оказались умнее и открыли огонь из табельного оружия. Первого я заставил пробить головой окно. Второго Сет сломал грубой манипуляцией. Парень прострелил себе ногу и теперь стонал в углу. Мне хватило беглого взгляда на жёлто-зеленые пятна оболочки, чтобы понять, он на грани болевого шока. Но это уже его проблема.

— Не выходит, — вздохнул Сет и захлопнул щиток. — Новый лифт, дурная система управления.

— Дальше ногами? — Я даже улыбнулся, представив перспективы.

— Конечно. — Сет говорил серьезно. — Разомнемся перед прорывом.

— По лестнице... — я попытался сосчитать. — Это же минут пятнадцать. Скоро служба безопасности очнется, и нас примут, как родных. И я ещё молчу про самочувствие...

— Спокойно, — отмахнулся Сет. — Нам нужно всего-то на следующий уровень. Там выход в шахты старых подъемников.

По воздуху пробежала легкая рябь. Рация на поясе ближайшего охранника зашипела передачей:

— Третий, где вы? Прием... — Дежурный подождал положенные секунды. — Доложите, что с нарушителями?

— Прихвати с собой, — посоветовал Сет. — Будем в курсе событий.

Сам он не побрезговал табельным пистолетом патрульного. Большинство сенсоров недолюбливают огнестрельное оружие, побаиваясь вероятных обысков и уголовной ответственности. Я же и вовсе никогда не брал в руки, потому ограничился увесистой резиновой дубинкой.

Когда рация разразилась новым монологом, Сет легко коснулся её, и динамик зашипел помехами.

— Помолчит минутку, — объяснил он. — Пусть думают, что проблемы со связью.

— Давай выбиратья наверх, — сказал я.

Мы быстро пересекли смотровую площадку и нашли выход к «лестнице». Ею оказалась жуткая винтовая конструкция из гнутых стальных балок и паутины вертикально натянутых тросов. Опиралось это чудо на торчащие из стен железные консоли. Я ощутил легкое головокружение, едва стал на первую ступень. Притихшая на время боязнь высоты вдруг вцепилась с новой силой.

— Посмотреть бы в глаза проектировщику, — буркнул я, пробуя на прочность ржавые перила.

— Не ценишь современное искусство, — съехидничал Сет. — Это же постиндастриал.

— Вернусь на землю, сразу начну ценить, — пообещал я.

— А если серьезно... — Сет посмотрел вверх. — Лифты-то пустили, но лестницу наверняка не трогали. А семьдесят лет это срок.

— Спасибо. Теперь мне легче.

Крутой подъем длился чуть больше минуты, но к концу пути я уже чувствовал, ноги начинают меня ненавидеть. Странная мысль даже для моей нездоровой головы. Вместе с физическим росло и нервное напряжение. Обычный пересчет ступеней не успокаивал. Пытаясь отвлечься, я перешел на зрак, чтобы просмотреть силовой контур шахты лифта. В

сознание тут же ворвался тяжелый рокот, над головой разверзлась черная пропасть Надрыва. Аномальный фон мгновенно перерос в единственно возможную реальность.

От испуга я практически «вывалился» в нормальный мир, перешел к обычному зрению. Пришлось вцепиться в хлипкие перила, чтобы устоять. Сет заметил моё замешательство.

— Не переходи надолго, — посоветовал сенсер. — А то провалишься. Две-три секунды, глянул обстановку и выныривай. Мы слишком близко.

— Учту, — выдавил я.

Боязнь высоты отступила. Её сменили головокружение и тошнота. К счастью, подъем закончился, дальше лестницу перегораживала грубо сваренная решетка.

— Это из нашего века. — Сет потрогал свежие сварочные швы. — Придется проветриться.

— Это ты к чему? — Насторожился я.

— Как у тебя с промышленным альпинизмом? — Спросил сенсер, толкая двери на ближайший технический этаж.

Пересохший пластик с хрустом отъехал в сторону. Из проёма потянул холодный ветер. Впереди показался кусочек серого неба. Мы вышли на протяженный балкон заброшенного технического этажа.

Редкая стальная сеть, натянутая вдоль всей площадки, заменяла здесь герметичные пластиковые окна. Потому ветер продувал этаж насквозь. Руки привычно зашарили по одежде, пытаюсь застегнуть воображаемую куртку. Через пару секунд я вспомнил, что на мне простая серая роба и запахнул липучку на шее.

Когда я ступил на площадку, в глаза сразу бросилась городская панорама: крыши корпусов промышленного центра, стеклянные стены офисных небоскребов, далекая полоса жилого кольца. Оказывается, мы успели подняться на полсотни метров.

— Здесь рабочие ничего не трогали, — заметил Сет, перешагивая кучи хлама и битой облицовки. — Тем лучше.

— Выхода в шахту тут быть не должно, — заметил я. — Слишком низко... да и зачем?

— Правильно, — кивнул Сет. — Подъемник на пару этажей выше.

Внутри шевельнулось тревожное предчувствие, но я промолчал. Мы прошли половину оборота, прежде чем нашли окно в сетке, закрытое решетчатой дверкой. Сет потрогал навесной замок и бросил:

— Наш путь вверх.

Я присмотрелся внимательнее, и внутри всё похолодело. Сет имел в виду хлипкую проржавевшую лесенку с каркасом, которая проходила за решеткой. По внешней поверхности башни.

— Ну, ты и... — прошипел я.

— Поздно, Юра, — опередил меня татуированный сенсер. — Дыши глубже и вниз не смотри.

Старый замок не выдержал натиска и отвалился после пары крепких пинков. Потом Сет приложился к дверце и вместо того, чтобы открыть, сорвал с петель проржавевшую калитку. От вида чистого не зарешеченного окна в небо меня пробрала дрожь. Мой спутник взялся за узел сетки и поставил сапог на край.

— Ступени слабые. Лезем по одному, — сказал он. — Я крикну.

И не дожидаясь ответа, подтянулся к ближайшим перекладам и влез под каркас. Несколько ловких движений, и ботинки сенсера скрылись из виду, словно он каждое утро

начинал такой зарядкой.

Чуть больше минуты я ждал сигнала. Пальцы в тонких обрезанных перчатках начали мерзнуть. Несколько раз порывы ветра доносили до меня глухие удары и скрежет металла. Потом мимо пролетел обломок решетки. За ним послышалось:

— Юра, давай! Только осторожно...

Внутренности очередной раз противно сжались. Стараясь смотреть строго перед собой, я подтянулся и стал на край. Левая нога долго шарила в воздухе, пытаюсь найти крайнюю перекладину. Когда под носком появилась опора, я сделал усилие и рывком ввалился в ржавый рукав лестницы. Руки нервно вцепились в ближайшую ступень. Взгляд скользнул вверх. Впереди меня ждали три десятка метров вертикального подъема внутри тесного рукава. Зарешеченное серое небо над головой уже не радовало воображение.

Подгоняемый страхом, я быстро пополз вверх. Дюжина перекладин осталась позади. Я даже успел подумать, что неплохо справляюсь, когда раздался противный скрежет, и очередная ступень лопнула под сапогом.

Проклиная всё на свете, я вцепился в облезшие перила и отчаянно засучил ногами в поисках опоры. Спустя несколько жутких секунд паника отступила, и я подтянулся на руках. Ноги нашли следующую нишу. Дальше подъем пошел максимально осторожно и медленно.

— Ну, где ты там? — Послышалось сверху.

Впереди появился лысый череп и протянутая рука. Я не произнес ни звука, пока не влез с помощью Сета в старое пластиковое окно. Только внутри, привалившись к стене, я смог выдавить:

— Чтоб я ещё раз... ещё раз!

— Давай соберись, — посоветовал Сет. — Времени мало, а нам ещё умирать сегодня.

— Не нагнетай, — отмахнулся я. — Всё должно получиться.

— Хорошо, что персонал эвакуировали. — Сет рассуждал уже на ходу. — А то мы бы в жизни не прошли.

— Что хорошего в...

Я запнулся на полуслове. От основания башни вверх метнулась волна энергии. Волосы на теле стали дыбом от всплеска электромагнитной активности. Мне хватило секундного погружения в зрак, чтобы увидеть ослепительную нить, натянутую в десятке метров слева за железобетонной стеной.

— А вот и питание, — констатировал Сет. — По шахте старого лифта пустили.

Голубоватая оболочка энергетика запульсировала.

— Идем. — Я хлопнул его по плечу. — Наверное, Кронекер уже под нами. Когда Анхи выйдут на связь, мы должны быть готовы.

Этаж оказался просторнее и чище предыдущего. Вдоль всей внешней стены сохранились пластиковые окна. Мы успели пройти полсотни метров, когда впереди показались створки грузового лифта. Сет дернулся вперед, но я успел схватить его под руку и прижать к стене. Сенсер непонимающе уставился на меня, но потом проследил взгляд.

— А вот и Большой брат. — Я указал на глазок видеокамеры.

— Тем лучше. — Сет поправил робу и спрятал пистолет дальше за пояс. — А то уже сил нет возиться с этой электроникой.

— Это зачем? — Насторожился я.

— Стой здесь, — ответил сенсер. — И концентрируйся на панику. Я покажусь верхнему посту.

С этими словами он вошел в поле зрения камеры и несколько раз демонстративно прошелся взад-вперед. Затем остановился у кабины лифта и ткнул кнопку вызова. На лице появилась идиотская ухмылка.

Почти минуту ничего не происходило. Я уже начал сомневаться в новом плане, когда ощутил легкое возмущение — где-то наверху кабина ожила и тронулась вниз. По дисплею над лифтом забегали цифры. Сет повернулся так, чтобы лицо не попадало в кадр, и посоветовал:

— Выбирай двоих самых гипнабельных. Но держи крепко. — Он положил ладонь на створку. — И будь готов ударить подавлением...

Я не стал отмахиваться от логичных советов. Мой мозг усиленно работал, аккумулируя эмоции для удара. Попутно я обращался к расширенному зрению и наблюдал сгусток энергии в приближающейся кабине.

Наконец, лифт дополз на приемлемое расстояние. Очередной раз обратившись в зрак, я различил пять мерцающих силуэтов и выбрал два самых тусклых.

— Дави, — прошептал Сет и сместился на шаг в сторону. — Я заморожу камеру.

К этому моменту я выудил из памяти сочный приступ клаустрофобии. Мгновение, и на двоих бойцов внутри кабины обрушился ментальный удар. Несколько секунд мужчины сопротивлялись, но потом естественная защита рухнула, и они поддались панике.

Из шахты лифта слышались крики и глухие удары. Я почувствовал легкий откат. Это Сет усилил давление и добавил какой-то сложный образ. Кабина заходила ходуном. Товарищи уже не пытались успокоить пораженных бойцов. Ещё один неустойчивый поддался общему ужасу. Для полного эффекта Сет пустил серию толчков в питающую сеть, от чего лампа в лифте превратилась в стробоскоп.

Свалка внутри продолжилась с новой силой. По мере приближения кабины, я повышал давление. Голова раскалывалась, в висках стучала кровь, но два обезумевших человека продолжали получать новые воспаленные образы. Я перекачивал в них свой страх. Они плавили его в ужас и гнев.

Скоро грохнул первый выстрел. Сет опомнился и достал пистолет. Я тоже прекратил накачивать панику и стал по другую сторону от дверей лифта. В левую руку легла увесистая дубинка, правая ладонь с растопыренными пальцами потянулась вперед. Последние секунды я потратил, чтобы собрать силы для шокирующего касания.

Когда створки распахнулись обезумевшие пассажиры ломанулись наружу. Пистолет Сета хлопнул дважды. Первый охранник полетел на пол, обе пули легли в прореху на груди разорванной рубахи. Второго бойца я подцепил за ногу жезлом. Мужчина повалился на землю, и я тут же бросился сверху. Испуганный боец попытался сбросить меня, но я успел прижать правую ладонь к его виску. Жёсткий толчок, и у него закатились глаза. Я оттолкнул безвольное тело и поднялся на колени, выставив дубинку для обороны.

Но на меня никто не бросился. Ещё один боец с простреленным бедром выполз прямо под ноги Сету. Тот, не задумываясь, хватил его рукоятью по голове и перешагнул. В самой кабине на залитом кровью полу нашлось ещё два тела. Один парень без сознания с разбитым лбом, другой — с простреленной головой.

— Офисные крысы... — Сет вытер пот со лба. — Их оставили для порядка. Похоже, наверху никого нет.

— Говоришь так, будто это плохо, — ответил я, поднимаясь на ноги.

— Мы так и планировали. — Энергетик порылся во внутреннем кармане, на свет

появилась полоска фольги с запечатанными таблетками. — Держи. Это разгонит организм для стресса.

— Две сразу? — Я взял прозрачные розовые капсулы. — Не много?

— Нам ещё тетрадоксин жрать! — Обычное спокойствие изменило Сету. — А перед ним стимуляторы, чтоб в центр управления пробиться! А ты печень бережешь...

— Всё, молчу, — я примирительно поднял руки.

— Одну проглотить, другую раскусить, — отрезал сенсер. — А то не дотянешь до своих подвигов.

Во рту разлился резкий кислый вкус. Почти сразу кровь бросилась к голове, сердце заработало быстрее. Внутри начало теплеть. Сет напротив меня скорчил гримасу, татуированные брови сошлись над переносицей. В нагрудном кармане завибрировал наладонник. Я даже вздрогнул от неожиданности.

— Отвечай. — Сенсер нагнулся и оттащил неподвижное тело от дверей лифта. — Это должен быть Марк.

Я достал КПК и активировал приемник. Из динамика донеслось чье-то тяжелое дыхание. На заднем плане раздавались невнятные шорохи и плеск воды.

— Кронекер? — Спросил я. — Что у вас?

— Это Веер, — ответили мне. — Планы изменились.

— Что случилось? Вы заминировали опору?

Послышался тихий стон, полевой командир принялся кого-то успокаивать. Через несколько секунд пришел ответ:

— Мы уходим. У меня на руках раненый боец.

— Куда уходите? — Я оторопел.

— Док остался там. Бомба у него. И ждать вас он не собирается.

— Остался? Зачем?! — Глупо спросил я. — Сколько у нас времени?

— Не знаю. Мало. У него свои счеты, — ответил Веер. — Он взорвет себя вместе с... и вас тоже. Убирайтесь из промышленной зоны!

Наладонник жалобно пискнул, Веер оборвал связь.

— Псих, — прошипел Сет. — Говорил, ему нельзя доверять!

— Наверх! Быстро!

Я почти втащил сенсера за собой в лифт.

— Ты уверен? Может, ещё успеем выбраться...

— Мы уже близко, — ответил я. — Поехали.

Сет надавил пару кнопок на панели, двери захлопнулись, и кабина поползла вверх.

— Впервые вижу сенсера, который так спешит выжечь себе мозги, — задумчиво произнес Сет.

Во время подъема мы активировали наручные браслеты. Ещё на базе Анхи Сет перезарядил их. Вместо тормозящих веществ, в кровь выплеснулась убойная доля стимулятора. Сердце ещё больше ускорило ритм. Мысли понеслись сплошным потоком, реакция обострилась. Время будто замедлило ход.

Лифт поднял нас на полторы сотни метров. Когда на табло показалась цифра 217, кабина остановилась, и створки поползли в сторону. К этому времени я и Сет мобилизовали весь ресурс ЦНС.

Контрольный пост охраны мы просто смели. Дежурные всё ещё пытались выйти на связь с предыдущим отрядом и не ожидали прямого нападения. Полдюжины технарей и

наладчиков внутри центра управления и вовсе не пытались сопротивляться. Или мне так показалось. Заряженный до предела, я гасил искры сознания одним касанием. Блеклые силуэты валялись на пол безвольными куклами.

Несколько раз моё тело сотрясилось от ударов, но мозг блокировал ощущения, чтобы я мог продолжать. Болевой шок, паническая атака, паралич — я раздавал увечья, не щадя никого. Эти люди точно знали, чем занимаются.

Сознание прояснилось только спустя пять минут. Я понял, что стою в центре круглого зла. Окружающая обстановка походила на растянутый узел управления атомной станцией. Всюду громоздкие панели и пульта управления, батареи мерцающих мониторов, системные блоки и гирлянды индикаторов. В противоположном от входа конце — прозрачная стена, серое небо и панорама полиса. У неё койка, окруженная медицинским оборудованием. На мятой простыне неподвижное тело, должно быть, тот самый Идеальный Гражданин. Всё, как объяснял Маркус.

Только спустя секунды зрение отметило на полу неподвижные тела работников и кровавые пятна, расплывающиеся на полу. К горлу подкатила тошнота. Сердце забилося тяжелее, удары стали отдаваться в висках. Действие стимулятора закончилось. Дальше по расписанию слабость и торможение.

— Мы успели вовремя. — Сет пребывал в том же состоянии, но стоял на ногах тверже. — Тут все готово. Дай мне карточку.

Крошечная карта памяти быстро «перепрошила» центральный компьютер. За пару минут мы перенастроили параметры излучающей антенны по инструкциям Кронекера. Мощность излучения будет меньше на два порядка. Программирующая составляющая исключена. Обычные граждане даже не почувствуют работу Маяка.

Специфичные колебания коснутся лишь особо чувствительных — потенциальных сенсоров. Я подтолкну к раскрытию ту сотую долю процента, заставлю искать инициации тысячи возможных собратьев. Насколько гуманно сводить с ума людей без их ведома? Открытый вопрос. Но они должны знать.

— Почти готово, — сказал Сет, не отрываясь от монитора. — Юра, убери этого коматозника и ложись сам. Сейчас считаем активность твоей коры.

Я подошел к койке и остановился. Мне стало жаль его... или её. Кусок мяса, выращенного, быть живим шаблоном для нового поколения людей. Вряд ли он вообще осознавал себя. Я попытался приподнять костлявое тело, когда ИГ неожиданно открыл глаза. Тонкая рука вцепилась в мою одежду, и он захрипел:

— Ошибка! Ошибка протокола!

Я сбросил слабую конечность и прижал ладонь к его лбу. Тщедушное тельце выгнулось дугой, и через секунду существо потеряло сознание. Я осторожно стащил его на пол и занял место на койке.

Скоро Сет соорудил на моей голове корону из электродов и присосок. Не к месту всплыло воспоминание о докторе, который когда-то пытался снять мою томограмму. Его расширяющиеся от ужаса глаза. Я даже улыбнулся.

— Ты всё-таки псих, — прокомментировал Сет. — Нам скоро от передоза помирать, а ты...

— От тебя, как комплемент, — ответил я.

— Всё, не шевелись.

Он набрал пару команд на клавиатуре и запустил сканирование. Волосы на голове

зашевелились. Терминал рядом с койкой ожил, на мониторе проявилась плоскость из зеленой сетки. Скоро ровная поверхность пошла волнами, к зеленому добавились цвета холодного спектра, затем оттенки красного. Спустя минуту сканирования на экране уже ничего нельзя было разобрать. Яркая кислотная палитра моего сознания застыла на мониторе.

— Есть шаблон, — сказал Сет. — Снимай это барахло.

— Странно, что нас ещё не обесточили, — заметил я, срывая присоски.

— Спасибо ребятам Анхи. Похоже, они там сильно напшалили.

Энергетик набрал ещё пару команд и рванул какой-то крупный переключатель.

— Перешли на ручное управление, — прокомментировал он.

— Дистанционное для наладчиков, — сказал я.

— Они уже собирались спуститься в убежище, чтоб не спечься так близко от излучателей, а тут мы...

— Ничего, уже не спекутся, — заметил я, перешагивая тела. — Мощность не та. А вот нам бы хватило. Анабиотик не потерял?

Сет нагнулся и достал из-за сапога две запечатанных пластинки. Одну бросил мне. Я разорвал пленку, в ладонь легла крохотная черная капсула.

— Славный тетрадоксин. — Сет задумчиво повертел пилюлю. — Паралич ЦНС и общее отравление. Какие у нас шансы проснуться?

Я пожал плечами:

— Ты же сам говорил, пятьдесят на пятьдесят.

— С моей-то печенью... — Сет подошел к пульту управления и положил руку на самый крупный рубильник.

— На счет три, — попросил я.

— Спокойной ночи, — улыбнулся Сет.

— И тебе, — кивнул я.

Внутри похолодело.

— Раз... два... три!

Сет рванул рубильник. До слуха донесся нарастающий гул. Я почувствовал, как рвется вверх поток энергии, как оживает конструкция на вершине. Вся башня напряглась, готовясь высвободить часть мощи, пролить её на многомиллионный полис.

Не дожидаясь, пока излучение вывернет моё сознание наизнанку, я положил капсулу с рот и раскусил. Брызнула горькая жидкость, через секунду язык онемел. Ещё через две отравы попала в кровь, и я перестал чувствовать тело. Ноги подкосились, картинка перед глазами завалилась. Только боковое зрение успело отметить, как рядом оседает Сет.

Пришла темнота. Мою крохотную сущность потянул, завертел неудержимый вселенский поток. Я летел и тонул, не имея ориентиров, не различая верх и низ, не находя привычного рваного горизонта. Ни одна мысль или чувство не могли догнать меня в бешеном круговороте. Только хаос движения и тьма вокруг.

Не знаю, сколько времени прошло и есть ли смысл отталкиваться от времени. Я растерял любую волю и желания, но моё физическое тело очередной раз презрело тонкие материи и решило напомнить о себе. В непроглядной тьме проступило чувство. Боль. Главный страх и последнее спасение. И эта боль потянула меня наверх.

Я очнулся от звука. Знакомого протяжного стога. Прошло несколько секунд, пока я узнал свой голос и замолчал. Все внутренности терзала мерзкая тягучая боль. К горлу то и

дело подкатывала тошнота. Печень горела огнем. Казалось, меня вот-вот разорвет.

Собравшись с силами, я разлепил левый глаз. Расплывчатая картинка быстро собралась в потрескавшийся бетонный потолок. Голова грозила расколоться на части, но я всё же приподнялся на локте, чтобы осмотреться. Вокруг ничего не изменилось. По ощущениям гигантский излучатель отработал и затих.

— В эфире тихо, — прохрипел я.

Неподвижный Сет лежал в двух шагах, но на мою шутку не ответил. Я собрался с силами и подтянул колени. Едва тело поднялось на четвереньки, к горлу подкатил комок, и меня вырвало. Ещё полминуты я ползал по холодному полу, проклиная парализованные конечности, пока всё же сумел подняться.

— Эй, вставай! — Я постарался сказать как можно громче. Получилось не очень. — Все сработало, уходим!

Никакой реакции. Я опустил на колено и перевернул энергетика на спину. В потолок уставились остекленевшие глаза. Меня испугал неестественный желтый цвет склеры. Рука коснулась артерии на шее — ничего. С огромным трудом я перешел на зрак и присмотрелся. В остывающем теле не было никакой нервной деятельности. Голубоватая оболочка истончалась и таяла на глазах. Так угасал на моих руках Соломон.

Меня «накрыло» ещё раз. Взгляд затуманился, я снова упал на бок. Не приспособлено слабенькое тело, выдерживать столько стрессов подряд. На заднем плане появились шаги и голоса. Я отнесся спокойно к новой галлюцинации. Далеко не первой за последние месяцы.

— Сюда! Вот они!

— Проверь пульс... Давай под руки!

Спокойствие немного пошатнулось, когда моё тело приподняли и потащили из зала. Такие стойкие галлюцинации — редкость. Я даже почувствовал запах пота и чью-то колючую бороду на своей шее.

— Брось! — Раздался у меня над ухом знакомый бас. — Ему уже не помочь.

Ответа я не расслышал, но моя уверенность пошатнулась. Скоро я начал различать половые плиты, мелькающие внизу, и по привычке начал помогать спутникам ногами. Последний удар моему рассудку нанёс звонкий вскрик Соньки:

— Он пришел в сознание!

После этого тонкий палец отодвинул мне веко. Возмущенный таким обращением, я мотнул головой.

— Юра держись, мы скоро выберемся, — пробасил Князь, тащивший меня под руку. — Куда иньектор, дура?! У него печень сейчас чуть жива!

Меня внесли в лифт. За время минутного спуска я пришел в себя и окончательно уверовал в реальность происходящего. Соня и Князь пришли, чтобы вытащить меня.

— Пять минут назад Кронекер вышел на связь, — объяснил бородач. — Он всё ещё под нами, и сейчас подорвет северные опоры башни... и себя заодно.

Никто не преградил нам дорогу. Скоростной лифт доставил нас на нижний уровень. Пустые коридоры и выбитые двери проводили наружу. Опираясь на плечо Князя, я бежал изо всех сил. Рядом легко неслась испуганная Сонька. Глупо было надеяться, что я смогу уснуть её из города насильно.

Мы вылетели на пустую улицу и свернули в ближайший проспект. Но не успел я отсчитать и пяти кварталов, как земля содрогнулась от взрыва. Полукилометровая вышка дрогнула и стала крениться набок. К счастью, не в нашу сторону.

— Бегом! — Крикнул Князь, словно до этого мы ползли.

Но безумная гонка продолжалась недолго. Когда я обернулся последний раз, вышка начала складываться и оседать. Асфальт под ногами задрожал, как живой. Все звуки подавил тяжелый грохот. Я оторвался от Князя и подхватил Соню. Сомнительным убежищем стал подъезд административного корпуса. Мы вжались в угол за ступенями. В последние секунды я сгрэб протестующую девушку и закрыл телом.

На квартал опустилось облако пыли, вокруг застучали падающие обломки, зазвенело стекло. Над головой взвыла заводская сирена. Рядом беззлобно сматерился Князь. Под боком шевельнулась Сонька, и я почувствовал, как крепкие ручки обнимают мою шею.

Больше книг на сайте - Knigoed.net